

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

Советской Юстиции

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА:

Москва, Кузнецкий мост, д. 7. Телеф. 2-80-42
3-18-42

ЦЕНА НУМЕРА в Москве и провинции 60 коп.

№ 44-45

16—23 НОЯБРЯ 1925 г.

№ 44-45

Участие прокуратуры в борьбе с детской беспризорностью и преступностью.

Рост преступности несовершеннолетних, обусловленный беспризорностью и рядом экономических причин, продолжается и требует возрастающего внимания.

Как отметил V Всероссийский съезд деятелей советской юстиции в резолюции по докладу тов. Крыленко о карательной политике и усилении в ней классового принципа, «вопрос о борьбе с детской преступностью должен быть сочетаем с целым рядом социальных мероприятий по борьбе с детской беспризорностью, как основным источником преступности вообще».

Съезд признал, между прочим, необходимость увеличения числа колоний для малолетних преступников «в целях решительного устранения возможности пребывания малолетних в общих или даже при общих местах заключения».

Борьба с детской преступностью и беспризорностью, само собой разумеется, не могла быть возложена на одну лишь прокуратуру. Для одного органа она вообще была бы непосильна.

Проведение тех разнообразных мероприятий административного, экономического и воспитательного характера, которые необходимы в целях, если не полного устранения, то уменьшения детской беспризорности и преступности, предполагает широкое и планомерное участие не только государственных органов, но и пролетарской общественности.

Но вместе с тем, как орган, призванный руководить борьбой с преступностью, прокуратура, конечно, не могла стоять в стороне и от борьбы с детской преступностью.

Оказание максимального содействия в борьбе— такова была директива Центральной Прокуратуры. И по мере организационного укрепления прокуратуры, директива эта на местах получает все большее значение. Задачи надзора здесь совершенно ясны. В первую голову они сводятся к надзору за соблюдением тех специальных норм советского зако-

нодательства, которые касаются ограждения прав и интересов несовершеннолетних.

Участие прокуратуры в борьбе с преступностью несовершеннолетних выражалось в надзоре за деятельностью комиссий о несовершеннолетних правонарушителях, правильное функционирование которых является одним из условий успешности этой борьбы.

Надзор за комиссиями о несовершеннолетних осуществляется путем получения периодической информации, производства обзоров находящихся в производстве комиссий дел, обследований комиссий и других связанных с ними учреждений для несовершеннолетних правонарушителей. Вопросам борьбы с детской преступностью и беспризорностью и деятельности комиссий о несовершеннолетних как в 1924 году, так и в 1925 г. уделялось значительное внимание почти всеми без исключения губернскими совещаниями по борьбе с преступностью.

Более нормально и интенсивно надзор осуществлялся в губцентре; в уездах он поставлен значительно слабее.

Улучшение как судопроизводственной стороны работы комонес, так и материальных их условий— таковы были главнейшие устремления местных прокуратур. Каковы же результаты?

В области судопроизводственной прокуратуре, несомненно, удалось достигнуть почти повсеместно удовлетворительных результатов. Прокуратура устранила в большинстве случаев такие процессуальные недочеты, как принятие к производству дел о взрослых (вследствие не проверки документальным и врачебным путем возраста правонарушителей), хаотическое ведение делопроизводства, неведение протоколов, неаккуратная явка к заседаниям членов комиссии, нерегулярность заседаний, залежи неразобранных дел и т. п.

Во многих городах прокуроры снабжали комиссию о несовершеннолетних и необходимыми юриди-

ческими материалами и вообще инструктировали комонес по вопросам, которые возникали в практике их и за разъяснением которых они обычно и обращались в прокуратуру.

Совершенно иначе, к сожалению, дело обстоит с достижениями в области материальных условий работы комонес и других связанных с борьбой с детской преступностью учреждений.

Здесь пока речь может идти лишь об отдельных, можно сказать, единичных случаях достижения в результате настойчивых мероприятий прокуратуры удовлетворительных материальных условий.

Так, например, Амурский прокурор в отчете за 2 полугодие 1924 года сообщает, что «отчасти благодаря настоянию прокуратуры удалось добиться ассигнования ГИК'ом средств на организацию колонии несовершеннолетних».

Точно также в Курске таким образом удалось провести (в 1924 г.) через ГИК ряд мероприятий в целях устранения недочетов, обнаруженных при обследовании детских колоний.

В Пензе при участии и содействии губпрокурора организована детская ночлежка, рассчитанная на 60 чел., в Пскове — ночлежный приют для 200 детей (1925 г.).

Ряд мер к улучшению работы комонес был принят Саратовской губпрокуратурой в результате обследования губкомонес в марте месяце с. г. Обследование показало, что, вопреки инструкции («С. У.» 1920 г., № 68), существует полная оторванность комонес от первоначальной стадии расследования дела, с которым она впервые знакомятся лишь по получении законченного производства от органов дознания. Заседания комонес происходят 3 раза в неделю, не всегда регулярно на заседания являются представители губздрави и губсуда. Ежемесячно через комиссию проходит в среднем до 50 дел с 70—75 лицами.

Определение на работу, помещение в детдома нормального типа и дома специального назначения не практикуется: первое по местным условиям, в виду безработицы, а второе и третье за переполнением таких домов. Связь с уездными комиссиями слабая, проявления ее были чисто случайными; отчетов о деятельности не получалось.

В целях устранения всего этого, прокурором было предложено органам дознания немедленно сообщать в комонес о случаях задержания малолетних и несовершеннолетних. Обращено было внимание губсуда на невыполнение его представителями в губкомонес лежащих на них обязанностей. Возбужден был перед губоно вопрос об открытии при институте социального перевоспитания специального помещения для малолетних в случае необходимости ведения дознаний, связанных с их проступками. При губернских местах заключения открыто особое помещение для последственных несовершеннолетних, которых по окончании дознания и в случаях необходимости их изоляции направляют в труддом для несовершеннолетних (в 7 верстах от города).

Предприняты были также шаги к открытию особого помещения для изоляции несовершеннолетних нарушителей при институте социального воспитания и к установлению увязки работы в комонес с деятельностью губдеткомиссии при ГИК'е.

Но все это, повторяем, лишь отдельные паллиативы.

В общем и целом материальные условия работы комонес продолжают оставаться крайне тяжелыми. Вопрос о борьбе с детской преступностью продолжает оставаться одним из больших вопросов.

«Нужно определенно сказать, что ни комонес, ни совещаниям, ни прокуратуре не удалось до сих пор сдвинуть вопрос с места настолько, чтобы от мер паллиативного свойства, пролетарская общественность перешла к устранению причин, порождающих явления беспризорности детей», — так характеризует положение вещей отчет Центральной Прокуратуры за 1924 год. Таким оно в общем остается и по отчетам 1 полугодия 1925 года.

Комиссии во многих местах или вовсе не функционируют, или функционируют с большими перебоями. Отсутствие соответствующих медико-воспитательных учреждений, недостаточность числа обследователей, недостаточность отпускаемых средств сводит работу этих комиссий к весьма скромным результатам. Не имея в своем распоряжении достаточного количества специальных изоляторов для несовершеннолетних, комиссии в отношении последних или направляли дела в суд, или ограничивались «впущениями», или, наконец, отдают несовершеннолетних на попечение тех самых родственников, которые доказали свою неспособность надлежащим образом это попечение осуществлять и даже выявили свое отрицательное влияние на несовершеннолетних. Такими мерами комиссия вынуждена ограничиться в тех случаях, когда из дела явно усматривается необходимость направления определенной категории несовершеннолетних преступников именно в изоляторы.

Чтобы не быть голословными, приводим несколько выдержек из отчетов с мест.

«Прокуратура справилась с задачей постановки судопроизводственной стороны дела, но усилия прокуратуры помочь делу перевоспитания нарушителей в духе приучения их к труду пока что остаются бессильными, и причиной является отсутствие средств» (отчет Рязанского губпрокурора за 2 полугодие 1924 г.).

А вот как изображает состояние борьбы с детской преступностью последний отчет Вятского губпрокурора: «Вопросам детской преступности посвящались совещания по борьбе с преступностью и в некоторых уездах.

В результате обследования всех уездных комонес необходимо прийти к выводу, что тем серьезным требованиям, которые к работе предъявляются, они, безусловно, не удовлетворяют. Прежде всего с точки зрения личного состава: нет ни детских педагогов, ни врачей-педагогов. Затем идут материальные условия работы, которые, в конечном итоге, нельзя назвать даже удовлетворительными.

Характерной особенностью уездных комиссий необходимо считать их абсолютный отрыв от деревни и, главным образом, от несовершеннолетних правонарушителей. Последних они, в буквальном смысле слова, не видят в глаза. Работа, примерно, идет так: проступок совершен в глухом уезде, милиция ведет дознание, материал так или иначе поступает в уездную комиссию, вызывать мальчика за сотню, а то и больше верст смысла нет, поэтому разбирают дело заочно, мера наказания в под-

влияющем большинстве случаев «внушение», так как в детский дом его поместить очень трудно в связи с материальными условиями. «Внушение» идет в деревню и через местного педагога доводится до сведения мальчика - правонарушителя. Думается, что мало внушительного в этом «внушении». Однако, придумать что-либо другое вряд ли можно. Есть, между прочим, проект организации комиссий на местах и в волостях, дабы их приблизить к правонарушителю. Но законом это не предусмотрено. Да и по составу своему они будут еще слабее городских.

Не лучшее дело обстоит в Тамбовской губернии:

«Работа комиссии о несовершеннолетних почти нигде не дает положительных результатов. Основная причина та, что слишком мал состав детских инспекторов: 1—2 на целый город с числом от 50 до 60 тысяч жителей.

Между тем, в губернии значительное количество беспризорных (в связи с постигшим ее недородом), и за 5 месяцев прошло 700 дел о преступлениях несовершеннолетних».

Небезынтересные данные и соображения приводит и отчет Тверского губпрокурора.

«Говоря о комонес, нельзя не отметить неопределенности их положения. До сего времени круг их прав и обязанностей определяется в достаточной мере устаревшим положением 1920 года. Характерен и взгляд отделов народного образования на комиссию и их работу, как на нечто лишь терпимое, поскольку имеется хотя и старое положение. Это в некоторых уездах привело, в частности, к тому, что должность председателя комонес совмещает такой-либо сотрудник УОНО, нередко без должной квалификации.

Естественным последствием такого положения вещей являются перебои в планомерности работы, и последняя выполняется по мере возможности, а то и вовсе не выполняется. Это видно из сведений № 2 за 1924 г. о движении дел в комонес: в отношении Тверского уезда—за июль и август при 25 и 33 делах в производстве не было разобрано ни одного дела, то же Бежецкого—за ноябрь из 60 дел, Ржевского—за август из 33 дел, Осташковского—за октябрь из 28 дел, Новоторжского—за июль и ноябрь соответственно из 71 и 53 дел и т. п.

Такое же явление усматривается и за 1925 год. Нельзя не указать также на формальное отсутствие губкомиссии, так как таковой не существует, объединяющие же функции выполняет Тверская городская комонес. Это обстоятельство, конечно,

также являясь ненормальным, вносит свою долю влияния и, в частности, отрицательно отражается на своевременном представлении отчетных данных.

Работа прокуратуры по комонес не была развернута в должной мере за недостатком времени и сил и ограничивалась более менее систематическим посещением заседаний и инструктированием письменно и словесно руководителей».

Прокурор Сталинградской губернии пишет: «Акты о замеченных при обследовании детдомов неправильностях препровождаются в соответствующие отделы, но затем при последующей проверке оказывалось, что со стороны отделов надлежащих мероприятий не принималось и те же ошибки продолжали там повторяться».

В Иркутске «штат, утвержденный РКК и исполкомом и предусматривавший 2 обследователей и 4 соц. инспекторов, в жизнь не проведен вследствие отказа бюджетной комиссии в средствах».

Приведенные сообщения далеко не исчерпывающего характера, и число подобных примеров можно было бы увеличить.

Они доказывают, что та программа мероприятий, которая намечена 5 Всеросс. съездом деятелей советской юстиции для борьбы с детской преступностью, еще очень далека от осуществления, что общественность еще недостаточно в этом направлении раскачалась, что, стало-быть, впереди еще предстоит очень большая, трудная и ответственная работа, от которой прокуратура не открещивалась и никем иным образом, конечно, открещиваться не будет.

Нельзя не согласиться и с высказанной Тверским губпрокурором мыслью о необходимости законодательного уточнения положения, структуры и деятельности комонес, продолжающих функционировать на основании несколько устаревшей инструкции 1920 года НКЮ, Наркомпроса и Наркомздрава («С. У.» 1920 г. № 68, ст. 308).

Что перспективы усиления борьбы с детской беспризорностью и преступностью далеко не безнадежны, что улучшение условий работы соответствующих учреждений (комонес и др.) достижимо, ясно хотя бы из приведенных выше иллюстраций, доказывающих, что не везде и не безусловно на пути улучшения в данной области стоят лишь одни объективные условия, что немалую роль здесь играют и «субъективные факторы» (невнимательность со стороны местных органов, отодвигание этих вопросов в «дальний ящик» и т. п.), которые при настойчивости и инициативе преодолеть можно и должно.

Н. Лаговнер.

Распределы должностные и частные.

(К ст. Кузнецова в № 31 «Е. С. Ю.» за 1925 г.).

О выводах т. Кузнецова не только можно, но и должно согласиться. К решению затронутого им ныне ударного вопроса следует подойти с двух сторон, с формально-логической и политической.

В основу логического анализа возьмем примечание к ст. 105 УК, иллюстрациями же к нему примечания т. Кузнецова.

Из первой половины примечания следует, что лица, служащие во всех государственных учрежде-

ниях, в наркоматах, разных центральных госуправлениях и их отделениях на местах, в том числе и в приравненных к ним в этом смысле кооперативах, являются должностными в собственном смысле. Это общезвестно—ибо покоится на прочно укоренившемся отождествлении понятия «должность» с занятием должности или службы в государственном учреждении—и не вызывает разногласий; растрата госимущества всеми подобными лицами всегда без

сомнений квалифицируется по ст. 113 УК. Коль скоро мы сталкиваемся в судебной практике с другим конкретным примером, с другим служебным лицом, не подходящим под указанное определение должностного лица по 1 пол. примечания или под привычные нам понятия, начинается разноречие. В чем дело? Тут обычно две причины: либо недостаточно ясная редакция закона, либо, если она ясна, чисто субъективное неправильное толкование тем или другим работником закона. Но это другой вопрос, и сейчас не в нем суть.

Обратимся к логическому анализу 2 половины примечания. Тут под должностными лицами разумеются «также» лица, служащие «в организации или объединениях, имеющем по закону определенные права, обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, просветительных и других общегосударственных задач», напр., парторганизации, профсоюзы, прочие чисто трудовые организации. Значит, по здравому смыслу, все примечание называет вообще должностными лицами не только служащих в «государственных», но и служащих в других указанных во второй его половине, т. е. во всех вообще учреждениях или предприятиях, преследующих общегосударственные задачи. Связав, таким образом, логически обе половины примечания, нетрудно уже будет на основании приведенных в нем признаков определить, является ли данное лицо должностным или частным, и следует ли при растрате применить 113 ст. или 185 ст. УК.

Теперь возьмем примеры т. Кузнецова. В первых двух примерах обвиняемые принадлежат к членам трудовых артелей ответственного труда; в последнем — агент типографии заготхоза милиции Республики. Последний пример вообще не вызывает сомнений в квалификации растраты этого агента именно по ст. 113, так как милиция является чисто «государственным» учреждением. Но в первых двух уже возникают сомнения, ибо в них мы имеем дело как будто с частными, не специфически «государственными» предприятиями. Однако, при применении к ним вышеприведенного анализа ясно, что растраты агентов этих артелей нужно квалифицировать по ст. 113, т. е. нужно признать их в смысле примечания должностными лицами. Почему? Потому что представляемые этими агентами предприятия по целям своей деятельности отвечают всем правовым элементам второй половины примечания, именно: они пользуются «правами и обязанностями» (а агенты их и соответствующими «полномочиями») в осуществлении тех или иных «хозяйственных» или и прочих задач. Можно, однако, возразить, «общегосударственные» ли эти задачи, тем более, что артели эти все же не «государственные» (в собственном смысле) предприятия. Ответ на это возражение можно дать с помощью ст. 10 УК, ибо эти предприятия, не являясь узко «государственными», делают, однако, государственное дело, обслуживая на ряду с «советскими» предприятиями массу трудовых граждан именно и прежде всего не в целях эксплуатационных, в капиталистическом значении этого слова, что особенно важно.

Помимо, однако, такого правового отождествления государственных и частных предприятий, ко-

торое может быть найдено логической или юридической натяжкой, в защиту высказанного нами мнения можно привести циркуляр НКЮ («Ежен. Сов. Юст.» № 25 — 1925 г.), который, касаясь расширения круга должностных лиц, ответственных за растрату, называет таковыми, кроме служащих в «государственных» учреждениях, служащих и в «общественных» учреждениях, предприятиях и организациях. Вот под понятие «общественных организаций» и подойдут все эти артели и подобные им организации, ибо они основаны в целях трудовой самоорганизации масс и являются особой разновидностью кооперации в широком значении этого слова.

Таким образом, при сомнениях в юридической природе той или иной организации, кажущейся не «государственной» и не «общественной», при сомнениях в распространении на нее примечания к ст. 105 УК и циркуляра НКЮ необходимо руководствоваться трудовыми, социалистическими (или коммунистическими) целями данной организации, как критерием (основой) для определения ее юридической природы, и поскольку в любом конкретном примере это будет налицо, нетрудно будет отнести растрату служащих в таких организациях к ст. 113-й. Дальнейшее подтверждение этой мысли мы находим в том же циркуляре НКЮ, где под должностными лицами разумеются не только занимающие должности с точно установленной ставкой содержания, но и тех, кто, исполняя «трудовые поручения» государственных и общественных организаций, получает за свою работу вознаграждение в форме комиссионных, процентных отчислений и т. п. («в этом роде»). Именно к этой категории «общественных» организаций и относятся предприятия в примерах т. Кузнецова и им подобные, где налицо оба признака должностного лица и «трудовые поручения» и вознаграждение без обязательных «точных ставок». А прокуратура нашего, напр., уезда еще дальше расширяет «этот род» ответственности по циркуляру, квалифицируя не по ст. 188 УК, как казалось бы нужно, а по ст. 113, присвоение пенки частным ремесленным-верочником, взятой последним по договору от завода для выделки за денежное вознаграждение этому заводу бечевы.

Таким образом, правовое отождествление с государственными в собственном смысле организациями названных артелей и им по целям своим подобных предприятий, с первого взгляда лишь кажущихся частными, по существу же «общественных», не может вызывать «юридических» сомнений и, естественно, приводит к отнесению их служащих к категории должностных лиц, а не частных.

Однако, если бы и всего этого логического анализа оказалось недостаточно для определения юридической природы того или иного служащего лица, необходимо обратиться к политической стороне разбираемого вопроса, как к последней инстанции, которая окончательно лишает спор по существу.

В настоящее время во внутренней государственной политике СССР господствует лозунг «сплошное к деревне». Цель его, как известно, — не только максимальное развитие производительных сил деревни, сельского хозяйства, но в связи с этим развитие и общегосударственной промышленной и всякой иной деятельности Союза. Средством к этому:

служит усиленное проведение начал революционной законности. Именно этим лозунгом объясняется появление, на ряду с другими аналогичными, названного циркуляра НКЮ, который отражает в себе взгляд верховной государственной власти на явление «эпидемический» характер массовые растраты, как на бедствие и зло общегосударственного масштаба, и указывает в силу этого на усиление борьбы с этим злом и усиление судебной репрессии за него. Нужно к этому еще прибавить, что СССР по характеру своей конституции и по политической структуре своих государственных, партийных, профсоюзных, кооперативных и прочих различных трудовых объединений и организаций существенно отличается от буржуазных государств. Таким образом, было бы принципиально непонятным, с точки зрения общей политики СССР, т.е. с точки зрения приближения мировой пролетарской революции, растрату служащими чисто государственных или приравненных к ним в разбираемом смысле общественных организаций, как кооперативы, профсоюзы, т.е. организации с уклоном социалистическим, квалифицировать по ст. 113, а растрату служащими указанных артелей и аналогичных им трудовых предприятий, следовательно, по характеру своему также с социалистическим уклоном, квалифицировать по ст. 185. Кроме того, эта принципиальная невязка привела бы не только к прекращающимся разногласиям в практической судебной деятельности, но и к подрыву лозунга «лицом к деревне», ибо очевидно, что борьба при

помощи ст. 113 с одними только растратчиками в государственных и общественных предприятиях в привычном для нас бытовом их значении оставила бы в стороне многочисленных растратчиков разных артелей и прочих трудовых организаций; и последние, зная, что по ст. 185 им угрожает лишение свободы не свыше 6 месяцев, охотно растратили бы или даже прихоронили (присвоили) «про черный день» не одну сотню и тысячу рублей, «справедливо» полагая, что в иных случаях «овчинка будет стоить выделки».

Таким образом, и политическая сторона вопроса говорит за отнесение служащих или агентов разных трудовых артелей и им подобных трудовых организаций с характерной для них социалистической структурой к должностным, но не частным лицам.

В итоге на долю ст. 185 должны остаться лишь растраты, учиненные частными лицами, ни где в государственных и общественных организациях в вышеуказанном смысле не служащих, — растраты имущества, принадлежащего такому же частному лицу (или и должностному, но принадлежащему лично ему, как частному человеку), или хотя и объединению лиц, но не имеющему по своим целям характера пролетарского или социалистического, напр., объединение нескольких частных торговцев или торговых фирм, действующих на началах капиталистически-эксплуатационных, т.е. в личных индивидуально-буржуазных целях, а не в интересах рабоче-крестьянских трудовых масс¹⁾.

В. Р.-н.

Неясность понятия „должностное лицо“ и кассационная практика Верховсуда.

В процессе работы по квалификации преступлений, совершенных «должностными лицами», на местах происходит масса недоразумений, так как примечание ст. 105 УК, действительно, очень смутно разъясняет понятие «должностное лицо», как об этом не раз писалось уже и на страницах «Ежен. Сов. Юстиции».

Нам, судебным работникам, приходится соприкоснуться при разборе дел с запиской, которая всегда, а если не всегда, то в большей части, делает ссылки на ту или иную кассационную практику как по уголовным, так и гражданским делам, и не только на кассационную практику Верховсуда РСФСР, но даже и на практику Верховсуда Украины.

Судебные работники кладут в основу ту кассационную практику, которая имеет сходство с делом, так как вполне естественно, что парсудья учится у губсуда, а последний у Верховсуда.

На одном кассационном казусе я и хочу остановиться по той причине, что последний тесно связан с понятием о «должностном лице» и создает неясности, чреватые серьезными последствиями.

Уголовно-кассационная коллегия Верховного Суда РСФСР, рассматривая дело по кассационной жалобе осужденного, следующим образом излагает сущность дела.

Лесник Южеского лесничества Вятской губернии Головин задержал крестьянина Чезганова

с возом дров, который последний вывозил из леса после установленного для этого срока. Чезганов не возражал против отобрания воза с дровами, но пилы, которую хотел забрать у него Головин, отдать ни за что не хотел. Во время препирательства из-за пилы Головин ударил несколько раз Чезганова кулаком и прикладом ружья.

Головин был привлечен за это к уголовной ответственности. Вятский губсуд, рассмотревший это дело, признал Головина виновным по 2 ч. 106 ст. УК (превышение власти с применением насилия) и приговорил его к лишению свободы на 3 года без строгой изоляции и без поражения в правах, и вместе с тем лишил его на основании 48 ст. УК права в течение 5 лет занимать ответственные должности в лесном ведомстве.

Верховный Суд, куда осужденный принес кассационную жалобу, не усмотрел в действиях Головина признаков 2 ч. 106 ст. УК. Верховный Суд нашел, что преступные деяния Головина должны быть рассматриваемы, как нанесение побоев должностным лицом, при чем последнее обстоятельство может быть рассматриваемо, какотягчающее вину. Таким образом, деяние Головина должно быть кассационно

¹⁾ В ближайшем будущем Редакция даст исчерпывающую статью по ватропному автором вопросу.

лиффицировано не по 106 ст., а по 153 ст. УК, т.-е. как «умышленное легкое телесное повреждение». Учитывая отсутствие тяжелых повреждений у избитого Чезганова и принимая во внимание тяжелые условия работы лесников вообще, Верховный Суд определил: назначить Головину лишение свободы на 3 месяца и исключить из приговора запрещение службы Головину в лесном ведомстве. (По сообщению газеты «Правда»).

Вышеуказанным определением признано, что лесник при задержании крестьянина ударил его несколько раз кулаком и прикладом ружья и что все это как бы надлежало квалифицировать по ст. 153 У. К., хотя бы побои были произведены должностным лицом при исполнении им служебных обязанностей.

Я не буду вдаваться в подробное обсуждение правильности применения Вятским судом к указанному делу ст. 106, ч. 2, УК, поскольку дело нам полностью неизвестно и поскольку к нему, возможно, нужно было применить ст. 1 ч. 105 ст. УК и т. д.

Но неясно то, почему кассационная коллегия признала в действиях Головина преступление частного характера, а не должностное. Ведь «субъектом преступления по службе может быть только лицо, состоящее в особом отношении гражданина к государству, которое предполагает, с одной стороны, наличие известных публичных обязанностей лица, находящегося на государственной службе, по отношению к государству,—обязанностей, сводящихся в конечном результате к общей обязанности действовать в интересах государства...»

Был таким лицом Головин?—Был, что и признано кассационной коллегией, да к тому же лесники вообще признаются должностными лицами и приравниваются к органам дознания (циркуляр НКЮ № 69 от 2 апреля 1925 г.—«Еж. Сов. Юст.» № 16—1925 г.).

Далее: «вместе с тем несущий известные обязанности в интересах государства и состоящий на его службе наделяется для надлежащего выполнения этих обязанностей известными правами и полномочиями на совершение тех или иных действий, которые образуют круг предоставленной ему компетенции его ведомства».

Имел ли надлежащие полномочия лесник Головин для задержания нарушителя?—Да, имел, и это право не отрицается кассационной инстанцией. Имел ли он право избивать крестьянина? Нет, не имел, тем самым он подрывал авторитет лесного ведомства, в данном случае государства, так как действие лица должно входить в круг его компетенции, в круг его ведомства. Поэтому всякое действие, совершенное с нарушением компетенции должностного лица, формально выходящее за круг его действий по закону, является уже превышением власти (106 ст. УК), тем более с применением насилия над личностью.

Ведь если точку зрения кассационной инстан-

ции, высказанную ею по этому принципиальному делу, применить на практике, то придется, примерно, такие дела, когда милиционер, задерживая кого-либо, несколько раз при этом ударит чем-либо, хотя бы кулаком, квалифицировать по ст. 150—153 УК, т.-е. как преступление возбуждаемое по частному обвинению. По ст. 10 УПК, подобные дела можно кончить миром; таким образом, милиционер или тот же лесник может добиться окончания дела миром, а это послужит не укреплению основ революционной законности, а подрыву, и вызовет справедливые нарекания населения, особенно крестьян, так как в деревне подобные явления чаще всего наблюдаются.

Получается какая-то логическая невязка. В инструктивном письме Верховного Суда РСФСР № 2 о должностных преступлениях говорится: «...Что суды недостаточно учитывают необходимость борьбы с некоторыми видами должностных преступлений, борьба с которыми в первую очередь есть борьба за революционную законность и общую политику советской власти, к таким преступлениям следует отнести должностные преступления, сопряженные с разнотою вида и рода насильем над личностью, и, наконец, должностные преступления, которые имеют признаки самоуправства и самодурства. Совершенно естественно, что громадное большинство этих преступлений совершается в деревне, так как именно там для них имеются наиболее благоприятные условия в виде низкого культурного уровня крестьянских масс, связанного с полным незнанием часто самых элементарных своих прав и обязанностей, а также способов защиты от незаконных действий представителей власти и вообще должностных лиц».

Далее говорится, «что суды должны относиться со всей серьезностью, рассматривая такие дела, и карать виновных с целью достижения общего предупреждения преступлений и применять ст. ст. 28 и 36 Угол. Код. не должны».

Из анализа указанного инструктивного письма, а также циркуляра НКЮ № 121 вытекает, что лесника нужно привлечь к ответственности не как частного, а как должностное лицо, так как последние являются в глазах населения, а особенно в деревне, лицами, облеченными полномочиями государством, да и по существу они так и мыслятся.

Суммируя все вышеизложенное и учитывая, что суды, органы следствия и дознания и другие работники юстиции в своей практике руководствуются указаниями вышестоящих судебных установлений, в данном случае кассационной практикой Верховного Суда РСФСР, желательно было бы по этому принципиальному вопросу авторитетное разъяснение Верховного Суда и Прокурора Республики.

Мих. Черняев.

Ненужное оживление.

(Вопросы предания суду).

В статье «Предание суду» («Еженед. Сов. Юст.» № 36) т. Строгович вновь возвращается к старому, обсуждавшемуся и на страницах «Ежен. Сов. Юст.» и на V с'езде деятелей советской юстиции, вопросу о праве использования распорядительным заседанием материалов предварительного следствия и дознания при разрешении вопроса о предании суду. Казалось бы, что для воскрешения этого вопроса в сторону расширения прав суда после того, как резолюция V с'езда об исключении ограничивавшего суд в указанном отношении примечания к ст. 236 УПК получила законодательное подтверждение, трудно было подыскать достаточно веские поводы. Худо ли, хорошо ли, но суд получил неограниченную возможность при возникновении у него тех или иных сомнений при разборе обвинительного заключения обращаться к материалам предварительного следствия и дознания. Однако, т. Строговичу мало этой возможности, и в том, что «суд может читать имеющийся в деле материал следствия и дознания, но может его и не читать» (курсив наш—А. И.), он и находит недостаток действующего ныне порядка. И для уничтожения «формальных пут», вызываемых буквальным толкованием ст. 236 в действующей редакции, а также для «оживления» работы распорядительного заседания он считает необходимым изменить эту статью в том направлении, чтобы она вменяла в обязанность распорядительному заседанию знакомиться при разрешении вопроса о предании суду со всеми материалами по делу.

Можно ли согласиться с утверждением т. Строговича о том, что указанное изменение ст. 236 очень мало изменило действовавший до этого порядок, что редакция статьи толкает суд на путь только формального разбора обвинительного заключения и что эта статья, давая, с одной стороны, суду право знакомиться с материалами по делу, с другой, не дает случаев для использования этого материала? Нам кажется, что такое утверждение нельзя признать правильным. Если п. п. 2 и 3 этой статьи, действительно, могут не вызвать надобности в ознакомлении с материалами, то этого совершенно нельзя сказать о п. 1 и особенно п. 4 ее. По п. 1 суд должен проверить обоснованность обвинения данными, правда, как говорит закон и на что упирает т. Строгович, приведенными в описательной части заключения. Но это после исключения примечания не может быть толкуемо, как ограничение суда только данными в том виде, как они изложены в обвинительном заключении. Он вправе, скажем, не уяснив себе по краткости или неудовлетворительности передачи в заключении показаний того или иного свидетеля, обратиться к протоколу его допроса, вправе ознакомиться с протоколами кратко переданной экспертизы, обозреть тот или иной документ, упоминаемый в заключении и фигурирующий в качестве вещественного доказательства и т. д.

Еще меньше оснований для вывода о том, что распорядительное заседание «попрежнему остается по рукам и ногам связанным с обвинительным заключением», мы находим в п. 4. Действительно,

при наличии примечания к статье суд мог узнавать о свидетелях по делу только из обвинительного заключения и из списка, к нему прилагаемого. И вызовом неупомянутых в этих документах свидетелей он прямо признавал себя нарушившим требование примечания, показывая, что он недозволенно любопытствовал и обращался к материалу. Теперь же ничто не мешает ему включать каких угодно свидетелей, если при просмотре отдельных материалов производства он усмотрит в этом необходимость.

Наконец, т. Строгович, повидимому, не учел ст. 244, которая как раз прямо устанавливает один из случаев, когда суду приходится использовать материалы следствия, так как трудно себе представить, если не брать, конечно, явно нелепых случаев, что без ознакомления с материалами по делу, поскольку это не запрещено в законе, суд будет выносить решение о разделении в нарушение требования ст. 117 соединенных дел.

Таким образом, «формальные пути», в тонх, благодаря действующей редакции ст. 236, находитесь, якобы, распорядительное заседание, нам кажутся в достаточной мере надуманными т. Строговичем.

Как мы сказали, т. Строгович пытается развить эти пути новой, предлагаемой им редакцией ст. 236, совершенно определенно обязывающей распорядительное заседание во всех случаях рассматривать «не только формальную согласованность обвинительного заключения и юридическую квалификацию инкриминируемого деяния, но и вопросы о том, достаточно ли в деле доказательственного материала, правильно ли и полно этот материал отражен и использован в заключении, достаточно ли полно предведено по делу дознание и предварительное следствие и достаточно ли последние выяснены все существенные для дела обстоятельства».

Размах слишком велик, почему автор основательно предвидит возражение и авансом пытается их опровергнуть.

«Не следует думать, пишет он, что при введении такого порядка распорядительное заседание превращается в какое-то предварительное судебное следствие... Распорядительное заседание будет рассматривать материалы не с точки зрения достоверности тех или иных имеющихся доказательств, а лишь с точки зрения их достаточности». Но разве нельзя поручиться за то, что вопрос о достаточности доказательств во многих случаях подойдет вплотную к вопросу о достоверности тех или иных из них? Разве, скажем, не может случиться, что суд подвергнет критике показания отдельных свидетелей, содержащие в себе явные противоречия, и к решению вопроса о достаточности доказательств придет именно путем признания недостоверности части их? Все это вполне возможно. А если лишить суд права критически в указанном смысле подходить к оценке отдельных доказательств, то к чему же будет сводиться и чем будет оправдываться та громадная работа, которую хочет возложить на распорядительное заседание т. Строгович? Но если признать, что распоряди-

тельное заседание во всяком случае будет рассматривать материалы по делу и подвергать их всесторонней критике, то это как раз и приведет к тому, что оно обратится действительно в предварительное судебное следствие, в котором будет принимать участие прокурор, но на котором не будет ни обвиняемого, ни его защитника. Неприемлемость такого положения представляется нам совершенно очевидной».

«Не следует думать, пишет т. Строгович дальше, что подобный порядок загромождает работу распорядительных заседаний и замедлит движение уголовных дел». Почему не следует так думать, когда для каждого ясно, что проверка всего следственного материала должна занять несравнимо больше время, чем проверка одного обвинительного заключения, хотя бы и с обращением в отдельных случаях к материалам предварительного следствия, автор не объясняет, ибо, конечно, нельзя считать серьезным доводом в подтверждение этого положения указание на то, что «при наличии хорошо знакомого с делом докладчика рассмотрение... вовсе не грозит быть затяжным». Здесь т. Строгович либо не хочет считаться о действительностью, либо сознательно проходит мимо народного суда, так как в последнем единственным докладчиком является сам народный судья, и требовать от него быть хорошим докладчиком по всем материалам всех поступающих к нему дел, — значит требовать абсолютно невозможного.

Одно из основных соображений приводимых т. Строговичем в обоснование необходимости установления предлагаемого им порядка, — создать путем предварительного ознакомления судей с делом до судебного заседания гарантию правильности рассмотрения дела в этом последнем. Здесь нам непонятно, о каких судьях идет речь. Ведь совершенно ясно, что нарзаседатели, участвующие в распорядительном заседании народного суда, при шестисуточном сроке их участия в работе суда не смогут обычно участвовать при рассмотрении тех же дел в судебном заседании. Значит, разговор идет о народных судьях и членах губсудов. Но «оживлять» по рекомендуемому способу работу распорядительных заседаний только для более подробного ознакомления с делом народного суда или назначенного председателем по делу члена губсуда до судебного заседания, отрывать у них безусловно значительно большее количество времени, по нашему мнению, вряд ли полезно.

Предлагаемое изменение порядка кажется нам неприемлемым далее и потому, что оно содержит в себе установление еще одной, кроме прокурорского надзора, контролирующей производство предварительного следствия инстанции. Трудно подыскать какие-либо веские соображения для установления такого нового контроля и в тот именно момент, когда наибольшее внимание уделяется как раз устранению всяких проявлений параллелизма в работе отдельных органов. Этот контроль тем более ненужен, что работники прокуратуры в данное время являются уже достаточно подготовленными для того, чтобы разобраться в достоинствах и недостатках предварительного производства. Во всяком случае, трудно предположить, что народный судья при его загруженности и несколько не высшей квалификации сможет лучше разобраться в этом

вопросе, рассчитывать же на помощь ему в этом отношении со стороны нарзаседателей, конечно, не приходится. По делам губсудовской подсудности, делам более сложным, более сильным и контроль со стороны прокуратуры, поскольку все такие дела проходят через губернского прокурора, почему установление второго контроля со стороны распорядительного заседания также совершенно излишне.

Поэтому убежденные в том, что предлагаемый т. Строговичем порядок способен только привести к еще большему промедлению в прохождении дел, чем это имеется при действующем порядке, мы не только считаем его совершенно неприемлемым, но признаем более правильным в настоящих условиях работы, когда прокурорский и следовательский состав окреп в значительной мере и продолжает с каждым днем крепнуть еще больше, возвращение к тому порядку, который был изменен отменой примечания к ст. 236.

Соображения, которые приводились на V съезде деятелей юстиции в защиту исключения этого примечания, сводились, главным образом, к тому, что составление обвинительных заключений поставлено слабо и что в силу этого суд, не имеющий возможности производить проверку их по материалам дела, во многих случаях бывает вынужден уже в процессе судебного следствия постановлять о направлении дел к доследованию или и вовсе оправдывать привлеченных. Тов. Омирнов, бывший в то время председателем Московского губсуда, приводя эти соображения, подкреплял их цифровыми данными из работы этого суда. В свою очередь и мы в защиту восстановления содержавшегося в примечании к ст. 236 ограничения позволим себе сослаться также на некоторый цифровой материал и того же Московского суда.

Так из поступивших в суд в 1 половине 1924 г. 4932 дел было возвращено для дополнительного расследования 148 (3%), во 2 половине того же года из 3437 дел — 70 (2,04%) и в 1 половине того же года из 2402 дел — 45 (1,8%). Таким образом, даже допуская, что во всех случаях возвращения по недоследованности вина лежала на следователе и прокуроре, мы видим, во-первых, что и абсолютное количество таких дел невелико, а, во-вторых, что % возвращаемых дел неуклонно падает. Это и дает нам основание не только для того, чтобы возражать против точки зрения т. Строговича, но и побуждает нас внести свое диаметрально-противоположное предложение.

Восстановлением такого ограничения было бы закреплено фактическое положение вещей, ибо вряд ли кто будет отрицать, что в подавляющем большинстве случаев распорядительные заседания правом своим не пользуются, как то утверждает и сам т. Строгович, и суды получили бы вновь вполне определенное указание, в какой плоскости надлежит им рассматривать дело в распорядительном заседании.

Прокуратура является ответственной за предварительное судебное производство по делу, и этим можно и должно ограничиться, а если в этой ее работе и могут встречаться ошибки, то даже и при полном осуществлении проектируемого т. Строговичем порядка от ошибок мы не застрахованы.

Рекомендуемое т. Строговичем «оживление» на счет неизбежной затяжки дел — вещь сомнительная с точки зрения полезности и не вызывающая сомнений с точки зрения вредности ее для дела, так как она способна привести суды к тому тяжелому со-

стоянию загруженности, от которого они только в последнее время смогли с громадными усилиями избавиться.

А. Иодковский.

Пересмотр положения об исполнении решений Высшей и местной арбитражных комиссий.

Порядок взыскания по исполнительным листам с государственных учреждений и государственных предприятий по решениям общих судебных мест весьма существенно отличается от того же порядка по решениям арбитражных комиссий.

Согласно ст. 286 ГПК на имущество, принадлежащее государственным учреждениям, находящимся на государственном бюджете, взыскание не обращается, но в случае неплатежа взыскателю предоставляется право подачи жалобы.

Положением же об исполнении решений высшей и местной арбитражных комиссий (§ «б» и прим. 1 ст. 1 постановления СТО от 2/VI—23 г.) взыскание по исполнительным листам с госбюджетных учреждений производится путем денежных выдач за счет кредитов, значащихся по сметам ответчика, или, если обе стороны содержатся в сметном порядке, перечислением кредитов из одной сметы в другую по определению арбитражной комиссии, при чем исполнительный лист, выданный на основании указанного в § «б» определения, включает в себе обозначение сметы и §§, по которым должна быть произведена оплата, и заменяет собой ассигновку.

Указанный выше порядок исполнения решений арбитражных комиссий противоречит бюджетному законодательству Союза. Действительно, законом о бюджетных правах Союза ССР и входящих в его состав союзных республик («С. З.» 1924 г. № 19, ст. 189) определено (ст. 37 и 38), что передвижение кредитов из сметы объединенного ведомства или учреждения союзной республики в смету другого объединенного или необъединенного ведомства или учреждения той же республики производится Совнаркомом республики с согласия Совнаркома Союза, передвижение же кредитов из сметы необъединенного ведомства союзной республики в смету другого необъединенного ведомства или учреждения той же республики производится Совнаркомом республики, а в некоторых случаях ЦИК'ом СССР, по представлению Совнаркома СССР, при утверждении бюджета.

Вместе с тем следует отметить, что, помимо того, что порядок принудительного исполнения решений арбитражных комиссий против госбюджетных учреждений приводит к существенным нарушениям бюджетной дисциплины, уклонение от общих правил ГПК не оправдывается действительной необходимостью.

Прежде всего, компетенция арбитражных комиссий и верховных судов в ряде случаев совпадает, и направление дел в ВАК или Верховный Суд зависит от усмотрения истца.

Так же, как и наркоматам в целом, за исключением исков, вытекающих из договоров о пользовании коммунальными услугами, исков по протестованным векселям и некоторым другим (положение об АК СТО, ст. 2, положение об арбитражных комиссиях РСФСР, ст. 5) могут быть предъявлены как в Верховном Суде, так и в арбитражных комиссиях, в зависимости от того, кто истец, частное лицо или государственное учреждение или предприятие.

Между тем, в первом случае (предъявление иска в Верх. Суде) исполнение решений последует по общим правилам ГПК, во втором же случае путем обращения взыскания на кредиты ответчика.

Совершенно бесспорно, что нет никаких оснований в одном случае устанавливать льготный для государственных учреждений порядок, а в другом случаях по аналогичным делам от того же порядка отказываться.

Точно также нет никаких оснований применять общий порядок взысканий при спорах, вытекающих из договоров коммунальных услуг, ж. д. перевозок и проч., выделяя эти споры из общей массы хозяйственных конфликтов, при разрешении которых установлен особый порядок взысканий.

Следует далее указать, что по существу установленный ГПК порядок отнюдь не превращает право взыскателя в «*ius nudum*» (голое право), так как обязывает учреждения и ответчиков испрашивать в случае отсутствия средств для исполнения решений судебных мест сверхсметные ассигнования для оплаты исполнительных листов.

Порядок же, установленный для исполнения решений арбитражных комиссий, нарушая утвержденный сметно-бюджетный план учреждения, заставляет последних прибегать к тем же мерам, т. е. к испрашиванию сверхсметных ассигнований, но уже после производства законенных таким порядком бескредитных расходов.

Порядок этот может привести в отдельных случаях к весьма значительным расстройствам функциональной деятельности учреждений (Наркомвсмор и др.).

Изложенные соображения приводят к убеждению, что исполнение решений арбитражных комиссий должно быть подчинено общему порядку, установленному ГПК, как по причинам сметно-бюджетного характера, так и в силу неоправданности специального порядка исполнения по решениям, выносимым арбитражными комиссиями.

П. Линде.

Фактическое владение.

Собственность по законодательству дореволюционного времени слалась из трех элементов: владения (фактического господства над вещью), пользования (плодами вещи) и распоряжения (залог и отчуждение). Собственник, обладая всеми правами владения, пользования и распоряжения вещью, должен был иметь еще титул собственности, основание своего владения: купчую крепость, дарственную запись, определение суда об утверждении в правах наследства и пр. Фактический владелец никакого титула своего владения не имел, ибо основанием его владения был факт владения и только. Фактическим владельцем мог быть добросовестный приобретатель, утративший или не получивший формального документа на свое владение, фактическим владельцем мог быть и владелец недобросовестный. С объективной стороны фактическое владение не отличалось от владения арендатора, так как тот и другой были и владельцами и пользователями вещи, но со стороны субъективной арендатор основывал свое право на договоре, а фактический владелец—на желании иметь вещь на праве собственности.

В эпоху неограниченного «священного» права собственности институт фактического владения был отодвинут на второй план. Дореволюционное законодательство терпело фактическое владение из соображений устойчивости гражданского правопорядка, но временно, доколе не будет доказано более сильное право, право собственности. Впрочем, десятилетнее бесперывное и бесспорное владение давало фактическому владельцу возможность превратить свое владение в собственность при помощи судебного определения на основании давности владения (приобретательная давность). Так было прежде. Октябрьская революция смела всякую собственность и прежнее понятие о ней. Собственность перестала существовать. Декрет об отмене наследования от 27/IV—18 г. предоставляет трудовое имущество умершего не в собственность родственников умершего, а лишь «в управление и распоряжение» их. Декрет о бесхозяйном имуществе считает таковым всякое имущество, «не находящееся в чем-либо обладании». Собственности нет, ее заменило «обладание», владение, «управление».

Первая попытка возврата собственности сделана постановлением СНК от 3/VIII—21 г., разрешившая возмездное отчуждение строений бывшим собственникам их, и окончательное утверждение собственности получила в декларации имущественных прав III сессии ВЦИК от 22/V—22 г.

За три года отмены собственности хозяйственная жизнь страны не прекратилась окончательно. В период гражданской войны люди рождались и умирали, переезжали на жительство в более спокойные местности, незанятые неприятелем, ликвидировали наспех свое имущество или просто бросали его на произвол судьбы и пропадали без вести. Имущество переходило из рук в руки путем купли-продажи, безденежной передачи, наследственной замены одного владельца другим—родителей детьми, женами мужей, даже путем захвата. Владельцы менялись как в калейдоскопе, и когда в 1921 и 1922 годах собственность была возвращена, фактический вла-

делец не соответствовал владельцу юридическому. Появилась необходимость в определении и защите прав фактических владельцев. По принципиальному решению Высш. Суд. Контроля по делу Забелло и Стоцкой («Еженед. Сов. Юстиции» № 14—15—1922 г.) фактическому владению отведено было преимущественное положение в сравнении с формальным, документным правом собственности. «Документы, подтверждающие права на земельные участки и дома, могут быть принимаемы лишь в подкрепление действительного конкретного пользования и связи с данным имуществом, а не голого права собственности, и имеют значение в меру того, насколько это фактическое отношение к владению проявлено; решающее значение по действующему праву имеет факт действительного пользования и осуществления своего права на землю». Хотя решения Высш. Суд. Контр., как и Верх. Суда обязательны лишь по данному делу, но в виду отсутствия в законодательных материалах каких-либо определений фактического владения и его значения в гражданском обороте, решение по делу Забелло и Стоцкой не может быть игнорировано судебной практикой. Такой же точки зрения на превалирующее значение фактического владения держался и Верховный Суд. В определении по делу Карпенко-Алексеевко («Еж. Сов. Юст.» № 39—1923 г.) Верх. Суд предлагает судам при отсутствии злостности и спекулятивности в сделке «оставлять строения за фактическим трудовым владельцем, приобретающим тем самым полную охрану прав на это имущество, независимо от того, будет ли это противозаконный продавец или покупатель», и, таким образом, не допускать обращения в доход казны владения трудового характера. В определении по делу Гысева—Кымласва («Ежен. Сов. Юст.» 1924 г. № 51) Верхсуд, исходя из мотивов классовой справедливости, лишает права собственности на половину строений Кымласва, приобретшего их по бесспорному нотариальному акту, и устанавливает на эту половину совладение Гысева, купившего те же постройки, хотя и раньше Кымласва, но по домашней сделке. «Наша судебная практика установила в подобных настоящему делу случаях охраны интересов трудящихся принцип трудового пользования, как основание собственности имущества». Верхсуд, обесценивая значение формального признака—письменного договора, переносит центр тяжести на внутреннюю сторону сделки—намерение владеть имуществом и осуществление этого намерения владельцем. Не допуская конфискации имущества даже противозаконных владельцев и давая им полную охрану прав, Верхсуд тем самым признает фактическое владение правом равноценным праву собственности. Если судебная практика признает фактическое владение основанием права собственности и строения фактического владельца не обращаются в доход казны, то логический выход отсюда—полная охрана прав фактического владельца, т. е. предоставление ему возможности распоряжаться имуществом по своему усмотрению. Невозможность для фактического владельца распо-

прижаться своим имуществом имела свой смысл в дореволюционное время при наличии приобретаемой давности, в конце концов превращавшей полуправного владельца в полноправного собственника. Революционное законодательство не знает приобретательной давности, современный владелец никогда не может получить судебным или иным порядком свой титул собственности, давностное (крепостное) свидетельство. В гражданском обороте не должно быть невыясненных, недоговоренных положений, и потому остается или совершенно отвергнуть значение и силу фактического владения и имущество владельцев, не имеющих законного основания для своего владения, отобрать в пользу государства, или признать за фактическими владельцами, как сделал Верх. Суд, полную охрану их прав.

Наша судебная практика в данном вопросе не расходится с законодательством. Собственность на недвижимые имущества в городах была отменена декретом от 20 августа 1918 года. Собственность на движимое имущество, заключающееся в средствах и орудиях промышленно-торгового, заводского и сельскохозяйственного производства, денежных капиталах, предметах домашнего обихода и личного потребления, была отменена рядом декретов или фактически изъята постановлениями местной власти. В процессе революционного строительства собственности перешла к государству, расплылась и рассыпалась среди новых владельцев, трудящихся. Переход от военного коммунизма к нэпу, к возвращению собственности выявил необходимость оградить интересы новых владельцев. Нужна была какая-нибудь граница, отделяющая новое от старого. Такая граница для недвижимых имуществ установлена постановлением СНК от 8/VIII—21 года и для движимых постановлением III сессии ВЦИК'а от 22 мая 1922 года об имущественных правах граждан. Собственники недвижимых имуществ восстановлены в правах частично, лишь на постройки. Принадлежности следовали судьбе главной вещи, земля считалась главной вещью, постройки—принадлежностью ее, поэтому крепостные документы прежнего времени, устанавливавшие право собственности на землю, утратили свое значение.

Ко всему тому большинство крепостных документов за первые тревожные годы революции были утрачены, а оставшиеся в наличии вследствие совершившихся возмездных и безвозмездных переходов не соответствовали фамилиям новых владельцев. Постановление СНК от 8/VII—1921 г. требует поэтому от продавца представления не крепостных документов, устанавливающих собственность, а справок комхоза о принадлежности отчуждаемого имущества, инструкция же по применению означенного постановления разъясняет, что справки должны устанавливать фактическую принадлежность строений продавцу. Такая справка—единственный документ, на основании которого нотариусы имеют право совершать акты отчуждения строений (циркуляр НКЮ № 125—1923 года).

Голос право собственности потеряло значение и в отношении так называемых движимых вещей. Трудящийся, получивший в свое владение до 22 мая 1922 года предметы домашнего обихода, охранен в своих правах примечанием к ст. 59 Гр.

Код. сильнее бывшего собственника этих вещей: «Здесь уместно будет отметить, что проникнутый исключительно стремлением к возрождению нашего хозяйства Гр. Код. ни в малейшей степени не заботится о бывших собственниках, «обиженных революцией». (Бранденбургский. «Характерные особенности нашего Гр. Код.»—«Изв. ВЦИК» № 251—22 г.). Циркуляр НКЮ и НКВД от 29/X—24 г. за № 185/463 об установлении факта владения немунципализированными строениями предусматривает 3 группы владельцев построек: 1) владельцы строений в порядке ст. 9 декрета об отмене наследования, 2) владельцы в порядке закона о наследовании по Гр. Код. и 3) все остальные владельцы, приобретшие строения до 8 августа 1921 г., при чем для последней группы не требуется законности перехода, а неясность и неполнота документальных данных, свидетельствующих о факте владения, не может служить основанием для отказа в признании факта владения. «В этих случаях документальные данные дополняются свидетельскими показаниями и обследованием на месте органов коммунального хозяйства».

При переходе строений из одних рук в другие после введения в действие вышеуказанного декрета (8 авг. 1921 г.) фактическое владение устанавливается по проверке законности перехода строений согласно декрета: правда, в примечании к § 3 циркуляра предупреждается, что если «фактическое владение установилось в результате перехода дома по противозаконному или направленному к ущербу для государства договору» (147 ст. Гр. Код.), то справка комхоза утрачивает свою силу, но для недействительности договора требуется, как упомянуто выше, наличие спекулятивности и злостности (опр. Верх. Суда по д. Карпенко—«Еж. Сов. Юст.» № 39—23 г.). Злостных и спекулятивных сделок, как показала практика, немного.

Таким образом, казалось бы, ясно, что фактический трудовой владелец строений, установивший законность их перехода и даже в некоторых случаях не установивший этого обстоятельства, должен пользоваться всеми правами собственника. После всего сказанного представляется непонятным разъяснение НКЮ, помещенное в № 13 «Еж. Сов. Юст.» за 1925 г. «Фактическое владение не порождает права собственности владельца, сколько бы времени это владение ни продолжалось. Владелец не может требовать ни по суду, ни в административном порядке превращения своего владения в право собственности. Если владение продолжалось свыше трех лет, то погашается право собственности прежнего собственника, и в этом случае право собственности на строения согласно ст. 68 Гр. Код. переходит к государству. Следовательно, только в порядке демунципализации или покупки фактический владелец может стать собственником строений... распоряжаться (напр., отчуждать строения) фактический владелец в отличие от собственника не вправе».

Такое толкование, очевидно, надо понимать ограничительно. Прежде всего ни в коем случае его нельзя применить к владельцам, получившим подтверждение своих наследственных прав через комхозы в порядке декрета об отмене наследования и

в порядке ст. 416—435 Гр. Код., так как регистрация таких владельцев производится комхозом по выяснении законности перехода (§ 5 и 6 циркуляра № 185).

Чем лучше и законнее переход наследственных прав по суду в сравнении с установлением владения комхозом? Наследники в том и другом случае обязаны представить те же справки ЗАГС'а о смерти владельца строения, доказательства, что заявители входят в число лиц, упомянутых в ст. IX декрета об отмене наследования или в ст. 418—422 Гр. Код., а также справки финорганов об уплате причитающихся с наследственного имущества пошлин. Судебное признание отличается от административного не по существу, а по внешнему признаку, времени. Родственники наследодателя, вступившие во владение имуществом, но пропустившие установленный декретом об отмене наследования годичный срок или шестимесячный, указанный в ст. 431 Гр. Код., лишены возможности обратиться за отысканием своих наследственных прав в нарсуд. Если только один нарсуд компетентен в установлении наследственного права собственности, то строения запоздавших в регистрации явки наследников должны перейти в собственность комхоза. Фактический владелец, как говорит раз'яснение НКЮ, может стать собственником только в порядке демунципализации (п. 3 раз'яснения), но ведь муниципализация — это переход права собственности от прежнего собственника к государству в лице города. И поскольку демунципализация означает возвращение собственности ее прежнему собственнику, а не владельцу, фактический владелец, не бывший собственником никогда, не получит своих построек даже по демунципализации. Будет безусловно несправедливо поражать в правах обширную категорию владельцев и притом вполне добросовестных и законных только из-за пропуска срока. Если стать на противоположную точку зрения, то прежде всего необходимо изменить редакцию статьи 435 Гр. Код. и 196 ГПК, по смыслу которых установление наследственных прав не является обязательным. Наследники могут, если пожелают, просить нарсуды о выдаче удостоверительного свидетельства, и нарсудья выносит определение лишь по просьбе заинтересованных лиц.

Между тем, согласно с раз'яснением НКЮ, наследники обязаны оформить свои наследственные права через суд под страхом недействительности владения и передачи его к государству.

Требуется изменения редакции и инструкция о наследственном налоге, так как она предусматривает переход наследственной массы и без участия нарсуда (§ 58), признавая наследников неутвер-

жденных судом и предоставляя финорганам входить с ними в договорные отношения о разделе, как с собственниками (§ 5).

Вторая группа фактических владельцев, к которой не должно быть применено раз'яснение НКЮ, — это владельцы, не утвердившиеся в правах наследства в дореволюционный период. Утверждение в правах наследства по законодательству прежнего времени было не обязательно. Право собственности переходило к наследникам в момент смерти наследодателя.

Крепостные документы таких лиц значатся на наследодателей и владельцы наследственного имущества по действующему праву могут быть только фактическими владельцами. Согласно ст. 2 вводного закона к Гр. Код. ни один суд не будет устанавливать их право собственности на основании правоотношений, возникших до 7 ноября 1917 г. В таком же положении по бездокументности находятся и бывшие арендаторы городских и частновладельческих земель, возведшие строения на арендуемых участках. Строения на чужой земле считались движимостью и никаких письменных документов на них не требовалось, из арендного же договора, кроме срока аренды и ее платы никаких сведений подчерпнуть нельзя.

В порядке особого производства арендаторы не могут быть признаны собственниками в суде, так как ГПК этого не предусматривает, а фактическое владение права собственности не дает. Вышеуказанное раз'яснение также нельзя распространить на трудовых владельцев, добросовестно приобретших постройки до 8 августа 1921 года по договорам дарения, раздела и купли-продажи, не совершенным нотариальным порядком, поскольку в таких сделках нет злостности и спекулятивности.

Остается последняя группа, к которой допустимо применение раз'яснения НКЮ, — это недобросовестные владельцы, лица, спекулировавшие на покупке строений до 8 августа 1921 г., и хотя бы и добросовестные приобретатели, но после 8 августа 1921 г. не оформившие свои сделки в порядке ст. 182 Гр. Код. К ним и только к ним возможно применить раз'яснение НКЮ, в противном случае необходимо отменить действие циркуляра НКЮ за № 185—24 г., как не достигающего своей цели — полной охраны прав владельцев, а если его оставить в силе, то по меньшей мере исключить из него пункт 7, дающий право комхоза вносить фактических владельцев в реестр, так как выписка из книг комхоза служит согласно циркуляра НКЮ от 1923 г. за № 125 не только вполне достаточным, но и единственным документом для отчуждения строений.

А. Жиглевич.

Проект нового положения о подрядах и поставках.

Наркомвнуторгком составлен и разослан на заключение ведомств проект нового положения о государственных подрядах и поставках.

Новый проект заключает в себе не только собственное положение о подрядах и поставках, но в виде приложений к нему: 1-го — правила производства публичных торгов на господряды и поставки, подлежащие замене, действующую ныне инструкцию Совнаркома СССР от 7 августа 1923 года о порядке производства публичных торгов и 2-го — правила о порядке обеспечения исполнения ио договорам господряда и поставки, подлежащие замене действующую ныне инструкцию РКИ и Наркомфина от 14 ноября 1922 года.

В проекте положения о государственных подрядах и поставках мы встречаем следующие новые постановления сравнительно с постановлением действующего положения.

1. Ст. 1 проекта определяет, что сдача подрядов и поставок госучреждениями, состоящими на общегосударственном или местном бюджете, а также железными дорогами на сумму свыше 10.000 руб., производится согласно правил настоящего положения. Эту редакцию ст. 1 проекта сравнительно с ст. 1 действующего положения нельзя признать удачной, так как при таковой редакции можно вывести заключение, что положение о подрядах и поставках применяется лишь к поставкам или подрядам на сумму свыше 10.000 р., поставки и подряды на меньшую сумму, таким образом, остаются вне регулирования их положением. Но вряд ли этого хотели составители проекта и в этом нас убеждает следующая 5-я статья, но помещенная уже в разделе 2-м, говорящая, что сдача подрядов и поставок государственным учреждениям производится путем публичных торгов. Следовательно, сумма свыше 10.000 р. должна относиться к сдаче подряда и поставки с торгов, а не к тому, что только поставки (подряды) свыше этой суммы регулируются положением о господрядах и поставках.

Понятие поставки и подряда остается одинаковым, будь то поставка или подряд на сумму более или менее 10.000 р., и ставить последнего вида поставки или подряды вне регулирования их положением нецелесообразно и может даже нанести ущерб государственным интересам, когда, например, не будет браться залог, не будет обуславливаться неустойка и вообще не будут соблюдаться условия, гарантирующие договор господряда и поставки, тем более, что договоров этого рода на мелкие суммы, в особенности на местах, больше, чем на крупные.

Поэтому в ст. 1 в отношении суммы свыше 10.000 р. должно быть указано, как и в действующем положении, что таковая относится именно к сдаче подряда и поставки с торгов.

2. Прим. к ст. 5 проекта в отличие от примечания 2 к ст. 1 действующего положения, допускающего сдачу госорганам, не состоящим на госбюжете, подряда или поставки без торгов только в случаях, если операция поставки или подряда входит в круг их оперативной производственной

или коммерческой деятельности, допускает для этих органов факультативность в деле сдачи подряда и поставки с торгов, предоставляя это усмотрению госпредприятия и требуя обязательного производства торгов только при сдаче подрядов на строительные работы и на оборудование заведений. Последнее постановление следует признать желательным, так как если вообще требование обязательного производства торгов может стеснять коммерческую деятельность, то в отношении строительных работ и подрядов на оборудование, как не относящихся прямо к таковой, такое требование должно быть предъявляемо, тем более, что только при торгах возможно добиться при этих работах более низких цен.

3. Статья 6 проекта, очевидно, призвана заменить примечание 3 к ст. 1 действующего положения, но нельзя сказать, чтобы эта замена была удачной; тогда как указанное примечание 3 определенно указывает, что подряды и поставки между государственными органами, находящимися на государственном бюджете и хозрасчете, а равно кооперативными организациями, центральными, областными и районными, заключаются без производства торгов, означенная ст. 6 проекта определяет, что сдача подрядов и поставок может производиться без публичных торгов в тех случаях, когда подряды или поставки нужных предметов могут быть выполнены только государственными предприятиями, акционерными обществами с исключительным или преобладающим участием государственного капитала, а равно кооперативными организациями всех степеней, но не частными лицами.

При такой редакции является естественным вопрос, о каких случаях здесь идет речь, когда именно частные лица не должны быть допускаемы к господрядам и поставкам. Имеется ли здесь в виду 6 статьи особенно важные поставки в смысле обороны, при каковых поставках нежелательно допущение частных лиц, в аппарат коих с большей легкостью могут проникнуть неблагонадежные лица с шпионскими целями, или эта статья хочет сказать то, о чем говорит примечание к ст. 3 действующего положения, устанавливающее общее правило?

4. Проект дает совершенно новую 9 ст., которая определяет, «что нотариальное засвидетельствование договора подряда и регистрация на бирже договоров поставки, подлежащих утверждению в порядке ст. 7 положения, производится после утверждения их согласно ст. 8 этого положения. Оплата гербовым сбором этих договоров производится одновременно с нотариальным засвидетельствованием или регистрацией на бирже».

Относительно первой части этой статьи следует отметить, что данное постановление вполне разъясняет и уточняет примечание 1 к ст. 130 Гражд. Кодекса. Оно определенно указывает, что договор может быть представлен к нотариальному засвидетельствованию лишь по его утверждению. И это вполне понятно, так как договор может быть и не утвержден высшей инстанцией или хотя бы и утвержден, но с внесением в него существенных изменений, а во-вторых, нотариус, убедившись, что данный договор еще подлежит утверждению высшей

инстанции, может даже и не принять такового к засвидетельствованию. Таким образом, если договор, почему-либо был засвидетельствован в нотариальном порядке, а затем уже представлен на утверждение, то в случае отказа в последнем случае, уплатившая нотариальные сборы, совершенно напрасно понесет известный убыток.

Между тем, до сих пор возникали неоднократно вопросы: представлять к нотариальному засвидетельствованию договор после его утверждения или до такового, при чем в последнем случае основывались на примечании к ст. 130 Гражд. Кодекса, определяющем, что договор считается заключенным со времени его засвидетельствования в нотариальном порядке.

Что же касается второй части указанной статьи, то следует отметить, что она находится в противоречии с недавно опубликованным постановлением ЦИК и СНК Союза ССР о дополнении ст. 10 устава о гербовом сборе от 31 июля 1925 года («Изв. ЦИК'а СССР» 1925 года № 182/2515), в силу какового постановления договоры, подлежащие обязательному засвидетельствованию нотариальным порядком, подлежат оплате гербовым сбором при подписании их сторонами.

В данном случае проект стал на сторону циркуляра Наркомюста № 91 1924 года, который встретил возражение со стороны Наркомфина СССР, издавшего совершенно противоположный указанию циркуляру Наркомюста свой циркуляр от 30 сентября 1924 года за № 1270 («Вестник Финансов» № 292 от 10 октября 1924 года), каковой циркуляр и подтверждает указанное постановление ЦИК от 31 июля.

Но было бы правильней в отношении гербового сбора ст. 9 проекта изменить в соответствии с разъяснением Госналога на имя ВХУ от 4 апреля 1924 г. за № 041257254/510, в силу которого договоры Военвеха на подряды и поставки должны оплачиваться гербовым сбором, но не в день их утверждения высшей инстанцией, как указывает означенное разъяснение, так, как сплошь и рядом органы, утверждающие договор, не находятся в том же месте, где находится учреждение, данный договор заключившее, а не позже суток после получения извещения об утверждении договора от высшей инстанции.

5. Примечание 1 к ст. 14 проекта подобно примечанию к ст. 13 действующего положения определяет, что от представления залога могут быть освобождены государственные предприятия, акц. общества с исключительным или преобладающим участием государственного или кооперативного капитала, а также кооперативные организации всех видов и всех степеней, выступающие в качестве подрядчиков (поставщиков).

Отличие от действующего положения то, что право освобождать от внесения залога распространено на всю кооперацию, в том числе и на низовую, и, очевидно, вызвано желанием возможно широко привлечь к делу подрядов и поставок кооперативные организации. Однако, против этого приходится сделать следующие возражения.

Совершенно необходимо и согласно с основами советской экономической политики оказывать все-

мерную поддержку к развитию деятельности кооперации. Однако, к сожалению, кооперация, именно низовая, еще далеко не стала твердо на ноги, и злоупотребления в ней встречаются чаще, чем в госорганах.

Например, в «Торгово-Промышленной Газете» помещена заметка «Злоупотребления в кооперативном аппарате», из которой видно, что организационный отдел Центросоюза обратил внимание местных кооперативных организаций на то, что за последнее время в кооперативной системе значительно участились случаи разного рода злоупотреблений, хищений и недостачи товаров, растрата денег и т. д., небрежное отношение к кооперативным общественным средствам и т. д., при чем, как констатирует тот же отдел, наибольшее распространение эти злоупотребления получили в сельских потребительских обществах. Причинами хищений и недостач во многих случаях являются не только злая воля подотчетных лиц, но и ряд организационных и технических недочетов кооперативной работы. Подобное же наблюдается и в с.-х. кооперации, как это установил Сельскосоюз, о том же говорит и обследование Экономического Управления Наркомвнуторга («Изв. ЦИК СССР» 1925 г. № 232).

В деле поставок, как показала практика по Военно-Хозяйственному Управлению РККАФ, даже крупные кооперативные объединения сравнительно с госхозорганами иногда оказываются совершенно несостоятельными.

В настоящее время не только низовая кооперация, но более крупная, губернская, ограничена в должном участии в господрядах и поставках требованием внесения залога не только на торгах, но и при заключении договора. Проект это ограничение снимает, и, таким образом, даже сельским потребительским обществам открывается соблазн принять участие в подрядной деятельности, между прочим, и по военным поставкам.

Не следует также забывать, что среди мелких кооперативных объединений сплошь и рядом встречаются так называемые «лже-кооперативы», когда под фирмой кооперативного объединения скрывается группа каких-либо подозрительных дельцов.

На местах, в особенности в военных частях, где вообще еще плохо разбираются в деле подрядов и поставок, но где известно стремление советской власти оказывать всяческую поддержку кооперации, при наличии постановления об освобождении от залога кооперативных объединений всех видов и степеней плохо разберутся и в отличиях действительной кооперативной организации от мнимой, разярлык «кооперативная» или «кооперативное» приклеен к данному объединению, например, «кооперативное товарищество», «кооперативная артель».

Поэтому в деле освобождения от залога кооперативных объединений всех видов и степеней, т. е. вплоть до самых мелких, необходимо подходить с особой осторожностью, в особенности, в отношении военных поставок и подрядов, дабы, поддерживая кооперацию, в то же время не причинить вреда снабжению Красной армии и флота.

Указанное примечание, правда, говорит, что такое освобождение от залога необязательно для гос-

органа, сдающего подряд или поставку, а факультативно, на что указывают слова: «могут быть освобождаемы».

Однако, тонкость указанного выражения, понятная для юриста, не всегда понятна для не-юриста, а тем более на местах, где по опыту местных договоров можно видеть, что все считали и считают, что примечание к ст. 13 действующего положения, которое говорит об освобождении от залога в тех же выражениях, что прим. к ст. 14 проекта, но в отношении только кооперативных объединений, не ниже областных, должно рассматриваться как обязательное в отношении этих кооперативных объединений.

Поэтому мы полагаем, что раз признается необходимым пойти навстречу даже низшим кооперативным объединениям в деле расширения их участия в господрядах и поставках, то в отношении кооперативных организаций ниже губернских должно быть определено указано, что таковые могут быть освобождены от залога только при наличии представления ими удостоверения от областного объединения, в которое они входят, или там, где имеются кредитбюро, от таковых, что данное кооперативное объединение является вполне кредитоспособным и что оборотный капитал его не меньше той суммы, которая требуется для внесения по данному договору в качестве залога.

6. Проект вносит новое постановление в лице примечания 2 к ст. 14, определяя, что при сдаче подрядов и поставок всякого рода трудовым объединениям (не пользующимся наемным трудом) допускается образование залога путем удержания из причитающихся им периодических уплат, с тем, однако, что условный залог должен быть, во всяком случае, образован в полном размере со времени выполнения подрядчиком (поставщиком) 50% условного по договору подряда (поставки).

Залог должен обеспечивать не только исполнение договора, но отчасти выданный подрядчику (поставщику) аванс; последний же должен погашаться из тех сумм, которые подлежат выдаче подрядчику (поставщику) по договорам, при чем по установившейся практике общеповенно принимается тот способ погашения аванса, который наиболее гарантирует казну, а именно: погашение аванса путем удержания соответствующей части при каждой выплате.

Поэтому если какому-нибудь трудовому коллективу был выдан аванс, который должен быть по договору погашаем пропорционально при каждом очередном платеже, то может оказаться, что тот условный залог, о котором говорит примечание 2 к ст. 14 проекта, нельзя будет образовать.

Независимо от этого примечание 2 к указанной статье будет невыполнимо, когда расчет с подрядчиком (поставщиком) будет производиться не по частям, а по выполнению им всего договора, и когда поставка (подряд) не имеет частичных сроков, а в договоре определен только один конечный срок.

Но сверх того следует отметить, что, судя по не-скольким опытам военно-хоз. органов по сдаче подрядов коллективам безработных в одном из военных округов, привлечение таких коллективов к делу государственных подрядов и поставок, в особенности на крупные суммы нежелательно, так как эти

организации представляются настолько маломощными, что даже в незначительных подрядах и поставках оказываются совершенно несостоятельными и подряда выполнить не могут.

7. Ст. 16, в общем повторяя ст. 15 действующего положения, отличается от последней тем, что в ней определен минимум размера неустойки за просрочку в исполнении договора — 1% с суммы договора за каждый просроченный день, а также, что при частичном невыполнении договора допускается взыскание неустойки не со всей суммы договора, как по ст. 15 ст. действующего положения, а лишь в % отношении к стоимости неисполненной части договора. Последнее в силу соответствующего разъяснения III Отдела Наркомюста практикуется и ныне в типовых договорах Военведа с органами ВСНХ, утвержденных пленумом КВЗ. Однако, из ст. 16 ст. проекта так же, как из ст. 15 ст. действующего положения, можно вывести заключение, что неустойка в договоре определяется только в отношении подрящика (поставщика), но не в отношении госоргана-заказчика. Вопрос этот, между тем, как в литературе, так и на практике, в частности, в заседаниях по типовому договору органов Военведа с госорганами ВСНХ в Комитете по военным заказам, возбуждал и возбуждает споры, до сих пор окончательно неразрешенные.

Поэтому в ст. 16 необходимо определенно указать, что неустойка определяется или только в отношении подрящика (поставщика) или также может быть допущена в отношении госоргана-заказчика, при чем последнее желательно было бы не распространять на частных контрагентов.

8. В отличие от ст. 10 действующего положения, определяющей безоговорочно, что с неисправного подрящика или поставщика взыскиваются одновременно убытки и неустойка, ст. 17 проекта устанавливает, что одновременное взыскание убытков и неустойки за просрочку допускается, если в сумму взыскиваемых убытков не входят убытки, причиненные просрочкой. Постановление это нельзя признать достаточно ясным.

Как известно, ст. 141 Гражд. Кодекса различает два вида неустойки: 1) на случай неисполнения договора и 2) на случай просрочки или ненадлежащего исполнения. В первом случае неустойке придано значение оценочной неустойки, т.е. такой, которая представляет заранее произведенную оценку убытков от неисполнения. Платеж такой неустойки поставлен в альтернативное соотношение с возмещением убытков, причиненных неисполнением; право выбора между ними предоставлено кредитору, но, потребовав возмещения убытков, кредитор считается отказавшимся от требования неустойки, и обратно.

Во втором случае неустойка имеет штрафное значение, и платеж ее соединяется (кумуляруется) с исполнением договора; кредитору предоставлено право потребовать исполнения договора или возмещения убытков, причиненных ему просрочкой или ненадлежащим исполнением, или исполнения договора плюс уплаты неустойки. Соединение требований, т.е. одновременно взыскание как неустойки, так и убытков, возможно лишь тогда, когда такое соединение предусмотрено либо законом, либо договором.

В данном же случае ст. 17 устанавливает правило только в отношении просрочки, но применяет при этом как раз наоборот правило, принятое Гр. Кодексом в отношении неисполнения вообще договора, т. е. когда неустойка, как указано выше, имеет оценочный характер. А как быть при неисполнении вообще договора? Руководствоваться ли 141 ст. и применять то же правило? Следует признать, что правило ст. 10 действующего положения в данном отношении более определенно и не вызывает никаких сомнений.

Заканчивая на этом обзор существенных изменений нового проекта положения о государственных подрядах и поставках, мы не можем не прийти к выводу, что, за исключением 9 ст., действительно необходимой, и ст. 16-й, все остальные изменения, вносимые проектом сравнительно о действующем положении, нельзя признать улучшающими последнее, а скорее ухудшающими.

Обращаясь же к приложениям к проекту правилам: 1) о производстве публичных торгов и 2) о порядке обеспечения исполнения по договорам подряда и поставки, необходимо отметить, что первые буквально и без всяких изменений повторяют действующую инструкцию СНК СССР о порядке производства публичных торгов, а вторые, за многими несущественными исключениями, действующую ныне инструкцию РКИ и НКФ 14 ноября 1922 года о порядке обеспечения исполнения по договорам.

Между тем, указанная инструкция СНК о торгах, как нами указывалось в статье нашей о производстве публичных торгов на господряды и поставки в «Ежен. Сов. Юст.» 1924 г. № 21, требует значительных дополнений и изменений, вызываемых самой практикой жизни. В частности, мы не можем не указать снова, что сохранение примеч. к ст. 7 означенной инструкции и новыми правилами о предоставлении права подавшему запечатанные объявления принимать участие в торгах при условии понижения цены, завленной в печатном пакете, только будет продолжать вносить в торги ту путаницу, которая теперь наблюдается при наличии этого правила.

Уже прошло более года, как на страницах «Ежен. Сов. Юст.» мы в указанной статье доказывали совершенную ненужность и даже вредность для успеха торгов этого постановления, но последующее постоянное участие в торгах ВХУ РККАФ еще более укрепило нас в таком заключении, что при сохранении этого правила подача запечатанных пакетов превращается в совершенно ненужную формальность, а самые торги в известных случаях могут срываться. Наоборот, должно быть установлено запрещение принимать участие в изустных торгах подавшим запечатанные пакеты.

В отношении же правил о порядке обеспечения исполнения по договорам подряда и поставки, составляющих приложение 2 к проекту, необходимо отметить, что ст. 9 проекта правил так же, как и ст. 10 действующей инструкции НКФина и РКИ от 14 февраля 1922 года об обеспечении исполнения договоров (приказ РВС СССР 1923 года № 1) указывает, что прочее имущество принимается в залог лишь в случае согласия заключающего договор учреждения, с тем, однако, что имущество это должно быть удобно для хранения и может быть помещено

учреждением в находящиеся в его распоряжении складские помещения.

На практике сплошь и рядом встречаются случаи, когда контрагент представлял в залог весьма ценное имущество, но которое было неудобно поместить для хранения в склады Военведа, так как таковое требовало особого ухода, а между тем, означенное имущество, оставленное на хранение в складе контрагента, но за печатью ВХУ РККАФ, могло освежаться и дополняться с разрешения ВХУ, без уменьшения суммы залога, и подобного рода порядков, противореча 10 статье указанной инструкции и 9 ст. настоящего проекта правил, в то же время не противоречит общему закону, так как согласно 92 ст. Гр. Кодекса при залоге имущества по соглашению сторон закладываемое имущество может быть оставлено у должника под замком и печатью кредитора.

Поэтому конец ст. 9 указанных правил должен быть изменен в том смысле, что в крайнем случае, если хранение имущества, отдаваемого в залог, в складских помещениях учреждений представляется неудобным, то в этом случае таковое может быть оставлено и у должника, по при условии, указанных в ст. 92 Гражд. Кодекса РСФСР.

Проект настоящих правил так же, как и указанная инструкция НКФ и РКИ, говоря о принятии стропил в залог по договорам поставок и подрядов, совершенно не указывают, что государственные учреждения, сдающие подряд, обязаны заключить с лицом, представляющим в залог строения, особый договор залога в нотариальном порядке согласно ст. 90 Гражд. Кодекса.

Поэтому на практике и в литературе возникает вопрос, необходимо ли в данном случае составление указанного залогового акта. Изложенное требует в проекте указанных правил указания на обязательность в данном случае составления залогового акта, тем более, что положение о господрядах и поставках, с которыми указанные правила должны составлять нераздельное целое, есть закон специальный.

Недостаток оборотных средств сплошь и рядом вызывает представление на торгах взаимного залога так называемых гарантийных писем кредитных учреждений (банков), по каковым письмам означенные кредитные учреждения гарантируют, что в случае неисполнения данным контрагентом договора к определенному сроку, они уплачивают сумму из принадлежащих этому контрагенту и находящихся в виде вкладов в этих кредитных учреждениях сумм или даже сумм банка сумму, равную 10% залого, требуемому по данному договору.

С точки зрения действующей инструкции НКФина и РКИ и проекта правил подобное представление этих гарантийных писем формально недопустимо, так как в этих случаях вещное обеспечение заменяется личным.

Однако, принимая во внимание, что в сущности такие письма, в особенности выдаваемые госкредитными учреждениями с преобладанием государственного капитала, центральными кооперативными банками, гарантируют госорган, сдающий подряд или поставки не менее, чем внесение на текущий счет учреждения 10%-го залога, такую форму обеспечения было бы целесообразно допустить, тем

более, что сплошь и рядом, данный вполне кредитоспособный контрагент не в состоянии представить 10% залог именно в виду того, что все деньги его находятся в обороте.

Однако, такое допущение следует применить только в отношении гарантийных писем, упомяну-

тых выше банков, а также коммунальных, не допуская принятия взамен залога гарантийных писем общества взаимного кредита и вообще частных, а тем более мелких кредитных учреждений.

М. Позняк.

Новое положение о взимании налогов.

Развитая налоговая система Союза ССР привела к довольно значительному количеству законодательного материала, регулирующего налоговое дело во всех его различных видах. Этот материал часто пересматривается и обновляется в соответствии с опытом взимания отдельных налогов, с выявившимися недочетами либо в установлении самой системы обложения, либо в применении последнего к различным его объектам. Устанавливаются новые налоги, а некоторые отменяются вовсе. Передвигается линия раздела между общегосударственными (общесоюзными и республиканскими) налогами и налогами местными. Некоторые налоги совершенно преобразованы, а по преобразовании подвергались дальнейшему изменению и совершенствованию (продовольственный, натуральный, ныне единый сельско-хозяйственный налог, подоходно-поимущественный, ныне подходящий налог). Происходила унификация (объединение) отдельных налогов.

Все эти крупные перемены в налоговой системе, происшедшие за последние три года, почти не отразились на одном акте, изданном в самом начале новой финансовой политики советской власти. Изданное еще 17 июля 1922 г. положение ВЦИК и СНК РСФСР о взимании налогов и сборов («Собр. Узак.» 1922 г. № 44, ст. 550) продолжало действовать и применяться лишь с некоторыми незначительными изменениями, вызванными настойчивыми потребностями финансовой политики. Действие его распространялось на взимание всех видов налогов и сборов, как общегосударственных, так и местных, как прямых налогов, так и косвенных — акцизов (постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 февраля 1923 г. — «Собр. Узак.» № 12, ст. 147). Лишь один налог оставался вне сферы применения положения 17 июля 1922 г. Это единый сельско-хозяйственный налог, хотя оба положения об этом налоге от 30 апреля 1924 г. («Собр. Узак. РСФСР» 1924 г., № 58, ст. 570) и от 7 мая 1925 г. («Собр. Зак. СССР» 1925 г., № 31, ст. 209) заканчиваются одним и тем же постановлением об ответственности плательщиков согласно положения о взимании налогов и сборов. Объясняется это исключение тем обстоятельством, что положение 17 июля явно не было рассчитано на применение к налогу на сельское хозяйство и не учитывало его особенностей. Поэтому и радиogramма председателя ВЦИК и НКЮ от 10 октября 1924 г. прямо оговорила сохранение силы при взимании сельско-хозяйственного налога за постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 11 июля 1923 г. о порядке привлечения к ответственности за нарушение декрета о едином сельско-хозяйственном налоге («Собр. Уз.» 1923 г., № 67, ст. 653),

хотя оно также не соответствовало новому, совершенно отличному от прежней полунатуральной формы, исключительно денежному налогу. Лишь некоторые коррективы, заимствованные из положения 17 июля, были внесены в порядок взимания сельхозналога.

Радио тов. Калинина и Курского устанавливало меры временного переходного характера и упоминало о предстоящем издании нового положения о взимании налогов и сборов. Однако, издание нового закона затянулось и лишь 2 октября окончательно утверждено и 14 октября опубликовано в «Изв. ЦИК СССР и ВЦИК», № 235, положение о взимании налогов, призванное заменить ряд законодательных актов, в значительной мере устаревших.

Положение 1925 года значительно обширнее положения 1922 года. В положение включены такого рода правила, которые ранее составляли предмет специальных законодательных актов (постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июля 1922 г. об отсрочке и сложении государственных налогов и сборов и возврате сумм, неправильно поступивших в казну — «Собр. Уз. РСФСР» 1922 г., № 46, ст. 569, — и дополнительные постановления от 4 апреля и от 27 июня 1923 г. — «Собр. Уз. РСФСР» 1923 г., № 27, ст. 314 и № 62, ст. 599, постановления СНК Союза ССР от 25 марта и от 11 августа 1924 г. о мерах к упорядочению уплаты подрядчиками и поставщиками промышленного налога — «Собр. Уз.» 1924 г. № 53, ст. 515, и «Собр. Зак. СССР» 1924 г., № 5, ст. 63).

Новое положение не включает правил о сроках и способе уплаты различных налогов и о порядке их исчисления; эти правила составляют содержание специальных законов о каждом налоге или сборе в отдельности. Но оно излагает формы воздействия на неаккуратных плательщиков, которые должны быть приняты органами и отдельными представителями государственной власти, на то уполномоченными, порядок обжалования этих действий и пределы последних, а также те мероприятия, которые могут быть приняты с целью облегчения налогового бремени населения: отсрочки и рассрочки платежа, сложение недоимок и возврат неправильно взысканных сумм.

Непосредственное взимание прямых налогов возлагается положением на финансовых инспекторов, их помощников и финансовых агентов, по акцизам — на инспекторов (старших и младших) косналогов и их помощников, по сельско-хозяйственному налогу на волостные и районные исполкомы. Руководство взиманием всех видов налогов возлагается на наркоматы финансов Союза, союзных и автономных

республик, на уполнаркомфинов, на финотделы областные, губернские, окружные и уездные. Взимание местных налогов производится либо финансовой инспектурой, либо иными органами, по специальному постановлению губернского или окружного исполкомов.

По общему правилу, суммы налогов, пени и штрафов вносятся в приходо-расходные кассы Наркомфина, в учреждения Госбанка и в уполномоченные на прием этих сумм так называемые «кассы специальных сборщиков» (напр., кассы других банков, учреждения почтово-телеграфного ведомства). Кассы рай- и волысполкомов в отношении налогов, зачисляемых в волостной бюджет, являются приходо-расходными кассами, в отношении же общегосударственных и местных налогов и сборов — кассами специальных сборщиков. Прием налоговых сумм кассами вол- и райисполкомов ограничивается определенным пределом, устанавливаемым наркоматами финансов союзных республик.

Положение определяет тот момент, после которого финорганы могут приступить к принудительному взысканию следуемых по налогам сумм. Этот момент — предельный срок платежа, который для разных налогов установлен различный, согласно особым о них положений. Так, положение о едином сельхозналоге на 1925—26 год определяет три предельных срока для отдельных частей окладов налога. В большинстве случаев ближайшее определение сроков уплаты налогов предоставляется местным органам. Просрочка платежа превращает налог в недоимку. На последнюю начисляется пеня, размер которой значительно понижен по сравнению не только с размером, установленным положением 1922 года в период падающей валюты, когда пеня должна была хоть отчасти возместить разницу в курсе, но и в размере, вновь установленном постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 21 декабря 1923 года («Собр. Уз. РСФСР» 1924 г., № 17, ст. 172). Наибольший размер пени (одна пятая процента за каждый день просрочки) взимается с частных лиц и предприятий; в половинном размере (одна десятая процента) она уплачивается государственными и кооперативными предприятиями, а также акционерными обществами с преобладающим участием государственного и кооперативного капитала. Такая же пеня начисляется на недоимку по сельскохозяйственному налогу.

В отношении сельхозналога пеня является единственной административной мерой понуждения к уплате в срок. Новое положение не знает всех тех мер, которые в различные моменты власть вынуждалась применять к неаккуратным плательщикам: нет упоминания о военном постое и о воспрещении продажи продуктов на базарах и рынках впредь до выполнения налоговой обязанности (мера 1921 года), вычеркнут, как мера репрессии, административный арест (практиковался до кампании 1923—1924 года включительно), отменено наложение штрафа в административном порядке, установленное прошлым годом радио от 10 октября. А пеня, единственная побудительная мера для незлостных неплательщиков, взымается, как уже указано, в минимальном размере.

Штраф, как мера понуждения, сохранился, однако, при взимании других налогов. Так, напр., постановлением СНК Союза ССР от 15 сентября

1925 г. (см. обзор сов. законодательства в № 40 «Еж. Сов. Юст.») установлены различные размеры штрафов за нарушения положения о промысловом налоге. Установлены также денежные взыскания за различные нарушения правил взимания подоходного налога (неподача или несвоевременная подача деклараций, непредставление списков плательщиков и т. п.).

Согласно положению, финорганы могут приступить к принудительным мерам взыскания недоимки немедленно по ее образованию, т. е. по просрочке платежа налога. Практически эти меры применяются спустя некоторый, более или менее длительный, промежуток времени. В таком случае недоимка взыскивается вместе с начисленной пеней, с суммами наложенных штрафов, а в случае последовавшей ранее (в особом порядке, о чем ниже) отсрочки или рассрочки платежа налога также с начисленными процентами. Взыскание производится в бесспорном административном порядке различными финорганами. При чем только простейшие меры (опись и арест имущества) осуществляются финансовыми инспекторами, инспекторами косвенных налогов, помощниками инспекторов, финансовыми агентами и органами волысполкомов под их ответственностью и руководством тех же фининспекторов. Что же касается описи, ареста и обращения на удовлетворение взыскания принадлежащих недоимщику или находящиеся в кассах недоимочных предприятий денежных сумм, обращения взыскания на суммы, причитающиеся от третьих лиц, или находящиеся на текущих счетах и во вкладах в кредитных учреждениях, а также описи и ареста фондовых ценностей, — то эти меры могут приниматься теми же должностными лицами и органами власти не иначе, как по постановлению окружного или уездных финотделов. То же самое требуется для осуществления принадлежащего финорганам права воспретить выпуск подакцизных продуктов с предприятий без обеспечения уплаты акциза. Особое в каждом отдельном случае постановление губернского (окружного) финотдела требуется для обращения взыскания на строения, а также для принятия принудительных мер взыскания (кроме описи и ареста имущества) в отношении государственных и кооперативных предприятий и акционерных обществ с фактическим преобладанием государственного и кооперативного капитала.

Такая гарантия в особенности необходима в случаях обращения взыскания на государственное и кооперативное имущество: временная заминка в денежных средствах не должна служить основанием для распродажи такого имущества, в результате которой обычно выручается довольно незначительная сумма, не представляющая подчас и десятой части его действительной стоимости и не покрывающая потребной для погашения недоимки суммы. В конечном счете выигрывает от такого излишнего рвения финансовой инспектуры частный скупщик госимущества, у которого впоследствии госорганы вынуждены покупать те же самые предметы или товары по значительно большей цене. Постановления губфинотделов о принятии принудительных мер взыскания в отношении государственных и кооперативных предприятий будут выноситься лишь в тех случаях, когда эти меры окажутся единственно действительным средством для взыскания

недоимок и когда будут приняты столь же действительные средства против разбазаривания госимущества по непомерно низким ценам. Следует также признать правильным требование предварительного постановления губфинотдела для обращения взыскания на строения хотя бы частных лиц.

Советское законодательство о порядке и способах обращения взыскания на имущество всегда уделяет особое внимание тем категориям имущества, взыскание с которого не должно допускаться. Так, вводя одну из серьезнейших мер имущественного взыскания—полную или частичную конфискацию имущества—Уголовный Кодекс РСФСР исключает от этого принудительного безвозмездного отчуждения в пользу государства имущества осужденного предметы домашнего обихода, продукты питания на срок не менее шести месяцев, инвентарь мелкого кустарного и сельско-хозяйственного производства, а также инвентарь, необходимый для профессиональной работы осужденного (ст. 38 УК). Аналогичные ограничения установлены 271—272 ст. ст. ГПК для случаев обращения взыскания во исполнение решений по гражданским делам.

В этом отношении не составляет исключения и налоговое законодательство. В данном случае к вышеприведенным соображениям в пользу установления перечней забронированного от взыскания имущества присоединяется еще одно, вытекающее из основного начала разумной налоговой политики—необходимости сохранения самого объекта обложения. Такие перечни содержатся как в положении 17 июля 1922 г., так и в инструкции об ответственности за неуплату сельхозналога от 11 июля 1923 г. Новое положение, изданное в момент значительного развития налоговой системы и укрепления финансового налогового аппарата, когда последний может и должен действовать по определенному плану, выгодному для интересов государственной казны и не разорительному для отдельных хозяйств и налогоплательщиков вообще, и представляет в ст. 17 стройную и весьма развитую систему изъятия от взыскания.

Прежде всего забронировано от взыскания то государственное имущество, которое вообще не может быть отчуждаемо и закладываемо госорганами, в ведении которых оно находится. Такое имущество включается в основной капитал предприятий, переведенных на хозяйственный расчет, и распоряжение им осуществляется СТО и ВОНХ на основании и в порядке, установленном декретом о трестах. Хозяйственными соображениями продиктовано ограничение в обращении взыскания на определенные части оборотного капитала, а именно: на сырье и топливо, необходимые для фактической работы предприятия в течение 3-х месяцев, на наличные суммы, необходимые для удовлетворения заработной платы рабочих и служащих за истекшее время и за две недели вперед (по аналогии это ограничение распространено также на средства, необходимые для уплаты взносов социального страхования и для выплаты алиментов за то же время). Воспрепятствие обращения взыскания на строения государственных учреждений и предприятий, конечно, имеет в виду не строения муниципализированные и национализированные, которые не подлежат отчуждению на основании общих норм Гражданского Кодекса (ст. 22), а строения, приобретенные учреждениями

и предприятиями на оборотные средства и которые не подлежат включению в фонды муниципализированных и национализированных строений. Те же хозяйственные соображения послужили основанием для изъятия из числа объектов взыскания орудий производства и инструментов, необходимых для кустарей и ремесленников, пользующихся льготами по налогам, установленными постановлениями от 10 апреля, 12 мая и 12 июня 1925 г., сюда же отнесены орудия производства, инструменты, пособия, книги, необходимые для личных профессиональных занятий лиц так называемых интеллигентных профессий (врачи, литераторы, техники и т. п.).

В виду применения нового положения к взысканию также сельхозналога представляются важными те изъятия, которые установлены в пользу лиц, занимающихся сельским хозяйством, и возглавляемых ими отдельных хозяйств. Не могут быть предметами взысканий живой и мертвый инвентарь в количестве на каждое хозяйство: одной сохи, одного плуга, одной бороны, одной коровы, одной лошади (верблюда, мула, пары волов); неснятый урожай, рабочий молодец, жилые и хозяйственные строения, семена, необходимые для посева в текущем году, а также продукты продовольствия в количестве на срок до шести месяцев, но не более чем до нового урожая. Для иных же недоимщиков льгота в отношении продовольствия и топлива ограничена: не подлежащее аресту и описи количество их рассчитано всего на один месяц. Интересами восстановления хозяйства, потерпевшего урон от стихийных бедствий, объясняется, конечно, изъятие для сумм, причитающихся недоимщику по обязательному окладному и неокладному страхованию. Получила распространение также льгота, установленная ранее изданными декретами в пользу паевых взносов в кооперативные организации (потребительские, сельско-хозяйственные); не может быть обращено взыскание на паевые взносы в кооперативные организации всех видов и степеней, в общество взаимного и сельско-хозяйственного кредита, трудовые артели и артели ответственного труда. Сохранена льгота для необходимого личного платья, белья, обуви и других предметов домашнего обихода.

Заслуживает внимания ограничение в обращении взыскания на заработную плату рабочих и служащих; взыскано может быть не более 20% с излишка, превышающего минимум заработной платы.

Новое положение упраздняет в значительной мере неудобный порядок, установленный положением 1922 г. в отношении обращения взыскания на имущество и денежные суммы, причитающиеся недоимщику от третьих лиц. Требование обращения в таких случаях за содействием судебных органов затрудняло в большой мере как суд, так и финорганы. Действия же суда имели в таких случаях исключительно формальный характер. Сохранен особый порядок, установленный специальными узаконениями для обращения взыскания на всякого рода вклады в кредитных учреждениях и в ссудо-сберегательных кассах.

Принудительное взыскание налогов, недоимок по ним, начисление пени, наложение штрафов являются обстоятельствами, свидетельствующими о расстройстве, по крайней мере, временном и частичном, данного хозяйственного организма. Госу-

дарство заинтересовано, конечно, в своевременном и аккуратном поступлении платежей по налогам, но в то же время оно также заинтересовано и в правильном функционировании предприятий и хозяйств, в недопущении полного их расстройств. С этой целью установлена система отсрочек и рассрочек платежа налога с начислением пени в полном или в уменьшенном размере, либо вовсе без начисления пени, а в некоторых случаях и полного сложения недоимок по налогам. Отсрочка и рассрочка разрешаются уездными финорганами на срок не более одного месяца, губернскими (окружными) на срок до 3-х месяцев; областные финотделы предоставляют отсрочки и рассрочки на срок до 6 месяцев. Более продолжительные отсрочки и рассрочки могут быть предоставлены лишь с разрешения наркомфинсов союзных республик. Положение это действует в отношении прямых государственных налогов. Что касается акцизов и таможенных сборов, то в их отношении требуется разрешение Наркомфина Союза ССР.

Изъятие в отношении отсрочек и рассрочек установлено для сельхозналога, вносы по которому должны быть делаемы в заранее установленные сроки; лишь пеня может быть сложена в отдельных случаях комиссиями по сельхозналогу. Те же комиссии разрешают вопрос о полном или частичном сложении платежей по сельхозналогу в случаях особых бедствий (градобития, засухи, наводнения, падежа или хищения скота и т. п. В отношении прямых общегосударственных налогов сложение недоимок производится вследствие полной или частичной неплатежеспособности налогоплательщиков, или неправильного их начисления и безнадежности поступления губфинотделами (до 300 руб.), облфинотделами (до 500 руб.). Для сложения не-

доимок на большие суммы требуется разрешение наркомфина союзных республик. Несколько иной порядок установлен для сложения недоимок по акцизам и таможенным сборам. Сложение недоимок по местным налогам, а равно отсрочка и рассрочка платежей по ним производится в особом порядке, на подробностях которого мы здесь останавливаться не будем.

Новое положение о взимании налогов очень детально регулирует это взимание: оно исходит из широко понимаемых общегосударственных интересов, под которыми понимаются интересы не только финансового ведомства, но и хозяйственные в самом широком смысле этого слова. Однако, представляется возможным, что все намечаемые положения мероприятия, в том числе и отсрочки и рассрочки платежей, и льготы по обращению взысканий, не достигнут цели и некоторые плательщики уклонятся от платежа не в силу тех или иных временных затруднений, не в силу неимения средств, а в виду упорного нежелания нести налоговые повинности перед государством. Такие лица подлежат ответственности в уголовном порядке, как злостные неплательщики. Той же ответственности подлежат неплательщики и в случаях массового отказа от платежа налога. Установлена ответственность также для руководителей государственных предприятий, проявивших злостное уклонение от платежа или непринявших необходимых мер к выполнению налоговых обязанностей, лежащих на предприятии.

К подробному рассмотрению вопроса об ответственности уголовной, дисциплинарной и гражданской за налоговые правонарушения мы вернемся в другой раз.

М. Б.

Итоги и выводы работы гражданского отдела Московского губсуда.

(За первое полугодие 1925 года).

10 октября 1925 г. пленум Мосгубсуда заслушал отчетный доклад гражданского отдела за первое полугодие 1925 г.

Бурный хозяйственный рост страны, основа развитого гражданского оборота, столь же положение МГС—в центре экономических нитей всего Союза, крепнувшее правосознание населения—таковы, в общих чертах, факторы, определявшие практику гражданского отдела за отчетный период. Действие их характеризуется прогрессивно-увеличивающимся количеством дел в кассационном отделении и усложнением дел суд. от-ния.

Первая и неотложная задача кассационного отделения заключалась в том, чтобы как-то преодолеть возрастающую лавину поступления дел. За первое полугодие 1924 года поступило—5.861 д., за второе—8.612, за первую половину 1925 года—11.887 д. Уже к концу первой четверти 1925 года среднее поступление в день кассируемых дел равнялось 102,3, средний же разбор 95,9. Остаток нерассмотренных дел с каждым днем увеличивался, что заставляло отдел принять срочные меры к ликвидации создавшегося затора. Были организованы «субботники» по разгрузке, в участие в которых привлекались члены губсуда

по уголовному отделу, запасные судьи и уполномоченные губсуда, так как наличного штата судей гражданского отдела не хватало. В каждый суббота разбиралось до 400 дел, нагрузка в остальные дни достигала 150—200 дел или 30—40 дел на состав. Число заседаний по пр. касс. отделило за вторую четверть 1925 года (253) поднялось почти вдвое против первой четверти (133). В результате напряженных усилий образовавшаяся задержка была сведена на нет. К августу месяцу назначенных дел в кассационном отделении не было. Прохождение дел доведено до 3-х недель. Всего за отчетн. период ГКО окончено 11.093 д., или 1/2 дел, рассмотренных ГКО всех губсудов (51) Республики. В настоящее время, благодаря введения пот а в работу технического аппарата и увеличения штата судей до 18-ти чел., нормальный темп деятельности ГКО обеспечен. Обращаясь к поступлению дел в ГКО по характеру дел, следует отметить, что увеличение падает, главным образом, на жилищные и трудовые дела. Число алиментных и общесемейных дел по сравнению с 1924 г. в процентном отношении несколько сократилось. За первое полугодие 1924 года жилищных дел поступило 32,8%, за второе 37,6%, в отчет-

ном полутонии 44,3%. Трудовых за то же время—9,5%, 11,1%, 15%, алиментных—11,7%, 13,6%, 11,7%, обще-
 жевых—46,%, 37,7%, 27%. Абсолютное количество об-
 жалованных дел по всем категориям значительно возросло.
 Средний процент обжалования решений нарсудов поднялся
 с 13,9% в 1924 году до 17,2% в 1925 г. Судя по тому,
 что средний процент отмены решений нарсудов не изме-
 нился (31% в 1924 г. и столько же в 1925 г.) и, следо-
 вательно, качество работы нарсудов не ухудшилось,—по-
 вышение процента обжалования надлежит отнести за
 счет большей требовательности населения, растущего пра-
 восознания его. Среди поводов к отмене решений нарсудов
 преобладают явное несоответствие решения фактическим
 обстоятельствам дела (до 33,4%) и необследованность лич-
 ности (до 26,7%). Противоречие решения фактическим
 обстоятельствам дела свидетельствует, что дело разобрано
 неправильно по существу. Указывая народному суду на
 расхождение его решения с существом дела, кассационная
 инстанция тем самым выполняет чисто апелляционные
 функции. Представляет ли опасность некоторый апелляци-
 онный уклон кассационной инстанции? Думается, что при
 нашей системе судостроительства и нашем построении гра-
 жданского процесса «заглядывание» кассационной инстан-
 цией в существо дела не грозит теми отрицательными по-
 следствиями, которыми отличалось апелляционное разбира-
 тельство, т.-е. бесконечной волокитой и путаницей. Незна-
 чительный процент отмены решений приходится на долю
 нарушений закона от 3,3% по алиментным делам и до 13,3%
 по трудовым. Направляется вывод, что материальное
 право первой инстанцией усвоено лучше нежели процес-
 суальное.

Из 100 решений нарсудов отменяется в среднем 31 %.
 Такой процент для несложных дел нарсуда достаточно вы-
 сок. Поэтому, второй задачей ГКО за отчетный период было
 поднятие квалификации нарсудей. Инструктирование по-
 следних по линии ГКО осуществлялось в отчетном периоде
 следующими способами:

- 1) соответствующими указаниями в кассационных
 определениях;
- 2) устройством совещаний членов губсуда совместно
 с нарсудьями.

На этих совещаниях прорабатывались разнообразные
 вопросы судебной практики, теории права и, наконец, те-
 кущее законодательство. В частности, совещаниями вы-
 двинут ряд запросов в Верховный суд через пленум губсуда по по-
 воду неясности и неполноты действующего закона, напри-
 мер, о подсудности узачных дел и проч.

Одной из форм инструктирования более отсталых, уезд-
 ных судей служили выездные сессии ГКО. Основная цель,
 которую преследовал МГС, организуя выездные сессии ГКО
 и ГКО в уезды,—приближение суда к населению, внедре-
 ние революционной законности в массы путем заседаний
 губсуда на местах, в уездах, путем огульного тщательного
 разбора крестьянских дел. Так понял и так проводил
 в жизнь МГС директиву партии—«лицом к деревне». Засе-
 дания выездных сессий привлекали широкие слои местного
 населения, и популяризация нашего права находила себе,
 тем самым, благоприятную почву. Пропатрида революцион-
 ной законности, помимо слушания дел в присутствии мас-
 совой аудитории, выражалась также в помещении статей
 в местной прессе о работах сессии. Каждая сессия сопро-
 вождалась ревизионным обследованием нарсудов и оканчи-
 валась совещанием с местными судебными работниками.
 На совещании вскрывались подотчет и ошибки нарсудов,
 давались разъяснения и проч. Размеры статьи не позволяют
 остановиться, хотя бы на наиболее ярких делах, рассмотре-

нных выездными сессиями. Опыт выездных сессий убеждает
 в их большой пользе.

Касаясь характеристики дел нарсудов по данным касса-
 ционной инстанции, нужно признать, что дела нарсудов все
 еще остаются по преимуществу бытовыми. Расширение
 подсудности нарсуда пока не дало значительного числа дел
 среднего торгового-промышленного оборота.

Обозрение дел, разрешенных за отчетный период судеб-
 ным отделением, представляет собою пеструю картину
 самых разнообразных споров о праве гражданского. Почти
 нет такого института, такого угла в нашем Гр. Кодексе,
 которого бы не коснулась всесторонняя практика Мосгуб-
 суда. В отчете приведены 25 категорий дел. Поступление
 дел в судебное отделение за первую половину 1925 года
 (2.085 дел) не превышает уровня 1924 года. Зато содер-
 жание их заметно изменилось в сторону усложнения работы
 судебного отделения. С расширением подсудности нарсуда
 до 1.000 руб., губсуд освободился от мелких, трафаретных
 дел, в его производстве сосредоточились лишь наиболее
 крупные и сложные иски. Качественно дела 1925 г. явля-
 ются несравненно большим грузом, чем то же количество
 дел 1924 г. О сложности дел 1925 г. свидетельствует и
 число отложений по ним (от 2—10 раз) и количество суд.
 пошлин, взысканных за отчетный период— свыше
 5.000.000 р. Небезынтересно заметить, что содержание
 платы всего гражданского отдела за то же время равняется
 34.182 р. 60 к.

Государство в условиях нашей экономики—самый мощ-
 ный хозяйствующий субъект. Гигантский масштаб операций
 рождает соответственно большое количество столкновений
 на почве гражданского оборота. Немудрено поэтому, что
 среди поступивших дел преобладают иски госорганов
 (1.191 д.). Всего судебным отделением разрешено 2.604 де-
 ла, или 1/4 дел всех губсудов (51) Республики по ГСО.
 Московская арбитражная комиссия за то же время рассмо-
 трела 180 д. Вышла—300 дел. Эти цифры, характери-
 зующие объем работы судебного отделения, говорят сами
 за себя и в комментариях не нуждаются. Как распенивал
 работу судебного отделения Верховный суд в роли кассационной
 инстанции? Средний процент отмены решений губсудов
 по всей Республике—около 50%, по МГС по решениям
 1925 года падает 43,2%. Средний процент отмены решений
 Мосгубсуда за 1924 г. равен—44,5%. Если учесть все
 возрастающую сложность гражданского оборота и граждан-
 ских дел, изменение подсудности губсуда, то понижение
 процента отмены дел можно рассматривать, как тенденцию
 к качественному улучшению разбора дел судебным отде-
 лением. Вопрос о качестве работы всегда ставился граждан-
 ским отделом на первом плане. Для углубления ква-
 лификации судей и поднятия качества работы отдела про-
 ведена специализация судей по кассационному и судебному
 отделениям. В пределах судебного отделения намечается
 дальнейшая специализация по категориям дел. При всех
 достоинствах специализации отдел подходил к ней с боль-
 шой осторожностью, памятуя, что она является лишь сред-
 ством, а не целью. По этим соображениям за судей сохра-
 нена полная свобода, когда он в совершенстве овладеет
 той или иной категорией дел, заняться другой отраслью.
 В числе организационных проблем по судебному отделению
 за отчетный период был подтвержден изучение вопроса о па-
 родных заседателях. Нараседающим, лишеным специаль-
 ной подготовки, трудно схватить суть дела, утопающую
 в многочисленных специфических процедурах гражданского
 процесса и пререканиях сторон, благодаря чему нарзасе-
 датели пассивны в работе суда. Это умалит их роль, делает
 суд единоличным. Сложное гражданское дело откладывается

4—6 раз, столько же раз меняется состав нарзаседателей. В курсе дела остается один судья. Необходимо добиться разрешения дела в одном судебном заседании. Для этого требуется, чтобы на судебное заседание дело выносилось после предварительной подготовки его судьей. Согласно ст. 80 ППР, судья может до первого заседания рассмотреть единолично некоторые вопросы по делу (вызов свидетелей и проч.). Нужно развить и дополнить новеллой мысль, положенную в основу ст. 80 ППР, нужно, чтобы к судебному заседанию дело принимало более или менее законченный вид в смысле суммирования материалов, подбора доказательств и т. п. (производство экспертизы, местного осмотра и пр.). В этом случае рассмотрение дела будет ускорено, существо дела, заслушанного в одном судебном заседании от начала до конца, всплывает перед нарзаседателями с большей выпуклостью, в более доступной для понимания и вызовов форме, вследствие чего активность нарзаседателей усиливается.

Известное затруднение судебного отделения испытывало при рассмотрении правоотношений, не урегулированных действующим законодательством—о поклаже, о комиссии, о несостоятельности. Поскольку потребность оборота выдвинула эти виды правоотношений, следовало бы и Гражданский Кодекс дополнить соответствующими институтами.

На дело исполнения решений гражданским отделом было обращено самое серьезное внимание. Для наблюдения и контроля за работой судисполнителей был организован специальный стол надзора с членом губсуда во главе. Произведенные столон ревизии выявили основные недочеты исполнения решений, и к их устранению приняты решительные меры.

Работа нотариата характеризуется необычайно возросшим количеством нотариальных действий (121.286) и огромной суммой сборов—4.210.696 руб. за полугодие.

Обобщив опыт работы за первое полугодие 1925 года, гражданский отдел пришел к следующим выводам и пожеланиям на будущее время:

• Очередной задачей является поднятие качества работы как судебного, так и кассационного отделений. Состав суда на 80% из рабочих и крестьян, не получивших специального юридического образования, однако, вполне оправдал себя, как работоспособный и справляющийся с трудными юридическими вопросами. В особенности, это следует сказать относительно товарищей, проработавших 1—2 года в суде. Что касается более молодых товарищей, то следует ввести в более твердые организационные рамки их учебный стаж. Для этой цели, товарищам, имеющим менее года стажа судебной работы, следует рекомендовать кружок по переподготовке, под руководством теоретически более подготовленного товарища. Занятия кружка вести по определенной системе с отчетностью перед президиумом губсуда.

Обновленный в значительной мере состав низовых работников нарсуда требует сугубого внимания к себе и постоянного инструктирования. Практикующуюся посылку индивидуальных писем заведующим гражданскими кассационным отделением по поводу недочетов, отмеченных

в контрольных карточках, следует продолжать и в дальнейшем, признав, что контрольная карточка, составляемая председательствующим кассационной инстанции, является необходимым документом, завершающим ревизионно-кассационное рассмотрение дела. По количеству и по содержанию составленных товарищами карточек можно будет судить о качестве работы того или иного состава кассационной инстанции.

Основным средством поднятия квалификации судей должны остаться периодические совещания. Разделение судей гражданского отдела на работающих в судебном и кассационном отделениях скрывает опасность разрыва между теми и другими. Такой разрыв означал бы большую опасность для работы отдела в целом. Поэтому следует установить, что общие совещания работников обоих отделений должны быть постоянным правилом. Раздельные совещания допустимы только по организационным вопросам. Оставив в силе постановление президиума губсуда о еженедельных совещаниях с работниками трудовой сессии, признать необходимым созыв широких собраний нарсудей, нотариусов и судебных исполнителей не реже одного раза в 2 месяца, приурочив их к последней субботе каждого четного месяца.

Следует констатировать, что до настоящего времени не нашла своего организационного оформления разработка материалов гражданского отдела. Порусская способность гражданского отдела превышает 30.000 дел в 1925 году. В дальнейшем его работа, безусловно, будет расширяться. Материалы гражданского отдела Московского губсуда, как столичного суда СССР, являющегося основным органом, разрешающим имущественные конфликты в условиях нашего строительства (количество дел в арбитражных комиссиях ничтожно, не достигая и $\frac{1}{30}$ доли дел всего губсуда и $\frac{1}{4}$ дел судебного отделения) имеют исключительную обществ. ценность.

Принимая во внимание, что наряду с развитием гражданского оборота не замечается соответствующего этому роста дел в судебном отделении гражданского отдела, что сохранение на одном уровне поступающих дел не может быть объяснено тем, что соответствующие дела разбираются в специальных судах (арбитражных комиссиях), это явление следует объяснить высотой судебной пошлины, превышающей в несколько раз довоенный размер этих сборов. Считая ненормальным всякие суррогаты судебной защиты, вызываемые высотой судебных пошлин, надо признать своевременным возбуждение вопроса о снижении судебной пошлины.

Намеченные гражданским отделом мероприятия целиком одобрены пленумом.

Следует оговориться, что границы журнальной статьи не позволяют дать более полного очерка деятельности гражданского отдела Московского губсуда за отчетный период. Интересующихся отсылаем к специальному отчету, подготавливаемому к печати.

Москаленко.

Обзор советского законодательства за время с 1 по 15 ноября 1925 г

А. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА С. С. Р.

1. Постановлением СНК Союза ССР от 17 октября утверждено положение о хлебных арбитражных комиссиях («Изв. ЦИК СССР» от 3 ноября, № 252). Хлебные арбитражные комиссии, предусмотренные положением об единой государственной хлебной инспекции от 8 января 1925 г. («Собр. Зак. СССР» 1925 г. № 4, ст. 49), имеет своей задачей разрешение споров между органами инспекции и владельцами или держателями зерна, возникающих по поводу действий по инспектированию или классифицированию зерна, по проведению мер борьбы с вредителями и с зараженностью помесей. Тесно связанные с хлебной инспекцией хлебные арбитражные комиссии учреждаются наркоматами внутренней торговли в районах деятельности инспекции. Комиссия состоит из председателя, назначаемого областным (краевым), губернским, окружным или соответствующим исполкомом, и четырех членов—представителей земуправления, внутрторга, биржевого комитета товарной биржи и сельско-хозяйственного кооперативного объединения. Рассмотрению дел в хлебных арбитражных комиссиях придан характер судебного-процессуальный. Установлен шестинедельный срок для подачи заявления обязательно в письменной форме учреждениями, предприятиями и лицами, признающими свои права нарушенными. Срок исчисляется с момента взятия генеральной пробы зерна, на основании которой выдан сертификат (удостоверение в качестве зерна). Рассмотрение спора происходит в присутствии сторон. Хотя каждая сторона обязана доказать обстоятельства, на которых она основывает свои утверждения или возражения, но арбитражная комиссия может потребовать представления дополнительных доказательств либо собирать таковые по своему усмотрению. Допускается допрос свидетелей, осмотр торговых книг, вызов экспертов. Решения хлебных арбитражных комиссий дана сила судебных решений, они окончательны и не подлежат обжалованию. Решения эти могут быть отменены в порядке надзора полностью или частично Наркоматом Внутренней Торговли Союза ССР; дело же может быть передано на новое рассмотрение и разрешение в другую арбитражную комиссию. Размер убытков, подлежащих взысканию со стороны, против которой постановлено решение арбитражной комиссии, устанавливается в порядке искового производства подлежащими судебными органами.

2. После издания законодательных актов, посвященных пересмотру и изменению действующей системы взимания налогов и наложения взысканий за нарушение действующих о них постановлений (положение о взимании налогов от 2 октября и правила о денежных взысканиях за нарушение положения о промысловом налоге от 18 сентября), 23 октября утвержден и 12 ноября опубликован в № 258 «Изв. ЦИК СССР» еще один акт законодательства по тому же предмету—постановление ЦИК и СНК Союза ССР о порядке наложения взысканий за нарушение постановлений об акцизах и особом патентном сборе за право торговли спиртными напитками и табачными изделиями. Отменяя действие постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 9 мая («Собр. Узак.» 1924 г. № 63, ст. 625), новое постановление учитывает опыт полуторогодичной борьбы с правонарушениями в области акцизов и соответственно содержит ряд более разработанных и подробных положений. Уже из самого

заголовка постановления можно усмотреть, что нарушение правил об особом патентном сборе признано относящимся к категории акцизных правонарушений. В постановление включен раздел об административных взысканиях, налагаемых СНК автономных республик, не имеющих губернского деления, исполкомами губернскими и окружными по представлениям финорганов; до настоящего времени эти взыскания применялись на основании ведомственных инструкций. Нарушение акцизных правил, в первый раз совершенное, если сумма неуплаченного акциза не превышает ста рублей, влечет општрафование на сумму не свыше трехсот руб., с конфискацией неоплаченных или недостаточно оплаченных акцизом предметов. В отношении ответственности за невыборку или несвоевременную либо ненадлежащую выборку особых патентов, действуют следующие размеры взысканий: штраф в пятикратном размере неуплаченной или недоплаченной основной, т.-е. без местной надбавки, стоимости патента; в случае просрочки применяется трехкратный размер штрафа. В меньшем размере (половинная стоимость патента) установлена ответственность за невыставление патента на видном месте в торговом заведении, либо за непредъявление его агентам надзора, торговцами в развоз и в разнос. Остальные нарушения преследуются в судебном порядке, причем за них установлена мера социальной защиты в виде штрафа до тысячи руб. и принудительных работ или лишения свободы на срок до одного года с той же конфискацией. Постановление в отношении меры судебной репрессии повторяет, таким образом, норму ст. 139-а Уг. Код РСФСР. Устранена неясность прежней редакции п. 1 постановления от 9 мая 1924 г., согласно буквальному смыслу которого акты дознания должны были направляться через заведывающего губфинотделом или старшего инспектора косвенных налогов либо в суд, либо к прокурору. Между тем, большинство дел (наиболее мелкие) заканчивается наложением взысканий в административном порядке, и никакой надобности не было направлять их к прокурору для прекращения. Поэтому новая редакция постановления, не приводя вовсе упоминания о направлении дел в нарсуд или к прокурору, ограничивается ссылкой на УПК союзных республик. Также не требуется, согласно рассматриваемого постановления, постановления судебных органов для распоряжения скоропортящимися предметами и продуктами. В отношении ответственности за нарушение постановлений о косвенных налогах кооперативные предприятия приравнены к государственным; ответственность несут заведующие ими. Изменен порядок распределения штрафных сумм, а также сумм, выручаемых от реализации конфискованных предметов. В доход казны обращается лишь 50% этих сумм; остальная половина выдается открывателям, заявителям и поимщикам.

В остальном постановление не содержит существенных изменений действующего порядка.

3. Ст. 228 нового положения об обязательной военной службе («Собр. Зак.» 1925 г. № 62, ст. 463) устанавливает, что граждане, зачисленные в тыловое ополчение, облагаются специальным военным налогом в течение всего времени состояния в этом ополчении. Подробности взимания этого налога регулируются вновь изданным постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 6 ноября 1925 г. о специальном воен-

ном налоге с граждан, зачисленных в тыловое ополчение («Изм. ЦИК СССР» от 15 ноября, № 261). Различаются граждане, привлекаемые к уплате подоходного налога, налога сельско-хозяйственного и вовсе необлагаемые упомянутыми налогами, а также граждане, не имеющие самостоятельных источников дохода. С первых двух категорий граждан военный налог взимается в течение первых двух лет состояния в тыловом ополчении в зависимости от оклада подоходного и сельско-хозяйственного налога, но не менее 50 руб. в окладной период; в течение остальных лет — в размере 10% от оклада налога сельско-хозяйственного и по совокупности доходов с причислением в последнем случае половины полугодового основного оклада подоходного налога. Граждане, не имеющие самостоятельных источников дохода, сами налога не уплачивают, но он вносится теми лицами, на иждивении которых они состоят. Налог взимается теми органами, которые ведают взиманием соответствующих налогов (подоходного и сел.-хоз. налога). Поступления налога передаются в органы собеза для расходования на оказание помощи инвалидам гражданской войны. Следовательно, налог носит исключительно целевой характер.

4. Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 30 октября о льготах по промысловому налогу для инвалидов войны и труда и их объединений («Изм. ЦИК СССР» от 15 ноября, № 261) отменяет действие постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 21 марта 1924 г. об освобождении от промыслового налога предприятий и личных промысловых занятий инвалидов труда и войны («Собр. Узак.» 1924 г. № 45, ст. 426) и значительно расширяет перечень льгот, предоставляемых этим подлежащим социальному обеспечению лицам и их объединениям. На все производственные, трудовые и торговые объединения инвалидов, организуемые органами собеза, на их союзы и на содержимые ими промышленные и торговые предприятия распространены все льготы, предоставляемые соответствующим видам кооперативных объединений. Для получения этих льгот требуется соблюдение следующих условий: утверждение уставов органами собеза, эксплуатация предприятий самими организациями без передачи их в аренду и обслуживание первичных объединений исключительно силами самих инвалидов с допущением наемного труда и членов артелей, не-инвалидов, в количестве не более 25% и притом на такие работы, которые либо требуют специальных познаний, либо непосильны для инвалидов вследствие их инвалидности же. Заслуживает внимания воспрещение приема не-инвалидов в члены торговых объединений. Льготы эти предоставлены также и другим, наименее значительным категориям инвалидных объединений при соблюдении условий ограждающих их трудовой характер. Также помимо льгот, предоставленных кустарям и ремесленникам, инвалиды, лично занятые кустарными промыслами и ремеслами и имеющие право на социальное обеспечение или на обеспечение в порядке социального страхования, пользуются налоговыми льготами и в том случае, если они имеют не более трех наемных работников. Допущены налоговые льготы также и для инвалидов, занимающихся торговлей.

5. Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 6 ноября о дополнении постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 3 апреля 1925 г. о целевом квартирном налоге на нужды строительства рабочих жилищ и о сроке введения в действие указанного постановления в Московской губернии («Изм. ЦИК СССР» от 14 ноября, № 260) устанавливается, что зачет сумм, внесенных до издания постановления от 3 апреля («Собр. Зак. СССР» 1925 г. № 26, ст. 178), производится лишь при уплате налога за 1924—25 г.

По Московской г. сроком введения в действие налога установлено 1 апреля 1925 г.; 20% поступлений налога должно быть внесено в специальный фонд Центрального Банка коммунального хозяйства и жилищного строительства.

6. Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 23 октября об освобождении площадей посевов клеверщины от обложения единым сельско-хозяйственным налогом («Изм. ЦИК СССР» от 1 ноября, № 251) соответственно дополнена ст. 15 положения о едином сельско-хозяйственном налоге на 1925—26 год («Собр. Зак. СССР» 1925 г., № 31, ст. 209).

7. Постановление СНК Союза ССР от 17 октября об освобождении от оплаты гербовым и иными сборами заключаемых народными комиссариатами земледелия с хлебоготовителями договоров о поставке семенного зерна в осеннюю кампанию 1925 года и счетов по операциям, обусловленным этими договорами («Изм. ЦИК СССР» от 1 ноября, № 251), примыкает к ряду постановлений, направленных к облегчению положения в пострадавших от неурожая районах и к своевременному оказанию населению семенной ссуды. Оплате не подлежат также нотариальные сборы.

8. Постановлением СНК Союза ССР от 20 октября о беспошлинном ввозе пряжи, идущей на изготовление автопокрышек («Изм. ЦИК Союза ССР» от 1 ноября, № 251), соответственно дополнена ст. 183 таможенного тарифа по европейской торговле («Собр. Зак. СССР» 1924 г. № 10, ст. 99). Постановлением имеет целью поощрение советской автопромышленности.

9. Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 23 октября об акцизе с пива, портера и эля («Изм. ЦИК СССР» от 3 ноября, № 252) отменены регулирующие обложение пива, меда, кваса, фруктовых и искусственных минеральных вод постановления ЦИК, СНК и СТО от 3 февраля 1923 г., в постановлениях указано 20 августа 1923 г. и 12 декабря 1924 г. («Собр. Уз. РСФСР» 1923 г., № 16 ст. 157, № 95, ст. 937 и «Собр. Зак. СССР» 1924 г., № 29, ст. 257). Отпало, таким образом, акцизное обложение безалкогольных напитков, меда, кваса, фруктовых и искусственных минеральных вод, что должно повести к удешевлению этих напитков и к понижению продажных на них цен. Мероприятие—весьма целесообразное связи с выпуском в продажу спиртных напитков более значительной крепости. Пиво, портер и эль могут изготовляться крепостью не более 6 градусов алкоголя и исключительно из солода путем брожения и прибавления хмеля. Акциз взимается по весу солода, размер его определен в 4 р. 80 коп. с пуда. Акциз с привозимых из-за границы напитков взимается при выпуске их с таможни. Выделка и продажа пива, портера и эля могут производиться лишь в заведениях, зарегистрированных в губернских (окружных) финотделах.

Постановление введено в действие с 1 октября 1925 года.

10. Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 23 октября о ставках особого патентного сбора за право торговли хлебным вином (водкою), водочными изделиями, коньяком, виноградными, плодово-ягодными и изюмными винами и пивом («Изм. ЦИК СССР» от 5 ноября, № 253) отменены п.п. А и Б разд. I постановления ЦИК и СНК СССР от 15 ноября 1923 г. об установлении в червонном исчислении ставок особого патентного сбора за право торговли вином, пивом и табачными изделиями («Собр. Уз. РСФСР» 1924 г., № 13, ст. 110). Ставки значительно повышены. Действие постановления не распространяется на Закавказскую федерацию, Дальневосточную область и Буреспублику.

11. Постановлением СНК Союза ССР от 20 октября о продлении срока добровольной льготной уплаты недоимки по промысловому и подоходно-имущественному налогам и по местным к ним надбавкам за время до 1 октября 1924 года («Изм. ЦИК СССР» от 10 ноября, № 256) установленный

постановлением СНК Союза ССР от 4 сентября 1925 г. («Собр. Зак. СССР», № 60, ст. 448) льготный срок продлен до 1 декабря 1925 г.

12. Постановлением ЦИК и ОНК Союза ССР от 29 октября о торговых агентах («Изв. ЦИК СССР» от 15 ноября, № 261) нормируется деятельность особой категории торговых деятелей, которые, не состоя на службе в торговом или промышленном предприятии, оказывают ему содействие по заключению торговых сделок или совершают торговые действия от его имени. Последние действия торговый агент вправе совершать лишь в случае получения им на то специального или общего полномочия в письменной форме. Такое же полномочие требуется и для приема платежей и расщелчки их. Вознаграждение определяется соглашением и может быть установлено в виде определенного процента с суммы совершаемой сделки. Оказание содействия нескольким предприятиям одновременно, а также совершение сделок от своего имени возможно лишь в случае прямого на то согласия обслуживаемых предприятий. Договоры с торговыми агентами должны совершаться в письменной форме под страхом недействительности. В отношении обложения торговые агенты подчиняются общим правилам о торговых предприятиях.

5. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР.

1. Издание постановления СНК РСФСР от 15 октября об изменении декрета 20 декабря 1924 г. о коммунальных трестах («Изв. ЦИК СССР» от 1 ноября, № 251) вызвано выяснившейся в практике применения декрета СНК РСФСР от 20 декабря 1924 г. о коммунальных предприятиях, действующих на началах хозяйственного расчета, находящихся в ведении исполнительных комитетов («Собр. Узак.» 1925 г. № 2, ст. 14), необходимостью уточнения вопроса о порядке утверждения уставов этих трестов и о порядке их регистрации. По общему началу уставы утверждаются исполкомами губернскими (в губерниях, не включенных в состав областей) и областными (краевыми), а также СНК автономных республик. Требуется предварительное одобрение уставов соответствующими нижестоящими исполкомами (окружными, уездными и др.) в случае, если тресты состоят в их ведении. Окружные исполкомы имеют право утверждать уставы окружного значения в случае признания облисполкомами или СНК автономных республик этого порядка более целесообразным по местным условиям. Таким же образом и регистрация трестов может быть передана окружным отделам внутренней торговли. Вообще же регистрация производится внутсргами, губернскими и областными (краевыми), а в автономных республиках наркоматами внутренней торговли. Установлен порядок обжалования отказа в регистрации: жалобы при-

носятся в месячный срок в Наркомвнуторг РСФСР. В этот же Наркомат направляется один из экземпляров устава вместе с выпиской из регистрационного реестра. В декрет внесены еще некоторые менее значительные изменения.

2. Постановлением СНК РСФСР от 29 октября утверждено положение о Комитете по регулированию коммерческой деятельности издательств и наблюдению за распространением произведений печати («Изв. ЦИК СССР» от 10 ноября, № 256). Состав комитета, его компетенция и порядок деятельности аналогичны таковым же комитета по наблюдению за деятельностью издательств при Наркомвнуторге Союза ССР («Собр. Узак.» 1925 г. № 32, ст. 2241).

3. Постановление СНК РСФСР от 23 октября о порядке составления бюджета государственной промышленности РСФСР, в виде приложения к государственному бюджету РСФСР («Изв. ЦИК СССР» от 11 ноября, № 257), издано в дополнение к временным правилам от 15 мая 1925 г. по составлению, рассмотрению и утверждению финансовых смет ведомств РСФСР и росписей государственных доходов и расходов на 1925 — 26 бюджетный год («Собр. Узак.» 1925 г. № 34, ст. 235).

4. Постановлением СНК РСФСР от 4 ноября об обращении на нужды помощи заключенным и освобождаемым из мест заключения денежных сумм и личных вещей заключенных, не востребованных собственниками по выбытию из мест заключения («Изв. ЦИК СССР» от 13 ноября, № 259), устанавливается, что вещи эти хранятся в течение года, а затем передаются в распоряжение Всероссийского Комитета помощи заключенным и освобождаемым из мест заключения.

5. Постановлением СНК РСФСР от 29 октября о внесении поправок в постановление СНК РСФСР от 9 октября 1925 г. о борьбе с волками («Изв. ЦИК СССР» от 13 ноября, № 259) организация борьбы возложена на Наркомзем, Всероссийский союз охотников и местные земорганы.

6. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 2 ноября в дополнении к постановлению ВЦИК и СНК РСФСР о порядке взимания платы за обучение в учреждениях Нар. Ком. Просвещения РСФСР («Изв. ЦИК СССР» от 15 ноября, № 261) временно разрешено вводить плату за обучение и содержание детей в детских домах всех типов и наименований в городских и внегородских поселениях. Однако, количество платных мест не должно превышать 10% количества бесплатных мест. Платные места предоставляются детям рабочих, служащих и крестьян. Плата не должна превышать действительной стоимости содержания и обучения. ЦИК'ам автономных республик, краевым, областным и губернским исполкомам предоставлено право понижать размер платы.

М. Брагинский.

- ОТКЛИКИ С МЕСТ.

(Из статей, поступивших в Редакцию).

Вопросы земельного права.

Нельзя смешивать в процессе домохозяина-представителя двора с домохозяином, выступающим в личных интересах.

Гр. Прод. Кодекс требует, чтобы в исковом заявлении точно указывалось, кто именно, в каком качестве ищет и с кого ищет. Казалось бы, что домохозяин в крестьянском дворе, внося иск, должен указывать, ищет ли он в качестве домохозяина-представителя двора, иначе говоря для двора, или же он ищет в личных интересах, лично для себя. То же самое относится и к случаю, когда домохозяин выступает в процессе в качестве ответчика. Совершенно бесспорно, что это различие должно черным по белому проходить и в судебном решении.

Однако, в судебной практике это не всегда соблюдается. Так тов. Королев (Москва) пишет, что

«большую часть этого не делается ни истцом, ни ответчиком, ни судом как если бы вовсе не существовало статей 68 и 71 З. К. Во всякого рода исках, где ищут и отвечают представители, суды различают представителя от представляемого, и лишь в отношении крестьянского двора этого не делают и в сущности фактически смешивают домохозяина-представителя двора с домохозяином хозяином двора, каковому и быть уже по закону не полагается совсем.

Не говоря уже о том, что такого рода погрешности имеют отрицательное воспитательное значение для масс, одним из последствий является и то, что силой самого хода вещей возникают зачастую новые иски по одному и тому же делу, возникает нечто похожее на судебную волокуту.

Домохозяин А. на деньги, вырученные от продажи урожая, покупает для хозяйства лошадь у Б и по этой сделке ищет судом с Б убыток. При разборе дела ясно устанавливается, что домохозяин А и сделку совершал и в процессе выступает как представитель двора. Тем не менее суд выносит решение о взыскании с Б в пользу А (имя, отчество и фамилия) и в резолютивной части совершенно не отражает того факта, что А является лишь представителем претензий. В то же время С взыскивает с того же А по сделке, заключенной А исключительно в своих лично целях. Суд присуждает безоговорочно на этот раз совершенно правильно, взыскать с А в пользу С. В порядке исполнения этих двух решений сумма, присужденная А, как представителю (по существу, но не по решению) двора, идет С в уплату личного долга А. Возражения против этого самого А и членов его двора не оказывают влияния на действия судебного исполнителя, так как он не вправе разрешать вопрос о степени ответственности имущества двора за долги отдельных членов. Это дело суда, и двор для защиты своих интересов может лишь вчинить иск».

В результате подобного же смешения другой стороны в процессе, ответчика, иногда бывает и так: сам двор не знает, что ведется судебное дело, что по решению суда придется отвечать ему, ибо решения выносятся на имя домохозяина этого двора, в каком бы качестве в процессе он ни являлся.

«Благодаря такой практике — пишет т. Королев — забывается, тушется и в лучшем случае несвоевременно разрешается столь важный вопрос, как ответственность двора по сделкам домохозяина, а этот вопрос зачастую может иметь довольно запутанный и спорный характер. Его необходимо суду разрешать, конечно, в связи и во время разбора основного иска, когда весь фактический материал проходит перед судом. Не говоря уже о том, что этим достигается возможная правильность решения по существу иска, стороны будут, кроме того, иметь возможность обжаловать данный пункт решения в кассационном порядке, и вообще достаточно ясно, что поскольку спор один, то и разрешаться он должен в один прием, а не двумя самостоятельными решениями».

Семейно-имущественный раздел крестьянского двора.

При семейно-имущественном разделе, когда женщина-крестьянка уходит от мужа, из двора, она требует обычно помимо возвращения ей «приданого» и части совместно с мужем нажитых вещей, заплатить ей также за крестьянскую работу во дворе и распределить имущество двора с выделом части на нее и на детей.

Требование уплаты за проработанное время имеет за собой нездоровую практику: нарсулы притесняют за проработанное время. Между тем, как едва ли подлежит какому либо сомнению, что здесь не место трудовому договору. Однако, отвергнув трудовой договор, нарсулы должны оценивать особенности работы женщины-крестьянки в крестьянском быту.

Тов. Якубович пишет, что, по его мнению,

«...НКЗ улавливает этот момент, когда говорит: гражданин, не имеющий возможности физически или морально оставаться членом двора, может претендовать на вознаграждение за специальные затраты на общее хозяйство (разъяснение Сев.-Дв. губземуправлению от 23 апреля 1923 г.).

В чем же выражаются специальные затраты крестьянки, сделавшейся членом двора? Прежде всего, принесенный ею в замужество живой и мертвый сельскохозяйственный инвентарь сам по себе увеличивает мощь двора. Затем женщина вкладывает свою земледельческую специальность, чего не требуется от жены горожанина. И, наконец, трудовой крестьянка сверх обычных занятий домашним хозяйством участвует в обработке полей своего двора. Понятно, что при уходе она стремится компенсировать эти потери. Нарсуд также признает справедливым и соответствующим принципам советской власти в области брачного и семейного права возмещение за вложенный труд (но не за проработанное время) при совместном проживании супругов (определение Нарсуда от 4 апреля 1924 г. по делу Суриной). Отсюда понятно, что при исчислении суммы за вложенный труд нарсудам приходится учесть все специальные затраты».

Труднее поддается практическому разрешению вопрос о выделе части имущества двора на детей и на уходившую из двора от мужа крестьянку, ибо здесь приходится увязывать защиту интересов крестьянки с защитой интересов двора, измечательную которого приходится противодействовать. Ясно, что требование раздела со стороны крестьянки должно быть разрешено в каждом отдельном случае в зависимости от конкретных обстоятельств дела.

«Но конкретные обстоятельства дела, — пишет т. Якубович, — далеко не всегда так заострены, что нарсуд может их уловить. На практике (по крайней мере, в сибирских условиях) недробность двора, как признак более отдаленный, опускается. Перед судом стоит женщина, к моменту разбора дела уже бездомная, дети пристались у соседей, их надо как-то поставить на ноги. И нарсуд обычно механически делит перечисленное в подворной описи имущество на число едоков, присуждая обоим сторонам соответствующее количество долей... Такой порядок не приводит к практическим результатам в трактуемом нами случае... Дело в том, что редкая женщина может одна поддерживать двор на прежней высоте... Женщина с детьми в большинстве перестает самостоятельно обрабатывать землю, сдает ее в аренду исполку или делается сама батрачкой».

В результате такого разрешения вопроса центр тяжести переносится на детей, на их воспитание, а значит и на сохранение за ними членства в том или ином трудовом дворе. Тов. Якубович предлагает в отношении детей твердо установить положение:

«дети юридически ни одной минуты вплоть до совершеннолетия не остаются вне трудового двора. До тех пор, пока отделенная женщина не создала устойчивого хозяйства, ее детям выгоднее продолжать числиться членами отцовского двора. Нарсудам, руководствуясь хозяйственными соображениями, правильнее отказывать в выделе детской доли и тем оставлять за ними членство в более устойчивом дворе. В то же время практически целесообразно увеличить алименты за счет их долей, находящихся в пользовании отца. На основании циркуляра НКЮ и НКЗ № 159 от 28 июля 1923 г. высказание может быть в таких случаях обращено на имущество всего двора. Когда же женщина вновь приобретет устойчивый двор путем личного труда или вторичного замужества, она может потребовать выдела детских долей. После этого соответственно ее материальному положению уменьшится и размер алиментов. Дети примут членство в новом стойком дворе. Если женщине не удастся создать такого положения, то дети по достижении 18 лет самостоятельно начнут выделяться из отцовского двора, создавая свои».

Мена усадебными участками.

Важным показателем исканий глухих мест нашей Республики служит отмечаемый здесь момент из деятельности юридического кружка в г. Ново-Ржеве Псковской г. В заседании кружка были поставлены на обсуждение вопросы: 1) Законна ли произведенная в 1922 г. мена крестьянами (в деревне) усадебными участками с находящимися на них строениями крестьянского типа, произведенная между собою двумя гражданами-домохозяевами деревни по письменному договору, засвидетельствованному ВИК'ом. 2) Если эта сделка была незаконна, то как должен в данном случае поступить народный суд при разрешении возбужденного теперь одной из сторон иска к другой стороне о возврате ему обратно как усадебного участка, так и находившихся на нем строений?

Вопросы эти были осложнены тем, что истец продал находившиеся на обремененном усадебном участке строения третьему лицу.

Мнения участников кружка разделились. Исходя из ст. 27 Зем. Код. и, след., незаконности этой мены, большинство отстаивало необходимость возвращения сторон в прежнее, до обмена положение. Меньшинство же было противного мнения. Интерес как раз и представляют те доводы, при помощи которых меньшинство отстаивало свою точку зрения.

Тов. Невзелингов эти доводы излагает так:

«1) Обмена земельными участками (а тем более усадебных) Зем. Код. не воспрещает на основании 27 ст. Зем. Код.: «покупка, продажа или запродажа, завещание или дарение, а также залог земли и совершенные в нарушение этого запрещения сделки считаются недействительными». Из этого видно, что в законе дан подробный исчерпывающий перечень недействительных сделок и распространительному толкованию приведенная статья казалась бы не подлежащей.

2) По этому вопросу не имеется и запретительных разъяснений высшей центральной власти (НКЗема, НКЮ или Верх. Суда).

3) Напротив того, в Зем. Код. содержится указание на возможность руководства при разрешении земельных дел приговорами общества и местными обычаями (ст.ст. 8, 35, 77 и 84), каковой закон, казалось бы, и мог бы быть применен в данном деле... как потому, что общество домохозяев той деревни не препятствовало и не препятствует обмену, так и вследствие того, что означенную сделку санкционировал волеисполком, авторитету которого стороны должны были верить тем более, что комитет учинил засвидетельствование на каком-либо основании и, по всем вероятностям, по обследовании дела и признании его целесообразным для обеих сторон по местным условиям и не приносящим никому вреда.

4) Если расторгнуть рассматриваемый договор, то одна из сторон, которой достанется ее прежний усадебный участок, но уже без построек, окажется в безвыходном положении за неимением жилища на том участке, и может оказаться (да наверное и окажется), что продавший постройки не сможет ныне возместить убытки, причиненные другой стороне».

Конечно, искания мест завершатся тем или иным решением суда, в котором в первую очередь будут учтены все скрытые особенности данного случая, однако, вопрос заслуживает специального разъяснения центральных органов юстиции.

Отчуждение строений городских землепользователей.

Тов. Гололобов (г. Сердобск Саратов. губ.) сообщает, что некоторые нарсуды применяют ст. 81 Зем. Код. к постройкам, находящимся в черте города и принадлежащим горожанину, занимающемуся земледелием на земле отведенной вне города, и допускают расторжение всякого рода сделок по отчуждению строений, беря в основу ст. 67 Зем. Код., охраняющую права всех членов двора.

«Действительно вполне возможно, что городской земледелец ничем не отличается от сельского земледельца. Он также всем составом своей семьи обрабатывает землю, отведенную ему по числу едоков, точно также весь инвентарь и постройки служат удовлетворению потребностей его сельского хозяйства».

Между тем, основываясь на ст. 147 Зем. Код. и циркуляре НКЮ № 17 от 12 янв. 1925 г., нотариат не вправе отказать собственнику городских построек, занимающемуся хлебопашеством, в совершении сделки по отчуждению этих строений,

«...хотя это отчуждение, совершенное по желанию одного члена трудового хозяйства, числящегося собственником строений, разрушит это хозяйство, оставив всех остальных членов вне защиты со стороны закона».

В результате коллизия: на стороне нотариата формальное право, на стороне нарсуда, защищающего других членов «земельного двора в городе», моральное право. Необходимо принципиальное разрешение вопроса.

Из деятельности Наркомюста.

В коллегии НКЮ.

Плановая работа НКЮ.

Коллегией НКЮ признано необходимым установление плана работ НКЮ. План должен быть построен по линиям:

1) Организационной, ставящей себе задачей: а) учет сети органов НКЮ (следствия, суда и прокуратуры), действующих на территории РСФСР на 1/I—26 г.; б) выяснение сети органов НКЮ, требующейся для удовлетворения потребностей населения; в) учет необходимости подготовки работников НКЮ и усовершенствования соответствующим радио подготовленных работников органов НКЮ.

В качестве задачи поставить осуществление нормального ритма органов юстиции в 3 года с учетом соответствующих материальных потребностей.

2) Календарного планирования работы НКЮ по отделам на один год. Содержание его составляют: по линии прокуратуры: а) проверка расширенной сети прокураторов согласно принятого СНК постановления, б) проверка работы прокуратуры в низовом советском аппарате, в) проверка ознакомления населения с законами; по судебной линии: а) проверка работы мест в отношении расширения сети, б) переработка на основе опыта положения об областных и краевых судах, в) проверка работы мест по подготовке нар-судей.

3) Календарного планирования работ отделов НКЮ (Прокуратуры, Судебного Управления, Законодат. Предп. и Кодиф.) и Верховта, разработанного на ближайший квартал, с выделением тех вопросов, которые являются первоочередными в этой работе, и указания практических мероприятий для проведения их.

Проект реорганизации прокуратуры.

Обсудив вопрос о возможной реорганизации прокуратуры, Коллегия НКЮ признала необходимым создание общесоюзной прокуратуры с функциями надзора по линиям: а) общего надзора в пределах общесоюзного законодательства и

б) конституционного надзора с прямым подчинением в этих областях прокуроров республик общесоюзному прокурору. По линии республик должен сохраниться существующий порядок подчиненности и связи с наркоматами юстиции.

О краевых судах.

Коллегия НКЮ заслушала доклад т. Бродобургского о Северо-Кавказском краевом съезде судебных работников и утвердила постановление президиума С.-Кавказского краевого суда о возложении обязанностей уполномоченных край-суда в тех округах, где имеются постоянные сессии край-суда, на председателей последних, а в остальных округах на членов этих сессий. Одновременно решено в ближайшем заседании Коллегии обсудить вопрос о структуре суда и прокуратуры в районированных областях.

Мероприятия по «Еж. Сов. Юстиции».

Коллегия НКЮ признала необходимым помещение в «Е. С. Ю.» статей, интересующих широкую массу судебных работников, по вопросам, выдвигаемым практикой, в связи с чем вменила в обязанность членам коллегии и активным работникам НКЮ активно сотрудничать в «Еж. Сов. Юстиции».

Редакционной Коллегии «Еж. Сов. Юстиция» поручено выработать перечень вопросов и тем, на которые должны быть помещаемы статьи в ближайшее время, и разработать методы усиления связи «Еж. Сов. Юстиция» с метами и получения с мест соответствующих материалов.

Факультет советского права в Ленинграде.

Коллегия НКЮ высказалась за открытие факультета советского права в Ленинградском университете.

В оргбюро НКЮ.

Приступая к краткому обзору работы Оргбюро НКЮ за период времени с августа по ноябрь 1925 г., необходимо отметить, что эта работа, непосредственно связанная с предыдущей и продолжающая ее в области рационализации делопроизводства как по Наркомюсту, так и периферии, приобретает в то же время новые особенности: от реформы делопроизводства, характерной для работы в первый период существования Оргбюро, последнее направляет свое главное внимание на глубокую рационализацию аппарата:

Ставя одной из основных своих задач введение определенной системы в оперативную работу Наркомата и придавая этой работе планового начала в соответствии с выполняемыми каждым из отделов функциями и имея в виду, что разрешение указанной задачи приводит прежде всего к необходимости установления внутреннего распорядка в отделах в целях: а) поднятия производительности труда и б) учета работы как отдельного сотрудника, так отдела и подотдела в целом, Оргбюро в сентябре месяце текущего года обратилось к заведующим отделами с предложением высказать по этому поводу свои соображения.

В этих же целях Оргбюро в виде опыта стало проводить у себя, в общем отделе и в финансовом п/отделе следующие мероприятия. Каждой части Наркомата предложено регламентировать внутренний распорядок, распределение времени для докладов и исполнения сотрудниками текущей работы и отдельных заданий. Предложено также во что бы то ни стало изжить неорганизованные хождение и суетливость, подчас беспечные, подрывающие производительность работы не только отдельных сотрудников, но и всей всегда части.

Проводя указанные мероприятия пока в виде опыта в трех частях Наркомата, Оргбюро наметило распространить таковые, по проверке и обследованию, на Наркомат в целом.

Следующем месяце, заслушав доклад представителя социально-культурной секции Госплана, в задачу коей входит планирование всего социально-культурного строительства и увязка последнего с общехозяйственными планами РСФСР, Оргбюро постановило связаться с Госпланом и дать работе по проведению планового начала дальнейшее развитие.

10 октября вопрос о плановом начале в работе Наркомата был поставлен Оргбюро на обсуждение Коллегии НКЮ. Последний признало, что вопрос о плановой работе достаточно назрел и что таковая должна выразиться прежде всего в построении ориентировочного плана развития сети судебных учреждений в целях обеспечения населения судебной помощью. Коллегией намечены основные элементы плана и методы работы.

Равным образом, Коллегией признано необходимым внести плановое начало и в работу центрального аппарата.

В связи с принятым Коллегией НКЮ постановлением, Оргбюро, учитывая значение инструкторско-ревизионного аппарата в деле проведения на местах линии Наркомата, произвело изучение работы п/отд. общего управления Отдела Прокуратуры и выдвинуло вопрос о формах и методах работы инструкторско-ревизионного аппарата последнего, преследуя целью: ускорение и техническое упрощение обренизования, углубление самой работы по изучению постановки дела и всего материала и перенесение центра внимания ревизии на инструктирование аппарата.

По заданию социально-культурной секции Госплана, Оргбюро разработало перспективный план разверстки специалистов для учреждений НКЮ на ближайшее пятилетие.

Другой основной задачей, стоящей в плане работ Оргбюро, является проведение реформы делопроизводства по всей периферии. Исходя из опыта постановок делопроизводства по новой системе, произведенных в ряде показательных пунктов (Москва, Ленинград, Тверь, Нижний-Новгород, Ростов на Дону), Оргбюро при деятельном участии УГО НК РК РСФСР предприняло в этой области следующие шаги: циркуляром от 14 октября № 205 предложено ввести карточную систему делопроизводства с 1 января 1926 г. во всех судебных учреждениях РСФСР, состоящих на госбюджете. В целях экономии средств при изготовлении карточек и оборудования Оргбюро приняло на себя снабжение судов учреждений таковыми в размерах годовой потребности.

Установлены три очереди снабжения в зависимости от дальности расстояния. Окончательным сроком снабжения карточками губернских (областных и краевых) органов назначено 20 ноября с. г.

В настоящее время заказ карточек частично уже выполнен и последние отправляются по назначению согласно составленной Оргбюро расчетной смете.

Снабжение оборудованием будет происходить в течение ноября, декабря 1925 г. и января 1926 г.

Что касается введения карточной системы в низовых судебных органах, то таковое находится в прямой связи с возможностью выделения из местных средств необходимых для этой цели сумм.

Снабжение карточками и оборудованием этих органов предложено с 15 января 1926 г. Поэтому для проведения карточной системы с 1 января 1926 года губсудам (областным и краевым) предложено выделить (из расчета, примерно, двухмесячной потребности) часть своего запаса кар-

точек низовым судебно-следственным органам, с таким расчетом времени рассылки на места, чтобы карточки были получены ими до начала нового года.

Централизованное снабжение карточками и оборудованием предполагает захватить также и судебные органы автономных республик при изъятии с их стороны на то согласия и присылки в Оргбюро соответствующих денежных средств.

Одновременно с высылкой карточек Оргбюро будут разосланы подробные инструкции по их применению, разработанные Оргбюро при участии представителя УГО НК РК РСФСР.

Кроме работ, связанных с вопросом о плановых началах и вопросом введения карточной системы по периферии, Оргбюро за тот же период времени произвел ряд работ в области рационализации общего и специального делопроизводства. Не останавливаясь на всех, отметим некоторые из работ: 1) Разработана карточка по учету работы прокуроров, инструкторов, консультантов.

2. Разработана карточка по движению квартальных финансовых отчетов.

3. Разработана карточка по учету нагрузки курьеров.

4. Разработана карточка по дисциплинарному производству.

5. Разработаны положение, инструкция и номенклатура должностей по учету ответственных работников.

6. Разработана единая упрощенная статистическая ведомость по учету личного состава (для мест). Указанная ведомость заменяет ранее практиковавшиеся 9 ведомостей.

7. Разработано положение о машинописном бюро.

Положением, между прочим, в целях поднятия производительности труда машинисток устанавливаются кратковременные в течение дня, 5—10-минутные перерывы в работе машинисток. Предъявляются определенные требования при сдаче заказчиками бумаг для исполнения в машинописное бюро, напр., требование писать разборчиво и непременно чернилами и т. д.

В заключение необходимо упомянуть, что так как работа Оргбюро приняла формы и размеры, выходящие за пределы кабинетного характера, Оргбюро нашло необходимым создать инициативную группу (выделив ее из экономкомиссии), деятельное участие которой в дальнейшей рационализации работы аппарата обеспечивало бы наиболее быстрое и успешное осуществление этой работы. С этой целью Оргбюро, выработав тезисы по вопросу о роли местного и экономкомиссии в деле улучшения аппарата, вошло в тесную связь с профессиональными и партийными органами Наркомата, месткомом и ячейкой РКП(б). Уже проведено постановление о создании инициативной группы для оказания содействия в работе Оргбюро при проведении мероприятий по рационализации труда и управления в Наркомате.

Н. Карп.

Из деятельности Верх. Суда РСФСР. Определения гражд. касс. коллегии.

Определение по делу по иску ликвидационной комиссии «Ленинградкоопшвей» к Ленинградскому коммунальному банку о взыскании 2.500 р. по квитанциям на приобретенные в последней акции его.

В 1923 и 1924 г. «Ленинградкоопшвей» приобрел 100 акций Ленинградского коммунального банка по нарицательной стоимости в 100 руб. каждая, оплатив их частью наличными деньгами, частью путем перечисления сумм, находящихся на его специальном текущем счету в том же банке. В июле 24 года Ленинградкоопшвей объявлен несостоятельным должником и по его делам учреждена ликвидационная комиссия. 18 октября и 17 декабря 24 года комиссия предложила коммунальному банку, на основании ст. 16 устава банка, перечислить принадлежащие коопшвей 100 акций на счет трех госучреждений, кредитовавших последнего, а именно: 50 акций тресту «Обновленное волокно» и по 25 акций Ленинградтекстилю и Камвольному тресту. Банк отказался исполнить требование ликвидационной комиссии, заявив, что он удерживает эти акции в погашение задолженности Ленинградкоопшвей по специальному текущему счету в сумме 44.000 руб.

Считая отказ банка в перечислении акций незаконным, ликвидационная комиссия по делам Ленинградкоопшвей обратилась в Ленинградский губсуд с иском с заявлением, в коем, не отказываясь от остальных 75 акций, просила обязать Ленинградский коммунальный банк выдать ей 25 акций коммунального банка и переписать их на имя гостреста Ленинградтекстиль.

На судебном заседании ответчик, возражая против иска, сослался на правила по специальным текущим счетам, подписанные кооперативом при открытии ему текущего счета, в силу коих банк вправе в случае неуплаты долга по текущему счету обратить взыскание на все ценности заемщика, которые находятся в обладании банка. Далее ответчик указал на то, что акции, приобретенные коопшвей, не могут считаться оплаченными, так как оплата произведена денежными суммами самого банка путем бухгалтерского перевода этих сумм со специального текущего счета кооператива на счет основного капитала банка.

Рассмотрев дело 17 января 25 года, Ленинградский губсуд признал, что акции, приобретенные Ленинградкоопшвей, являются собственностью последнего, так как на основании ст. 66 ГК право на эти акции, как вещи индивидуально-определенные, приобретено кооперативом с момента заключения договора с банком, что правила, установленные коммунальным банком и подписанные кооперативом при открытии ему специального текущего счета, не имеют обязательной силы, так как они противоречат требованиям ст. 101 ГК и 266 ГПК, а посему обязал коммунальный банк выдать истцу 25 акций банка на нарицательную стоимость их в 2500 руб.

В кассационной жалобе, поданной Коммунальным банком, кассатор указывает на то, что действующее законодательство предоставляет сторонам право обеспечивать выполнение обязательств залогом всякого имущества, не изъятю из оборота; поэтому суд не имел оснований для признания неимеющими обязательной силы правил о специальном текущем счете, подписанных коопшвей при открытии ему текущего счета, согласно каковых правил банк имеет право преимущественного удовлетворения его претензий из ценностей, находящихся в его распоряжении. Вывод суда является тем более несостоятельным, что право на преимущественное удовлетворение

предоставлено коммунальному банку согласно § 29 устава банка.

Верховный Суд вынес по этому делу следующее определение:

Именем РСФСР, 1925 года, мая 29 дня, Верховный Суд по кассационной коллегии по гражданским делам в составе: председателя С. М. Прушицкого, членов: Ф. И. Прокофьева, Н. М. Иванова, в открытом судебном заседании слушал дело по иску ликвидационной комиссии «Ленинградкоопшвей» к Ленинградскому коммунальному банку о взыскании 2.500 руб. по квитанциям, по кассационной жалобе Ленинградского коммунального банка, на решение Ленинградского губсуда от 17 января 25 года, коим определено: «обязать Ленинградский коммунальный банк выдать ликвидационной комиссии по делам Ленинградского потребительского общества рабочих швейной промышленности двадцать пять акций коммунального банка на нарицательную стоимость их в две тысячи пятьсот рублей».

Издержки производства в сумме 250 руб. возложить на ответчика в пользу истца».

Рассмотрев кассационную жалобу, Г.К.К. находят, что губсуд неправильно стал на точку зрения, что правила, установленные коммунальным банком и подписанные коопшвей при открытии ему специального текущего счета, не могут считаться обязательными и имеющими силу: банк, открывая кредит коопшвей, вправе установить обеспечение всем имуществом коопшвей, находящимся у него. Что же касается порядка удовлетворения кредиторов, установленного ст. 101 ГК и 266 ГПК, то из решения не видно, чтобы порядок этот был нарушен, а предположение о том, что он мог быть нарушен, не делает еще указанного обстоятельство, подписанного коопшвей, недействительным, тем более, если иметь в виду § 29 устава банка, не допускающего никакого секвестра внесенного в банк обеспечения по открытым им кредитам. Большинство акций коопшвей оплачены средствами банка из текущего счета, открытого коопшвей, поэтому не устанавливая, что акции эти являются залогом у банка, но имея в виду основное социально-хозяйственное назначение ст. 345 ГК и § 19 устава банка, заключающееся в недопущении распыления основного капитала банка, нельзя сделать вывода, что банк не вправе в обеспечение полной оплаты основного капитала оставить у себя имущество неаккуратного пайщика, в чем бы оно ни состояло.

По изложенным соображениям, Г.К.К. определяет: решение Ленинградского губсуда от 17/1—25 года отменить и дело для нового рассмотрения передать в тот же губсуд в ином составе.

(Опр. по делу № 3.986 — 25 г.).

Определение по делу по иску гр. Гайн, Е., и бывшим опекунам над малолетними ее детьми о взыскании стоимости проданного имущества по вопросу о прекращении дела производством.

В 1918 году умер гр. селения Мирного, Армавирского округа П. Я. Фрицлер, после которого осталась жена и трое малолетних детей: Генрих, Амалия и Мария. Имущество умершего было продано с аукционного торга в январе 1919 года, и оставшиеся за уплатою долгов умершего деньги в сумме 3.765 рублей были переданы назначенным сел. Мирного опекунам малолетних сирот гражданам Г. Руппель и Г. Клиперт. В 1925 году сельсовет назначил опекунами над малолетними сиротами Фрицлер их мать Елизавету Фрицлер, по второму мужу, Гайн.

В 1925 года гр-ка Елизавета Гайн предъявила к бывшим опекунам малолетних Фрицлер, гражданам Руппель и Кляшперт, иск о передаче ей денег, принадлежащих сиротам Фрицлер, сумма коих исчислена в иске в 1.500 руб. золотом. Армавирская постоянная сессия Северо-Кавказского краевого суда, рассмотрев дело по этому иску 30/IV—1925 г. и обнаружив, что оно в порядке 245 ст. Кодекса законов об актах гражданского состояния еще не рассмотрено, дело производством прекратила. В частной жалобе, поданной в Верховный Суд на определение сессии о прекращении этого дела, поверенный истицы доказывает, что дело не подлежало прекращению, так как ответчики не являлись в действительности опекунами малолетних Фрицлер, а были просто хранителями имущества сирот, и что поэтому 245 ст. Кодекса законов об актах гражданского состояния применена судом правильно.

Г.К.К. Верховуда вынесла по этому делу такое определение:

Именем РСФСР, 1925 года, июля 13 дня, Верховный Суд по кассационной коллегии по гражданским делам в составе: председателя С. М. Прушицкого, членов: Л. А. Сарасова и Ф. И. Прокофьева, при прокуроре С. Н. Абрамове, в открытом судебном заседании слушал частную жалобу

гр. Гайн, Е., на определение Армавирской постоянной суд. кассационной сессии Северо-Кавказского краевого суда от 30/IV—1925 года по делу по иску жалобщицы, опекунии над малолетними своими детьми Г., А. и М. Фрицлер, к бывшим опекунам, Руппель, Г., и Кляшперт, Г., о взыскании стоимости проданного имущества, по вопросу о прекращении дела производством.

Рассмотрев настоящее дело, Г.К.К. находит, что сессия правильно истолковала 242 — 245 ст.ст. Код. зак. об актах гражданского состояния, по совокупному смыслу которых обращение в суд должно предшествовать постановлению Нар. Ком. Соц. Обеспечения по вопросу о неправильных действиях опекуна по управлению имуществом подопечного, почему частная жалоба гр. Гайн на неправильное прекращение настоящего дела, как нерассмотренного в порядке 245 ст. Код. зак. об актах гражд. состояния, уважения не заслуживает; вопрос о том, были ли ответчики опекунами, как вопрос факта, судом установленный и обстоятельства дела не противоречащий и впервые возбужденный в частной жалобе, рассмотрению Г.К.К. не подлежит, а потому Г.К.К. определяет: частную жалобу поверенного гр. Гайн оставить без последствий.

(Опр. по делу № 32394 — 25 г.).

ХРОНИКА

Продажа леса по соревнованию и с торгов.

НКЗемом утверждены основные положения об условиях продажи леса по соревнованию и с торгов (пр. № 182 от 31/VIII — 25 г. — «С.-Х. Жизнь» № 34 — 25 г.).

На основании положения каждый лесопокупатель, за которым будет утверждена покупка заторгованных им единиц на соревнованиях или торгах, обязан в месячный срок заключить с лесничими договор на объявленных на соревнованиях или торгах условиях и выбрать лесорубочные билеты. Этот месячный срок исчисляется или со дня производства соревнований или торгов, если покупка утверждается непосредственно лесными и местными торговыми комиссиями, производящими соревнования или торги, или со дня отсылки лесопокупателю извещения об утверждении покупки, если таковое утверждение произведено последующими инстанциями в порядке правил о своевременной подготовке лесосек к отпуску и о производстве продажи леса по соревнованиям и с торгов.

Госпокупатели, как состоящие на государственном или местном бюджете, так и выделенные на хозяйственный расчет, и организации кооперации лесной и по переработке дерева, объединенной в кооперативные общереспубликанские центры по покупкам, сделанным на соревнованиях, уплачивают попенщину в установленные законодательным порядком сроки.

Для всех лесопокупателей, сделавших покупки с торгов или после торгов из числа непроданных на торгах единиц, сроки платежей попенщины устанавливаются следующие: при выдаче лесорубочного билета — 20% стоимости проданного леса; остальная сумма вносится до начала вывозки леса. Для леса, вывозимого на сплав, окончательная уплата может быть отсрочиваема не далее вскрытия реки в данной местности.

При покупке лесопокупателями и кооперативными организациями, объединенными в общереспубликанские центры, причитающихся платежей за покупки, произведенные на соревнованиях и торгах или после торгов в установленные сроки, местные лесные органы принимают меры по

взысканию этих платежей, предусмотренные ст. 24 инструкции ЭКОСО РСФСР от 21 июля 1924 г. («С.-Х. Жизнь» 1924 г. № 37), при чем на просроченные платежи начисляется установленная пеня.

В обеспечение очистки мест лесозаготовок лесопокупатели вносят очистной залог в размере 10% покупной стоимости леса: госпокупатели и кооперация, объединенная в общереспубликанские центры, — к 15 марта первого операционного года; все остальные лесопокупатели — при взятии лесорубочного билета.

Помимо попенной стоимости, лесопокупатель обязан уплачивать сбор с отпускаемой из лесных дач древесины (п. «в» ст. 40 врем. пол. о местных финансах) и всякие другие налоги и сборы, взимание коих будет возложено на лесничих. Все расходы по заключению договора на покупку леса относятся на счет лесопокупателей.

Проданные, но не срубленные деревья, а также заготовленные, но не вывезенные лесные материалы к установленному договором или разрешенному в установленном порядке отсрочкой сроку поступают в распоряжение лесного ведомства, при чем уплаченные деньги не возвращаются, а недоплаченные суммы против покупной стоимости купленных единиц взыскиваются в установленном порядке.

Неустойка и пеня по договорам аренды госземимущества.

НКЗемом установлен и в настоящее время действует излагаемый ниже порядок исчисления и взыскания пени и неустойки по договорам об отдаче в арендное пользование государственных земельных имуществ (инстр. от 21/V — 25 г. № 290/65—33).

Пени за просрочку арендных платежей должна быть обусловлена в самом договоре на сдачу госземимущества в арендное пользование. Если пеня не предусмотрена договором, то земуправление может взыскивать с арендатора только убытки, причиненные невнесом в срок арендных платежей (ст.ст. 116, 117, 121 Гр. Код.).

Размер пени должен быть точно установлен в самом договоре, при чем должен быть определен от 1½ до 3% в месяц с недоплаченной суммы.

При определении градации размера пени необходимо учесть, с одной стороны, то хозяйственное состояние, в котором находится передаваемое в арендное пользование имущество, и связанные с этим затраты и, с другой стороны, тот ущерб, которым будет нанесен государству невнесом в срок арендной платы.

Время, с которого начинается исчисление пени, подлежит определению договаривающихся сторон в том смысле, что арендатору может быть предоставлено несколько льготных дней на взнос платежа или же начисление пени производится со дня просрочки платежа.

Это условие, как и сроки основных платежей, должны быть определены в договоре.

Взыскание пени производится в бесспорном порядке (декрет СНК СССР от 25/IX—23 г. — «С. У.» № 101, ст. 1008), при чем пеня может быть удерживаема из суммы залога, установленного договором и вносимого арендатором в обеспечение исполнения договора. В случае вычета из суммы залога недоимки по арендной плате и пени залог должен быть пополнен арендатором в указанный земуправлением срок.

Неустойка и ее размеры также должны быть обусловлены в договоре. Размер неустойки должен быть установлен с соблюдением ст.ст. 141, 147, и 33 Гр. Код. Неустойка устанавливается в целях гарантии исполнения договора. Взыскание неустойки за просрочку арендных платежей не может быть обусловлено в договоре, так как своевременность взносов арендной платы обеспечивается пеней, и поэтому одновременно взыскание и пени и неустойки в одних и тех же целях за просрочку арендной платы не допускаются.

Порядок сдачи трудовых земель в аренду.

Условия и порядок сдачи трудовых земель в аренду регулируются в настоящее время правилами НКЗема от 21/V — 25 г. (№ 292/67—33 — «С.-Х. Ж.» № 19).

Сдача земли в аренду трудовыми хозяйствами должна допускаться бесприпятственно во всех случаях, кроме: а) прекращения двором ведения самостоятельного хозяйства полностью и б) утраты двором трудового строя, т.-е. когда все наличные трудоспособные члены хозяйства не принимают непосредственного участия в работе по дальнейшему ведению хозяйства (ст. 19, 18 п. «б» 28 и 40 Зем. Код.). В этих случаях земля таких дворов не может быть ими самими сдаваема в аренду, а должна поступить либо в распоряжение земельного общества, либо земельных органов, в зависимости от того, осуществляется ли таким двором право на землепользование в составе земельного общества или отдельно без вхождения в земельное общество (ст. 10 Зем. Код.).

В соответствии с указанием ст. 30 Зем. Код. сдача земли в аренду может допускаться для участков, на которых ведется многопольное хозяйство при севооборотах не ниже шестипольного, на срок до двух севооборотов, а для остальных участков, на которых не ведется многопольных севооборотов или отсутствует правильный севооборот, — на срок до 12 лет.

Аренда земли должна допускаться исключительно трудовой, т.-е. по договору аренды можно взять в пользование землю при условии обработки ее силами своего хозяйства с допущением применения наемного труда на основаниях, установленных в декрете Совнаркома от 18/IV с. г. («Изв. ЦИК» 1925 г. № 90), и сохранения арендующим хозяйством трудового строя (т.-е. участия в работе хозяйства его трудоспособных членов наравне с наемными работниками ст.ст. 31 и 40 Зем. Код.).

Категорически воспрещается передача арендуемой земли в субаренду, в какой бы форме это ни выражалось. Земель-

ным органам, а равно волисполкомам, сельсоветам и земельным обществам предлагается повести решительную борьбу с использованием земли в качестве субаренды, как с преступной спекуляцией национализированной землей, и вменяется в обязанность применять к лицам, не соблюдающим этого требования (как сдающим в субаренду, так и берущим), лишение права пользования землей на срок до одного севооборота согласно ст. 60 Зем. Код. и, кроме того, привлекать их к уголовной ответственности по ст. 136 Уг. Код., как за нарушение государственной монополии.

В отношении других условий аренды, а именно оформления сделок, добросовестности пользования, расторжения договоров и его последствий, контроля земкомиссий и т. п. должны в точности соблюдаться указания разделов 2 и 3 части 1 Зем. Код. В частности, на сдачу аренды участков, на которых не ведется многопольных севооборотов или вовсе отсутствует правильный севооборот на срок свыше 6 лет и до 12 требуется согласие уездного земельного органа. В целях ускорения прохождения этого рода дел разрешается волисполкомом допускать такого рода аренды без предварительного разрешения уездного земельного органа, но с обязательным последующим его уведомлением, при чем за уездным земельным органом сохраняется право расторжения договора об аренде, если его условия противоречат действующим на этот предмет законам и другим распоряжениям.

Проекты законов о договоре морской перевозки и об ответственности владельцев судов.

На рассмотрении законодательных органов сейчас находятся проекты законов о морской перевозке грузов и пассажиров и об ответственности владельцев морских торговых судов.

Первый из них определяет содержание договора морской перевозки и права и обязанности сторон. По договору морской перевозки грузов одна сторона (фрахтовщик) обязывается перевести на судне в определенный пункт за вознаграждение (фрахт) принятый от другой стороны (фрахтователя, отправителя) к перевозке груз. Если для перевозки предоставляется все судно или часть его, то договор морской перевозки именуется чартерпартией.

Фрахтовщик обязан предоставлять судно во всех отношениях пригодное для данной перевозки и несет ответственность за невыполнение им этого обязательства. Отправитель обязан возместить фрахтовщику вред и убыток, происшедшие вследствие неточности или неправильности в поданном объявлении.

При приеме груза отправителю выдается коноссамент, определяющий правоотношения между фрахтовщиком и получателем груза. После выдачи коносамента право распоряжения грузом принадлежит держателю коносамента. Груз легковоспламеняющийся или вообще опасный, на погрузку которого фрахтовщик не дал бы согласия, может быть выгружен в любом пункте, уничтожен или обезврежен без вознаграждения отправителя, несущего ответственность за издержки и убытки.

Зафрахтовавший все судно фрахтователь вправе до начала рейса отказаться от договора, уплатив половину фрахта, а также вознаграждение за простой и прочие нерасходованные фрахтовщиком суммы. Фрахтовщик вправе не выдавать груза получателю до уплаты фрахта и других по договору платежей. Он не отвечает за утрату и повреждение груза в случаях, указанных в самом договоре перевозки (в случаях непреодолимой силы или таких обстоятельств, которые не могли быть устранены его поведением).

Фрахт не взимается за груз, погибший вследствие несчастного случая или захваченный как законный приз.

Фрахт уплачивается полностью, если груз погиб или был поврежден вследствие его свойств или по вине отправителя.

При перевозке пассажиров доказательством договора перевозки служит выдаваемый пассажиру билет, который он вправе возратить до отхода судна и получить обратно полную сумму. Судовладелец отвечает за причинение пассажиру смерти или повреждения здоровья, если не докажет, что вред произошел от действия непреодолимой силы, от умысла или неосторожности потерпевшего. Ответственность судовладельца за багаж определяется на основании правил об ответственности за утрату и порчу груза.

Проект второго закона об ответственности владельцев морских торговых судов предусматривает ответственность лишь судом (или суммой не свыше стоимости его) и фрахтом в целом ряде указанных законом случаев. Ограничение пределов ответственности не распространяется на требования, вытекающие из договора найма лиц судового экипажа, из распоряжений и действий самого судовладельца и т. п. По этим требованиям судовладелец отвечает всем своим имуществом.

Порядок заключения мировых сделок правлениями железных дорог.

НКПС установил правила заключения правлениями жел. дор. мировых сделок и соглашений по спорным имущественным отношениям (№ 7658 Анн.—«В.П.С. № 814 от 10 сентября 1925 г.).

Предметом заключаемых на основании этих правил правлениями железных дорог самостоятельно мировых сделок и соглашений могут служить лишь денежные суммы или такие виды государственного имущества, которые находятся в свободном распоряжении в правлении железных дорог.

На имущественные объекты, входящие в состав основного капитала жел. дор., и на предметы, не подлежащие отчуждению или залогоу (ст. 22 Гражд. Кодекса), право правления жел. дор. самостоятельно, без предварительного разрешения центра заключать мировые сделки и соглашения не распространяется. В первом случае по делам, находящимся на рассмотрении судебных учреждений или арбитражных комиссий, мировые сделки заключаются правлением жел. дор. на всякую сумму, но не иначе, как при условии соблюдения предусматриваемого правилами порядка.

Во втором случае мировые сделки заключаются обязательно судебным порядком (ст. 210 ВПК), при чем вне судебного присутствия соглашения об окончании миром дел, производящихся в судебном порядке, могут быть заключены только под условием последующего утверждения их подлежащим судом или арбитражной комиссией, которым они представляются в подлинниках для оценки с точки зрения соответствия государственным интересам.

Мировые сделки по делам, еще не поступившим на рассмотрение судебных учреждений или арбитражных комиссий, заключаются правлениями железных дорог самостоятельно, если эти соглашения по их сумме обеспечены предоставленными дорогам по их смете кредитами в части, касающейся предмета договора, во всех остальных случаях представляются на утверждение центральных учреждений НКПС.

Борьба со спекулятивными сделками.

НКВнуторг СССР для борьбы со спекуляцией наметил ряд предварительных мероприятий.

Для уточнения понятия о «спекулятивной сделке» бу-

дут выработаны и сообщены всем биржам размеры предельных накидок при сделках. Решено усилить контроль за работой кооперативных и государственных организаций со стороны торговых инспекций, организовать общественный контроль. Госорганизации при заключении договоров с контрагентами на продажу товаров должны включать в договоры твердые указания о том, куда и какие товары должны пойти. При невыполнении этого пункта договора контрагенты будут привлекаться к уголовной ответственности. В виду того, что банки заключают комиссионные сделки, но в договорах обычно не указывают размеров комиссионного вознаграждения, призвано необходимым просить Наркомфин издать специальное разъяснение о том, что при взимании уравнительного сбора подобные сделки не будут рассматриваться как комиссионные.

Изменение имен в связи с «октябринами».

НКВД разъяснил местам (ц. № 365 от 30/VI—25 г.—«Бюлл. НКВД» № 28—25 г.), что все записи, записанные как в старые метрические, так и новые регистрационные (актовые) книги, могут быть исправлены по предписанию нарсуда в порядке 15 ст. Код. зак. об актах гражданского состояния. Все ошибки в записях, основанные на недосмотре или погрешности должностных лиц и не имеющие правового характера, могут быть исправлены по предписанию вышестоящего органа надзора (губ. и уезн. орган. ЗАГС) в порядке ст. 16 Код. зак. об актах гражданского состояния.

В тех случаях, когда в органы ЗАГС поступают заявления от родителей о перемене имени их ребенку, уже зарегистрированному в соответствующем органе ЗАГС, на новое имя, данное ребенку на «октябринах», органы ЗАГС могут производить указанные исправления имени при условии представления родителями постановлений рабочих и общественных организаций, в которых были совершены «октябрины», и подписки родителей об их желании переменить имя ребенку.

Исправления эти производятся органами ЗАГС при условии, что со времени рождения ребенка прошло не более трех лет.

Дисциплинарные взыскания на бежавших заключенных.

Главное Управление местами заключения РСФСР разъяснило (ц. НКВД № 423 от 5/VIII—25 г.—«Бюлл. НКВД» № 31), что по ст.ст. 212—214 Исправ. Труд. Код. в числе дисциплинарных взысканий, которые могут быть наложены на бежавших заключенных, недопустимо увеличение фактического срока лишения свободы путем незачета времени, проведенного ими в заключении до побега.

Статьи 212 — 214 на основании ст. 2 УПК имеют обратную силу.

Распределительным комиссиям в связи с этим предложено восстановить законные сроки по тем делам о побеге, где эти сроки фактически были увеличены, и в случае надобности прибегать к дисциплинарным взысканиям, предусмотренным ст. 145 И. Т. К.

Местный налог со сделок на неопределенную сумму, регистрируемых на бирже.

НКФ СССР разъяснил (ц. № 974 от 26/VIII — 25 г.—«В. Ф.» № 85), что при неопределенности суммы сделки в момент ее регистрации на бирже, т.-е. при регистрации сделок без обозначения суммы, местный налог должен быть взимается одновременно с биржевым регистрационным сбором, по мере выявления полной или частичной суммы сделки. Обязанность наблюдения за своевременным и пол-

ным поступлением сумм местного налога с упомянутых сделок в тех случаях, когда взимание местного налога возложено на биржевые комитеты, лежит исключительно на биржевых органах.

Рента с владений, сдаваемых в аренду.

В виду того, что Комиссия Законов. Предпол. при СНК СССР признала, что ст.ст. 8 и 9 правил взимания ренты с земель городских и предоставленных транспорту устанавливают вполне определенный порядок взимания ренты в составе арендной платы, НКФин СССР постановил (п. № 871 от 17/VII — 25 г. — «В. Ф.» № 78 — 25 г.) отменить свой циркуляр от 4/XII — 24 г. № 206, раз'ясняющий, что при заключении новых арендных договоров допускается включение в договоры особого условия, предусматривающего обязанность арендатора уплачивать следующую с арендованного им владения ренту независимо от взноса обусловленной по договору арендной платы.

Место зачисления сумм, вырученных от реализации конфискованного за нарушение акцизных правил имущества.

НКФин СССР раз'яснил (№ 831 от 26/VI 1925 г. — «В. Фин.» № 76), что суммы, вырученные от реализации имущества и предметов и орудий производства, конфискованных за нарушение акцизных правил, должны зачисляться по ст. 2 § 27 смет НКЮ той союзной республики, на основании постановления органов которой была произведена конфискация, или же сметы Верх. Суда Союза ССР, если конфискация произведена на основании постановлений органов Верховного Суда СССР.

Если из этих сумм должны быть произведены удержания на удовлетворение каких-либо государственных платежей (акцизы, штрафы, вознаграждение открывателям и т. п.), то они выделяются из сумм, вырученных от реализации конфискованных имуществ, в первую очередь и разносятся по соответствующим статьям или счетам (акцизы и штрафы по §§ 6—16, вознаграждение открывателям — в депозиты губфинотделов), а по ст. 2, § 27, проводятся лишь суммы, оставшиеся за вычетом названных удержаний.

Оплата гербовым сбором комиссионных счетов.

НКФ СССР раз'яснил (раз. № 910 от 30 июля 1925 г. — «В. Фин.» № 80), что счет, хотя бы он и был назван комиссионным, подлежит оплате гербовым сбором по полной сумме при отсутствии доказательств того, что он подан по исполнению комиссионной сделки, когда, следовательно, за сделкой, называемой комиссионной, в действительности может скрываться сделка купли-продажи или поставки. Когда же счет выдается во исполнение письменного поручения или хотя бы и поручения словесного, но комиссионер представляет оправдательные документы по совершенным им за счет комитента сделкам (напр., счета на купленные товары, грузовые документы и проч.), словом,

когда с несомненностью установлено, что из сумм, указанных в счете, только часть, как комиссия, поступает в собственность комиссионера, остальные же полностью причитаются другим лицам, счет подлежит оплате пропорциональным гербовым сбором лишь по сумме комиссионного вознаграждения, и требовать оплаты его по общей сумме нет оснований.

Освобождение от гербового сбора.

НКФин СССР постановил освободить от гербового сбора подаваемые в судебные учреждения заявления о внесении сумм в депозит, если вносимая сумма не превышает 25 р. (Пост. от 12/VI — 1925 г. № 871 — «В. Ф.» № 75).

НКФин СССР освободил от гербового сбора все документы (ходатайства, заявления, обязательства, удостоверения, билеты и т. п.) по бесплатному и льготному отпуску леса трудовому населению, проживающему в сельских местностях, а также по представлению ему бесплатно или льготно пользования побочными лесными материалами (лишом, валежником, хворостом и т. п. и сбора в лесах грибов, ягод и т. п.). (Пост. от 23/VI — 1925 г. № 95).

Раз'яснения по сельхозналогу.

НКФ РСФСР даны следующие раз'яснения по сельхозналогу:

Работники мест заключения, на которых распространяется устав службы в местах заключений, пользуются льготами по сельхозналогу, установленными для семей красноармейцев (раз. от 9/X — 25 г. № 38).

В случае, если имеющийся в хозяйствах работников леса земельный надел, предусмотренный пунктом «б» § 29 инструкции от 6 июня с. г., превышает 5 десятин пахотно-сенокосной земли, излишек облагается сельхозналогом на общих основаниях. Размер площади, указанный в пункте «б» § 29 инструкции, следует понимать после пересчета всей облагаемой земли в пашню.

Если работники леса надел, указанный в п. «б» § 29, полностью или частично сдают в аренду, то часть надела, сдаваемая в аренду, подлежит обложению сельхозналогом на общих основаниях.

Если урожай хлебов и трав на наделах работников леса освобожденных от сельхозналога, продается на корню, то они пользуются льготой на общих основаниях (раз. от 5/X — 25 г. № 401508).

Пустующие земли, поросшие травой и сдаваемые сельсоветами местному населению под укос, следует рассматривать как арендованный населением сенокос и облагать их сельхозналогом на общих основаниях (раз. от 7/X — 25 г. № 401122).

По автономным областям.

1-й КАЛМЫЦКИЙ ОБЛАСТНОЙ СЪЕЗД РАБОТНИКОВ ЮСТИЦИИ.

Только летом 1925 года работникам юстиции Калмыцкой области удалось впервые съехаться, чтобы подвести итоги своей деятельности и наметить план дальнейшей работы. Съехавшиеся из самых отдаленных участков Калмыцкой области нарсуды, нарсуды и помпрокуроры приняли активное участие в обсуждении вопросов повестки дня. Время созыва съезда удачно совпало с созванным совещанием начальников умилиции, которые присутствовали на всех заседаниях съезда и принимали участие в обсуждении вопросов деятельности органов дознания и взаимоотношений их с судебно-следственными органами и прокурорским надзором.

Во всей работе съезда, во всех выступлениях отдельных товарищей красной нитью прошли вопросы укрепления революционной законности в улусах и в аймаках, внедрения основ советского права в сознание массы.

По вопросам о деятельности облсуда, нарсудов и органов следствия съезд главное внимание уделил обсуждению возможностей приближения их к трудящимся массам и отметил необходимость: 1) перенесения слушания и разбор дела в аймаки, 2) увеличения сети нарсудов и улучшения их материального положения, 3) увеличения снабжения юридической литературой в целях поднятия качественной стороны их работы, 4) необходимость еще более тесной связи облсуда с низовыми органами путем инструктирования через ревизора и членов суда, 5) освящения деятельности судебно-следственного аппарата на беспартийных улусных и аймачных собраниях путем выступле-

ний на них с отчетами, путем использования для этой цели газеты «Улаан-Хальмг» и местных степных газет и т. д. Помимо обсуждения этих принципиальных вопросов, работники с мест делились всеми своими сомнениями и затруднениями при применении и толковании отдельных статей закона.

Особенно горячие прения развернулись вокруг вопроса о применении действующих кодексов в условиях Калмыцкой области, где съезд признал необходимость дополнения Уголовного Кодекса рядом статей по преступлениям бытового характера, как получение выкупа за невесту, в случаях убийства и грабежей, принуждения женщин к браку, вербовка и содержание при калмыцких монастырях послушников из детей малолетних и несовершеннолетних. Подверглись обсуждению также вопросы о принципах нашей судебно-исправительной политики и применения ее в Калмыцкой области и деятельности коллегии защитников. По первому вопросу докладчик, осветив принципы нашей судебно-исправительной политики на ряде примеров из деятельности облсуда и нарсудов, отметил положительные и отрицательные моменты этой стороны их работы.

По докладу о деятельности коллегии защитников при облсуде съезд особенное внимание уделил вопросу о подготовке кадра работников на местах из местных работников путем использования различных краткосрочных курсов: по переподготовке учителей, секретарей сельских и т. д., видя в этом единственную возможность оказания в улусах и в аймаках юридической помощи населению.

Башкаев.

НА МЕСТАХ.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ГУБ.

В этой заметке мы коснемся вопроса об оказании юридической помощи в Ленинградской губернии, пользуясь данными отчета о деятельности Ленинградской губернской коллегии защитников с 15 марта 1923 г. по 1 апреля 1925 г. В этом отчете вопрос внедрения революционной законности через распространение идей и принципов советского законодательства очерчен весьма полно, поэтому мы и приводим ряд сведений из него.

«С самого начала организации коллегии защитников», говорит отчет, «президиум поставил одной из своих первых задач создание юридической помощи населению уездов. Все члены коллегии защитников, проживающие в уездах, были приглашены в Ленинград на совместное с президиумом заседание для информации о работе в уездах, для организации консультаций и для избрания в порядке призыва к ст. 10 положения о коллегии защитников уполномоченных из числа защитников, проживающих в каждом уезде. Тогда же выяснилось, что количество членов коллегии, проживающих в уездах, является недостаточным. Перед президиумом встал вопрос об увеличении комплекта в 300 человек на 50 для специального обслуживания губернии...».

«...Считая, что организация уездной защиты является одной из важнейших задач коллегии, президиум постановил немедленно выделить из своей среды недостающее

количество членов коллегии защитников для временного командирования их в уезды, согласно необходимой потребности по уездам. В случае же невозможности выполнения означенных командировок по добровольному желанию отдельных членов коллегии защитников президиум признал необходимым в согласии с постановлением общего собрания от 24 апреля 1923 г. командировать членов колл. защитников в уезды в порядке очереди и допускать освобождение в зависимости от индивидуальных условий, в которых находится тот или иной член коллегии (семейное положение, состояние здоровья и проч.)...».

«...К моменту организации правильной юридической консультационной помощи населению Ленинградской губернии Ленинградский уезд обслуживался 2 постоянно живущими членами коллегии: Троцкий—8, Лужский—2, Волховской—1, Кингисеппский—1, Гдовский—1, т. Кропштадт—1; всего 16 членами к. з.

К 1 апреля 1925 г. число членов коллегии, постоянно проживающих и прикрепленных к обслуживанию уездных консультаций, увеличилось более, чем на 100 %, и представляется в следующем виде: Ленинградский уезд постоянно обслуживают 7 членов коллегии защитников, Троцкий—14, Лужский—6, Волховской—3, Кингисеппский—1, Гдовский—1, Вытегорский—1, Лодейнополюский—2, гор. Кропштадт—1; всего 36 членов коллегии...».

«...Применительно к числу судов, их расположению в уезде и потребности населения в юридической помощи,

президиум коллегии полагал, что для обслуживания уездов необходимо наличие в уездах от 45 до 50 членов коллегии, в зависимости от чего согласно своему постановлению и постановлению общего собрания членов коллегии с 15 мая 1923 г. приступил к командировкам членов коллегии на срок не менее двух месяцев. Число командированных как видно из отчета, постепенно сокращается, что объясняется постепенным оседанием на местах членов коллегии и урегулированием сети пунктов и порядка командировок.

Во всех местах, где постоянно проживают и куда направляются временно члены коллегии, организованы при камерах уполномоченных губсуда или при нарсудах, или при исполкомах консультации, где и производится регулярный прием в определенные дни и часы.

В настоящее время в уездах функционируют 42 консультационных пункта».

По имеющимся у нас сведениям, каждая из работающих консультаций дает от 10 до 100 советов в месяц. По сведениям из цитированного отчета видно, что в городах имеется 18 консультационных пунктов, а в селах, местечках и деревнях—24.

«...Не ограничиваясь консультационной работой, члены коллегии привлекаются уполномоченными губсуда, нарсудами и местными организациями к культурно-просветительной работе среди населения. Лекции и беседы на темы юридического характера за последнее время осуществляются все шире и шире.

...Для ближайшего наблюдения за работой не только консультаций, но также и за общим положением и деятельностью членов коллегии в уездах существуют назначаемые президиумом уполномоченные или бюро. Такие бюро организованы в Ленинградском, Лужском и Троицком уездах, в остальных же уездных пунктах обязанности уполномоченных выполняют заведующие консультациями...».

«...Кроме введения правильной отчетности в целях систематического контроля и наблюдения за работой уездных консультаций, президиумом введены по образцу консультаций г. Ленинграда единообразные книги для записи советов. Каждая консультация имеет две такие книги с тем, чтобы одна из них периодически, по требованию консультационной комиссии, представлялась в президиум для контроля.

Контроль над консультациями осуществляется также путем выездов членов президиума на места для ознакомления с работой и выяснения мер к улучшению постановки юридической помощи...».

Мы видим, что в Ленинградской губернии по вопросу о приближении юридической помощи к массе, к крестьянству, сделано многое, и вот почему губсуд работников юстиции по докладу президиума коллегии «констатирует достижения и предлагает налаживать дальнейшую организационную связь коллегии с местами». Из предыдущих строк видно, что что-то сделано, что уже фиксируются известные достижения опыта и что известный опыт в этой работе есть. Быть-может, этот опыт послужит пособием для развертывания этой работы и в других местах Республики, и будут учтены его достоинства и его недостатки.

П.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЗАКОННОСТЬ В УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ.

На пути осуществления революционной законности, помимо общей юридической неграмотности населения, встречается еще и ряд других препятствий, главнейшими из которых являются: отсутствие законодательного материала в районных исполкомах и сельсоветах и недоста-

точное знакомство с советскими законами самого советского аппарата. На устранение этих препятствий прокуратурой было обращено серьезное внимание, и при поддержке областного и окружных исполнительных комитетов удалось достигнуть в этом отношении некоторых положительных результатов.

При ближайшем участии обласпрокуратуры обласполком издал для райисполкомов и сельсоветов сборник наиболее необходимых законов; некоторые окружные исполкомы снабдили РИК'и и сельсоветы сборниками кодексов, написали для сельсоветов и РИК'ов «Известия ЦИК С.С.С.Р.» и т. п.

В целях предупреждения возможных нарушений законов был установлен предварительный просмотр в прокуратуре всех обязательных постановлений, издаваемых окр. исполкомами, а в некоторых округах был введен предварительный просмотр тех же постановлений, издаваемых райисполкомами.

По докладу областной прокуратуры на II сессии обласполкома было вынесено постановление о сокращении административных репрессий в особенности.

В результате мы имеем не только сокращение количества административных репрессий, но и размера административных наказаний, например: за нарушение обязательных постановлений в первой четверти года всего наложено штрафов 107.954 руб., во второй четверти—30.567 руб. Размер штрафа в первой четверти в среднем на каждое дело равняется 9,9 руб., во второй четверти—5,7 руб.

Кроме этого, в округах были пересмотрены все обязательные постановления исполкомов в целях отмены незаконных и нецелесообразных.

Прокуратура в своей работе использовала разоблачения в печати, жалобы и заявления граждан, ревизионные и другие материалы, все протоколы и обязательные постановления областного, окружных и районных исполкомов и отчасти сельсоветов.

Всего было предпринято расследований по 2.791 газетным заметкам, из них подтвердилось 813, не подтвердилось 460, остальные находились к отчетному времени в расследовании.

По отдельным вопросам заметки распределяются так: о самочинных налогах и сборах, о расходах, о дискредитировании власти, волоките, нарушении законов о труде и проч.

Жалоб на действия административных органов прокуратурой рассмотрено 2.916, из них крестьянами подано 1.639, рабочими и служащими—788, учреждениями—136 и прочими—363.

Любопытно здесь отметить, что во втором квартале наблюдается понижение количества жалоб на аресты в административном порядке и на нарушение гражданских прав и увеличение жалоб на волокиту. Увеличилось также во втором квартале количество жалоб на медленное производство дел в судебных и следственных органах.

Количество протестов по сравнению с предыдущим годом значительно увеличилось. В прошлом году за весь год поступило 1.400 протестов, в нынешнем году за полгода принесено 1.321 протест. Все протесты, за единичным исключением, удовлетворены. В большинстве протесты приносились на действия районных исполкомов и сельсоветов.

Кроме просмотра жалоб, разоблачений в печати, протоколов и других материалов, прокуратура произвела массовое обследование советского аппарата в целях выявления незаконных действий на местах.

За полгода прокуратура обследовала 90 райисполкомов, 196 сельсоветов и 82 районных земельных комиссий.

Массовые обследования оказались весьма полезны. Они дали возможность прокуратуре провести большую разъяснительную работу среди работников низового советского аппарата.

В заключение следует остановиться на ближайших задачах по усилению работ, связанных с проведением революционной законности. Нам кажется, что прежде всего следует добиться во чтобы то ни стало, чтобы райы и сельсоветы были снабжены необходимым законодательным материалом. В выезды прокуратуры в деревню ввести плановое начало с тем, чтобы население знало заранее, когда придет прокурор, и имело возможность к этому времени подготовить все вопросы, которые связаны с деятельностью прокуратуры.

Следует также урегулировать вопрос о расследованиях по газетным заметкам в направлении устранения параллелизма в этой работе. До сих пор в практике нередки случаи, когда расследованием одной и той же газетной заметки занимается целый ряд учреждений.

Особенное внимание придется уделить установлению порядка подачи и рассмотрения жалоб: необходимо, чтобы население знало, куда с какой жалобой ему следует обратиться, и кроме того установить твердые сроки для рассмотрения поступающих в учреждения жалоб.

Огромная работа предстоит во время перевыборов советов. При перевыборах советов прокуратура должна добиться, чтобы нарушений законов о выборах совершенно не было, чтобы жалобы граждан рассматривались в сроки, установленные в законе.

Столь же важной задачей является работа прокуратуры по наблюдению за тем, чтобы льготы, предоставленные законом семьям красноармейцев и бедноте, выполнялись полностью и своевременно. К этой работе прокуратура должна подойти вплотную.

В. Попов.

РАБОТА СЛЕДСТВЕННОГО АППАРАТА В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБ.

При обследовании следственных участков Минусинского, Хакасского, Ачинского уездов и 3 уч. Красноярского уезда Енисейской губернии (другие участки Красноярского и Канского уездов не в лучших условиях) нам пришлось наблюдать безотрадную картину положения как самой работы в участках, так и тех условий, при которых она протекает.

Прежде всего поражает малочисленность след. участков по уездам и обширность территорий, которые обслуживает каждый участок. В то же время есть участки, в которых выезды приходится делать за 150—200 верст, и такие участки не исключение. При большом количестве поступлений (до 40 дел в месяц) следователю приходится чрезвычайно экономить время, а между тем самые поездки отнимают массу времени. Нехватает также на эти поездки и средств. Так по Красноярскому уезду на месяц отпускалось на раз'езды 10 р. 06 к.

В виду этого следователю часто приходится вызывать для допроса чуть ли не за 150 верст независимо от времени года, что, с одной стороны, вызывает нарекания со стороны крестьянства, отрываемого на продолжительное время от своих работ, с другой же стороны, вызываемые с дальнего расстояния часто не являются и дело затягивается.

Помимо этого следователи далеко не достаточно снабжены средствами и на канцелярские расходы. Так на канцелярские расходы по тому же Красноярскому уезду отпу-

скалось 3 р. 50 коп. в месяц. Поэтому многим следователям приходится чрезвычайно их экономить, зачастую посылая корреспонденцию «с оказией», что не всегда достигает цели. Это также отражается на быстроте ведения следствий. Неаккуратное же вручение сельсоветами повесток, несмотря на заблаговременную посылку их, также тормозило работу следователя.

При таком положении дела много большую помощь могли бы оказать органы дознания, каковыми в уездах являются преимущественно органы милиции. Но последние, однако, не удовлетворяют необходимым требованиям, и поэтому народным следователям в уездах почти невозможно пользоваться 109 ст. УПК.

При невозможности для следователя в большинстве случаев немедленно выехать на место происшествия (причины указаны выше) и при неподготовленности органов дознания часто бывают упущены такие моменты, когда дальнейшее производство следствия уже не может наверстать потерянного. В особенности это важно при убийствах, поджогах и т. п. Поэтому в следствиях часто наблюдается, что место не осмотрено, вещественные доказательства не собраны и не приобщены к делу, следы преступления не зафиксированы.

Преобладание в участках дел об убийствах, нанесении ран и побоев, а также дел об изнасиловании заставляет обращать внимание еще на судебно-медицинского эксперта, толкование которого в уездах оставляет желать еще многого. Судебно-медицинский эксперт в уезде один, да и тот далеко недостаточно снабжен средствами на передвижение. В этом отношении положение его мало чем отличается от положения параллельного.

Поэтому трупы приходится вскрывать иногда спустя долгое время после совершения преступления, что не может не отразиться вредно на вскрытии и заключении. Органам дознания поэтому приходится направлять потерпевших для освидетельствования или к участковым врачам, которые находятся не в каждом медицинском участке, или же чаще всего к фельдшерам леспунктов. Участковые же врачи и в особенности фельдшера, не зная требований судебной медицины, дают по большей части неполные и вообще неудовлетворительные заключения.

Все это, вместе взятое, не может не отразиться и на работе следователей и на качестве следствий. Это—объективные причины неудовлетворительной постановки следствия.

Многое зависит и от качественного состава следственного аппарата. Тут также приходится отметить слабость его. Многие параллельные не имеют никакой юридической подготовки, некоторые прослушали лишь годичные юридические курсы. Перегруженность же работой мешает им уделять время на пополнение своих знаний.

Кроме того, оплата труда параллельных очень низка (45 руб. в месяц) и нет надежды на увеличение ее. Эта ничтожность оплаты труда не дает возможности губсуду подобрать соответствующий состав следственного аппарата. Вследствие этого наблюдается также текучесть состава.

В результате количество дел в участках возрастает и доходит в некоторых участках до 350 дел, что заставляет губсуд командировать старших следователей в участки для разгрузки их.

Для устранения ненормальностей постановки следственного дела необходимо увеличить количество следственных участков, что как-будто уже и намечается, а главное увеличить параллельным зарплату и снабдить их в достаточном количестве средствами на раз'езды и на канцелярские расходы. Все же остальное можно изжить.

Евтифеев, Рабинович.

БИБЛИОГРАФИЯ.

«АЗБУКА СОВЕТСКОГО ТРУДОВОГО ПРАВА». Кодекс законов о труде в вопросах и ответах под ред. проф. И. С. Войтинского. Составили А. И. Вишневский, С. Л. Рабинович-Захарин и Д. Н. Хлебников. Издательство МГЮС «Труд и Книга». М. 1925, стр. 225, цена 1 р. 50 к.

В постоянный период развития и закрепления начал революционной законности в условиях юридической неосведомленности широких кругов населения Республики особенное значение приобретает издание популярной юридической литературы. Трудовое право является, пожалуй, той областью, где в данном отношении дело обстоит наиболее благополучно в сравнении с другими отраслями советского права. Не говоря уже о появившихся за последние месяцы обстоятельных, типа курсов, работах, те же месяцы выбросили на книжный рынок весьма значительное количество (особенно, в издании Изд-ва НКТ «Вопросы Труда») популярных брошюр, посвященных отдельным областям и институтам трудового права. Но до сих пор мы не имели еще такой популярной работы, которая охватывала бы полностью всю систему трудового права. Заполнить этот пробел ставит своей задачей реферируемая книга.

Остановимся несколько на схеме построения работы. Здесь, конечно, перед авторами ее стояла известная трудность. С одной стороны, необходимо было дать читателю ясное и полное представление по каждому отдельному институту, а с другой стороны, популярное изложение, ориентирующееся на читателя, знакомого самое большее с Код. зак. о труде, неминуемо должно было строиться применительно к расположению материала самого Кодекса. Между тем, каждая глава Код. зак. о труде (как и всякого другого кодекса), будучи посвящена определенному кругу отношений, частично захватывает другие главы и, в свою очередь, частично дополняется другими. Авторы книги разрешили эту задачу весьма удачно. Приурочив изложение к построению самого Кодекса (по его главам), они в каждой главе касались связанных вопросов, хотя бы они по Кодексу относились к другим главам. Повторения при этом, конечно, были неизбежны, как это отмечает предисловие редактора. Зато каждая глава по своему содержанию является вполне законченной. Иногда, впрочем, это не совсем твердо выдерживается. Так после вопроса о порядке увольнения членов фабзавместкомов (стр. 51) неизбежно возникает вопрос о цеховых делегатах, членах комиссий при фабзавоме и т. п. Между тем, соответствующий ответ дан лишь на стр. 148, при чем не отмечена существующая коллективно-договорная практика.

В систему изложения включен не только Кодекс 1922 г., но и основные разъясняющие и дополняющие его материалы, примерно, по март 1925 г. Таким образом, некоторые весьма серьезные законодательные материалы самых последних месяцев не получили своего отражения. Это, конечно, при текучести законодательства явление неизбежное. Но, заметим, в некоторых случаях использован устаревший материал. Так, говоря о трудовых сессиях, автор этой части работы указывает, что в народных судах иски «принимаются только на сумму до 500 руб.» (стр. 69). Точно также, по мнению автора, ВЦСПС избирается в составе 89 членов и 70 кандидатов, тогда как VI Всесоюзным съездом профсоюзов (резолюц. по орг. вопр., п. 53) состав ВЦСПС был определен в 153 чл. и 83 кандидата.

Материал изложен в форме вопросов и ответов. Всего дано 687 ответов. Нужно сказать, что этим количеством и самим содержанием ответов безусловно покрываются все важнейшие и наиболее часто встречающиеся в практике

трудовых отношений вопросы. В отдельных случаях хотелось бы большей точности. Так различие между коллективным и трудовым (с группой работников) договором сводится к различию по характеру самих договоров, а не субъектов (стр. 21). Неясно из текста различие, устанавливаемое между генеральным и локальным коллективным договорами, с одной стороны, и «общесоюзными, республиканскими, областными, губернскими и уездными», с другой (стр. 22—23). Вообще, что это такое «уездный коллективный договор»? По видимому, деление по административному признаку связано с вопросом о порядке регистрации колл. договоров (стр. 27). Следовало бы эти вопросы и поставить в непосредственную связь. Неверно указание, что коллективный договор может быть заключен упробюро (стр. 156): межсоюзные органы колл. договоров не заключают. Крайне неясно редактирован ответ о порядке оплаты сверхурочной работы сельщиков (стр. 106). Неверен ответ по вопросу о начале течения 5½ месячного срока, дающего право на отпуск, по использованию отпуска. Автор указывает, что для лица, использовавшего отпуск в данном году, течение нового 5½ мес. срока начинается лишь с 1/1 следующего года. Между тем, пост. НКТ СССР от 14/III—23 г. («Изв. НКТ» № 4/28 1923) прямо указывает, что в этих случаях течение срока начинается с момента возвращения из отпуска (ст. 3 «б»). Другой вопрос, когда право на отпуск может быть реализовано.

Неудачным представляется нам объяснение термина «социальное» страхование (стр. 174—175). «Социальным мы называем только то страхование, которое ставит себе целью обеспечить пострадавшего... от социальных причин (курсив автора—И. Т.)». Объяснение, конечно, натянутое. Термин этот заимствован из буржуазного законодательства эпохи «социальной политики» и по сути дела выражает собой известное стремление к замаскиванию классовых противоречий, свойственное буржуазному государству.

Можно отметить и некоторую небрежность корректуры, так, стр. 16 отсылает к ст. 385 (вместо 185); на стр. 80 простой предприятия, при котором за рабочими сохраняется средний заработок, определяется в 8 дней (вместо 3).

Все эти и другие им подобные недочеты в очень значительной степени уменьшают достоинство работы. Круг изложения достаточно широк. Язык слат и, как правило, ясен без малейшей вульгаризации. Вопросы формулированы вполне четко. Каждый почти из них логически вытекает из предыдущего, представляя в то же время вполне самостоятельный интерес, что не всегда удается при изложении в форме вопросов и ответов (ср., напр., П. Х. Руров — «Земельный Кодекс в вопросах и ответах», ГИЗ. 1925).

При той неосведомленности в вопросах трудового права, которую проявляет не только рядовой рабочий и служащий, но передко и работник фабзавместкома или РБЕ, рассматриваемая книга в высокой степени полезна. Приложенный к ней обстоятельный (на печатный лист) алфавитно-предметный указатель облегчает пользование его в качестве справочника. И мы, выражая пожелание более тщательной проработки дальнейших изданий, можем усиленно рекомендовать ее внимательно каждому рабочему и служащему, каждого работника союзной организации.

Распределение работ между авторами: главы II—IX—С. Л. Рабинович-Захарин, X—XVI и I—Д. Н. Хлебников, гл. XVII—А. И. Вишневский.

Ив. Троицкий.

Т. Е. СЕГАЛОВ. Основы советского законодательства о душевно-больных. Издательство Наркомздрава. Москва, 1925 г.

Только с громадным трудом, путем неоднократного протирания написанной т. Сегаловым книги читатель сможет получить некоторое представление о том, что общает она своим заглавием. Мы понимаем, что, взяв к разработке данную тему, автор натолкнулся на недостаточность в нашем законодательстве специального материала, который дал бы ему возможность дать такое полное освещение вопроса, как ему хотелось. Но, конечно, это не давало ему права насилием притягивать к изложению и подводить под основы законодательства о душевно-больных в большом количестве такие нормы, которые ни с какой стороны к теме не относятся. Так, разбирая вопрос об опеке над душевно-больными, автор берет целиком статьи 65 — 70 Земельного Кодекса (определяющие, что такое крестьянский двор и какие права имеют его члены), и из того только, что в ст. 70 говорится о назначении опекуна в случаях, когда в составе двора останутся одни несовершеннолетние, делает вывод о том, что все эти статьи имеют непосредственное отношение к вопросу об опеке над душевно-больным в среде трудового крестьянства (стр. 41).

Книга сплошь забита совершенно ненужным для развития темы материалом, что как раз, главным образом, и отражается отрицательно на усвоении темы. Беря тот или иной закон или циркуляр, автор не выделяет из него того, что относится к теме, а помещает его целиком, с совершенно ненужными деталями. Так делает он с циркуляром НКЗ и НКЮ о досрочном освобождении больных (стр. 57—58), так делает он, давая почти полностью главу I Гр. Пр. Кодекса (стр. 31), и т. д.

На ряду с этим, автор, раз ставший на путь использования ведомственного материала, почему-то совершенно обходит мимо такой имеющий непосредственное отношение к теме и действующий циркуляр, как циркуляр НКЮ № 76 — 24 г. «О производстве психиатрической экспертизы».

Это использование материала, имеющего уже историческое значение, на ряду с материалом, еще не имеющим характера законодательного (4 страницы заняты выдержками из проекта Кодекса законов о семье и браке), а также материалом ведомственным, а иногда и не официальным, т.е. всего того, что отнюдь не может быть отнесено к основам законодательства, приводит к затемнению изложения и лишает читателя возможности сколько-нибудь отчетливо представить себе действительные основы законодательства по данному вопросу.

По существу изложения книга вызывает бесчисленные замечания.

Так ст. 161 УК, преследующую помещение в психиатрическую больницу заведомо-здорового человека из корыстных или иных личных выгод, автор расценивает как одну из основных норм, охраняющих права душевно-больных (стр. 5), а в одном месте признает эту статью «достаточной охраной наркоманов, не нуждающихся в лечении против их желания» (стр. 23).

Давая в одном месте определение понятия «дееспособность», автор полагает, что дееспособным «считается всякий обычный, средний гражданин РСФСР

(курсив наш.—А. И.), достигший 18-летнего возраста» (стр. 29). На той же странице мы сталкиваемся с еще лучшим категорическим утверждением автора о том, что «дееспособные контрагенты обязаны оберегать их (недееспособных) интересы хотя бы в ущерб своим собственным».

Автор на протяжении всего изложения проводит мысль о необходимости оказания всяческого содействия улучшению положения душевно-больных. Конечно, возражать против этого никто не будет. Но все хорошо, что в меру. А вот когда он находит в Кодексе законов о труде «большой провал», заключающийся в том, что Кодекс «не говорит ни слова о труде душевно-больных», когда он полагает, что Кодекс этот «должен быть обогащен особым разделом о труде лиц, состоящих на особом медицинском учете», и что «должен быть создан особый вид инспекции труда, слитый с гигиенической и психопрофилактическим надзором», он, по нашему мнению, переходит границы. А перейдя их, он рисует читателю пальше совсем идиллические картины, вроде беспрошляной торговли семечками или морожеными яблоками слабоумной старушки где-нибудь в углу площади под попечительным и благосклонным взором постового милиционера» (стр. 43).

Особого внимания заслуживает место, где автор находит недочет в УПК, заключающийся, по его мнению, в том, что следователю предоставлено право не считаться с мнением экспертизы, которая представляет собой «одно из обстоятельств дела, с которым надо считаться, как с фактом», и что суд может прекратить дело о душевно-больном, не видев его. «Этот недочет, заявляет автор, не дает суду возможности выполнить требования ст.ст. 24 и 25 УК... и всецело отдает прерогативы и обязанности суда в руки следователя» (стр. 50). Такое утверждение автора нам просто непонятно. Впрочем, находя в этом недостаточность гарантий обвиняемого в процессе предварительного следствия, он через несколько страниц приходит к обратному выводу, заявляя, что «анализ уголовного судебного процесса выясняет с совершенной несомненностью достаточность и продуманную прочность гарантий прав душевно-больного» (стр. 59).

Изложенное — лишь немногие из замечаний и недоумений, рождающихся у читателя книги. И перед нами, как, думаем, и перед каждым читателем ее, встает вопрос: для кого она написана? Может-быть, ее удастся как-то использовать психиатру, судебному эксперту. Но полезность ее для судебного работника вызывает серьезные сомнения, так как помимо указанных недочетов она содержит в себе массу отдельных терминов и целых фраз, которые делают ее для рядового читателя совершенно недоступной. Что, например, скажут читателю такие фразы, как «реактивные психопатии, как реакция на социальную среду, ни в коем случае под действие ст. 17 УК подходить не могут» или «наказание входит как один из компонентов в определяющие поведение личности обстоятельства жизни, чтобы изменить направляющие равнодействующей силы» (стр. 17)?

Автор — судебный работник. Ему лучше, чем кому другому, известно, какая литература нужна для нашего рядового судебного работника. Из этого мы приходим к выводу, что на последнего автор не рассчитывал, как на читателя своей книги, а убежденные в правоте своего вывода мы и позволяем себе рекомендовать нашим работникам этой книги не читать.

А. Иодковский.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

СОДЕРЖАНИЕ:

Циркуляры Наркомюста: №№ 205, 206, 207, 208, 212, 221.—Цирк. Верх. Суда СССР № 6/19.—Цирк. НКФ РСФСР № 72.—Раз'яснение НКРКИ и НКЮ РСФСР.—Раз'яснения пленума Верх. Суда.

Циркуляры Наркомюста.

Циркуляр № 205.

Край, обл. и губсудам, край, обл. и губ- прокурорам.

О плане снабжения карточками и оборудованием по
проведению карточной системы делопроизводства на
местах.

Снабжение карточками и оборудованием
органов, состоящих на госбюджете.

Циркуляром НКЮ от 21 апреля 1925 года за № 82
карточная система делопроизводства, упраздняющая на-
стоящие реестры, алфавиты, входящие и исходящие жур-
налы и другие книги (за исключением бухгалтерских) вво-
дится повсеместно с 1 января 1926 года во всех судебных
учреждениях, состоящих на **госбюджете**: краевые, област-
ные, губернские суды и прокуратура.

В виду этого Организационным Бюро НКЮ разработан
следующий твердый план снабжения указанных органов.

1. Установлены три очереди снабжения в зависимости
от дальности расстояния судебной периферии.

2. Рассылка карточек (по годовой потребности каждой
из судебных единиц) начинается 1 и кончается 20 ноября
1925 года.

3. Инструкция по применению карточной системы рас-
сылается в течение ноября 1925 года.

4. Частичное снабжение оборудованием для хранения
карточек будет происходить в течение ноября, декабря
1925 года и января 1926 года.

Условность снабжения карточками и
оборудованием органов, состоящих на
местном бюджете.

Что же касается снабжения карточками и оборудова-
нием низовых судебно-следственных органов, состоящих
на **местном бюджете**, то необходимо отметить условность
включения последних в план работ Оргбюро при НКЮ,
так как выполнение программы снабжения их карточками
находится в прямой связи с возможностью использования
Наркомюстом местных средств, предусмотренных цирку-
ляром Наркомфина РСФСР по линии губфо от 24 июля
1925 года за № 1255 (см. «Бюллетень НКФ РСФСР»
№ 11 от 25 августа 1925 года).

В виду изложенного край, обл. и губсудам надлежит
озаботиться своевременным переводом в НКЮ предсто-
ящих им на рационализацию делопроизводства средств,
по следующему расчету Оргбюро при НКЮ на каждый су-
дебный и следственный участок.

Карточек на каждый участок нарсуда:

форма № 2 (регистрац. для переписки)	500 шт.
» № 3 (алфавитная)	4.500 »
» № 4 (для регистр. уголовн. дел)	1.000 »
» № 6 (для регистр. гражд. дел)	500 »

6.500 шт.

Стоимость карточки в среднем 0,33 коп

Итого 27 руб. 95 коп.

Карточек на каждый следственный участок:

форма № 2	250 шт.
» № 3	1.200 »
» № 10 (для регистр. дел, находящ. в производстве)	400 »

1.850 шт.

по 0,33 коп. шт. Итого 6 р. 11 коп.

Расчет произведен на годовую потребность камер нарсуда и нарследа средней нагруженности.

Принимая во внимание: 1) что изготовление карточек и инструкций по применению карточной системы делопроизводства централизованным способом значительно снижает стоимость карточек, как это доказал опыт Оргбюро по снабжению им карточками 4-х губерний при проведении в них опытных постановок; 2) что с введением карточной системы упраздняются настоящие реестры, алфавиты, входящие и исходящие журналы и другие (за исключением бухгалтерских) книги; достигнутая экономия средств должна быть употреблена на изготовление кустарным способом на местах оборудования для хранения карточек (по чертежам и расценкам Оргбюро, каковые высылаются дополнительно).

Последнее обстоятельство необходимо учесть особо, так как без наличия ящиков для регистрационных карточек работа технического аппарата не будет отличаться четкостью, и вся карточная система при этом условии не произведет должного эффекта.

Перевод средств в НКЮ для снабжения нарсудов и нарследов карточками надо произвести не позднее 15 декабря 1925 года.

Рассылка же Оргбюро карточек для нарсудов и нарследов начнется с 15 января 1926 года и закончится 1 марта 1926 года через край, обл. и губсуды. Чтобы провести карточную систему в январе 1926 года в нарсудах и в камерах нарследов,—край, обл. и губсуды должны будут выделить из расчета, примерно, двухмесячной потребности, часть своего запаса карточек низовым судебно-следствен-

ным органам с таким расчетом времени рассылки на места, чтобы система могла быть проведена в них в январе 1926 года.

Независимо от перевода средств на карточки, НКЮ предлагает край, обл. и губсудам высказать свои соображения по поводу предполагаемой реформы делопроизводства в шизовом судебно-следственном аппарате в январе 1926 года и поставить срочно вопросы, требующие дополнительного разъяснения НКЮ по проведению карточной системы.

Заместитель Народного Комиссара Юстиции и Старший

Помощник Прокурора Республики **Крыленко.**

14 октября 1925 г.

Циркуляр № 206.

Всем губ. и обл. судам и прокурорам.

Об отнесении расходов по фондированным авансам на счет НКЮ по госрасходам истекших лет.

Пунктом 3 порядка заключения счетов, приложенного к циркуляру НКЮ № 189 от 24 сентября 1925 года, предлагалось, согласно § 46 инструкции СНК 1924 г., зафондировать все неотсчитанные авансы сумы 1924/25 г., перенеся суммы выданные авансодержателям на счет расходов истекшего года, а затем на дебет счета НКЮ по госрасходам с тем, чтобы счет фонда в авансах дополнительной статьей был перенесен на баланс нового года на счет НКЮ по госрасходам истекших лет. Это положение вызывается переходом от кассового учета к внекассовому, вследствие чего счет НКЮ по госорганам истекших лет увеличивается по сравнению с действительно отпущенными суммами НКЮ, должны быть заключены числиться в кредите счета НКЮ по госрасходам и совместно с продолжительными кредитами на счета НКЮ по госрасходам истекших лет на сумму неотсчитанных авансов прошлого года.

Подобное положение порождает двойственность фиксации оборотов по счету расходов: 1) при фондировании в балансе 1924/25 г. и 2) при записи по представленным зафондированным авансам отчетов на счет расходов истекших лет в балансе нового 1925/26 года.

Принимая во внимание, что действовавшие счета по балансу 1924/25 г. должны быть заключены по старой номенклатуре, преподанной инструкцией СНК 1924 г., а вместе с тем и необходимость перехода на новую номенклатуру счетов по 5-му изданию инструкции СНК, Народный Комиссариат Юстиции предлагает все расходы, произведенные из авансов прошлого года, перенести на новый баланс по счету подотчетных лиц в активе и счету НКЮ по госрасходам истекших лет в пассиве, не отражать вторично на счете расходов истекших лет, проводя суммы израсходованных авансов непосредственно по дебету счета НКЮ по госрасходам истекших лет, посылая в каждом отдельном случае извещение форма № 8а в НКЮ о дебетовании нашего счета и кредитовании счета подотчетных лиц по неотсчитанным авансам истекшего года, указывая вместе с тем в этих извещениях остаток числящихся неотсчитанных и зафондированных авансов.

Зам. Народного Комиссара Юстиции и Старш. Пом. Прокурора Республики **Крыленко.**

19 октября 1925 года.

Циркуляр № 207.

Всем губ. и обл. судам.

Отчет по доходам и расходам из специальных средств, образовавшихся от нотариальных сборов.

На основании § 106 инструкции Совнаркома 1925 г. и в развитие п. 6 циркуляра НКЮ от 24/IX—1925 г. за № 189, Народный Комиссариат Юстиции, препровождая форму отчета по доходам и расходам из специальных средств, образовавшихся от нотариальных сборов, согласованную с ОСО НКРКИ СССР 13/X—1925 г., предлагает представлять последнюю при ежемессечной бухгалтерской отчетности на все обороты, совершаемые Нотариальными Отделениями Губсуда.

Отчеты по специальным средствам составляются на основании месячных отчетов нотариального отделения, посылаемых в НКЮ по п/отделу государственного нотариата и препровождаемых, в копии, в бухгалтерию губсуда. Эти отчеты должны содержать в себе сведения о суммах остатка на 1 число предыдущего и отчетному месяцу, находящихся как в распоряжении нотариального отделения, так и его контор; поступлений за отчетный месяц нотариальных сборов и надбавок в местные средства, сумм, расходуемых нотариальными отделениями и конторами, согласно утвержденной сметы, сданных в доход казны и местные средства и остатка средств на 1 число следующего за отчетным месяца как в самом нотариальном отделении губсуда, так и в подведомственных конторах. Ежемесячный отчет по специальным средствам должен быть засвидетельствован в нотариальном отделении в правильности сумм, показанных в нем и соответствии с данными, посылаемыми в п/отдел государственного нотариата Наркомюста.

Все данные по отчету в том же месяце последним числом проводится по счетам баланса губсуда, проводя первоначально остаток сумм и поступления по дебету счета «подотчетных лиц» из специальных средств и кредиту счета «Фонда в специальных средствах», в том же случае, если специальные средства учитывались в порядке циркуляра НКЮ № 126 и остаток на 1 октября зафиксирован по балансу губсуда, то последний по подотчетным лицам не проводится, дебетуя этот счет лишь на сумму валового дохода за первый месяц. На сумму, израсходованную нотариальным отделением и конторой, кредитуются счет «подотчетных лиц из специальных средств» и дебетуются счет «расходов из специальных средств» на суммы, сданные в доход казны и местный доход, кредитуются счет «подотчетных лиц из специальных средств» и дебетуются счет «фонда в специальных средствах» и одновременно на суммы госрасхода дебетуются счет «НКЮ по госрасходам» и кредитуются счет «госрасходов»; на местный доход дебетуются счет «исполкома по мест. доходам» и кредитуются счет «мест. доходов». Остаток средств, находящихся в распоряжении нотариального отделения и контор на 1 число следующего за отчетным месяца, должен соответствовать остатку по счету «подотчетных лиц из специальных средств» по нотариальному отделению.

Форма отчетности по прочим специальным средствам будет преподана дополнительно.

Зам. Народного Комиссара Юстиции и Старш. Пом. Прокурора Республики **Крыленко.**

19 октября 1925 года.

Циркуляр НКЮ № 209
ЦКФ РСФСР № 78.

Всем краевым, областным и губернским прокурорам, всем краевым, областным и губернским судам, наркомфинам автономных республик, уполнаркомфинам, заведующим край, обл. и губфинотделами РСФСР.

КОПИЯ ПРОКУРОРАМ АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК.

Разъяснение о применении постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 7 IX—1925 г. «О порядке прекращения дел за неплатеж единого сельско-хозяйственного налога».

В связи с возникающими на местах затруднениями в применении постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 7 сентября 1925 г. («Изв. ЦИК СССР и ВЦИК» 1925 г. № 209), Народные Комиссариаты Юстиции и Финансов РСФСР разъясняют:

1. На основании означенного постановления прекращаются все находящиеся в производстве судебно-следственных и административных органов дела об ответственности за неплатеж налогов, перечисленных в п. 1 этого постановления. На дела о неплатеже единого сельхозналога 1924/25 г.—действие указанного постановления не распространяется.

2. Означенное постановление отнюдь нельзя рассматривать как прекращение взимания недоимок по налогам за предыдущие годы. Взимание последних, поскольку таковые не сложены, в силу законодательных постановлений или специальных распоряжений Наркомфина РСФСР должно производиться на общих основаниях, преподанных Народным Комиссариатом Финансов РСФСР.

3. Прекращению подлежат все дела по привлечению граждан к уголовной ответственности по 78 и 2 части 79 статей Уголовного Кодекса как находящиеся в производстве судебно-следственных органов, так и еще не направленные к ним финансовыми органами.

Возбуждение новых дел об уголовной ответственности за неплатеж недоимок по налогам до 1924/25 года не допускается.

4. Сложение ареста, а также возвращение изъятых имущества, указанного в п. 4 постановления от 7 IX—с. г., может быть применяемо лишь в отношении находящегося в распоряжении административных органов имущества, изъятых по судебным приговорам или в порядке ст. 121-а Уголовно-Процессуального Кодекса, но отнюдь не отчужденного в порядке бесспорного взыскания на основании действовавших узаконений.

5. Состав комиссий, на которые возложено проведение в жизнь постановления от 7 сентября с. г., точно указал в п. 5 этого постановления. Представители финорганов исключаются в состав комиссии лишь только с правом совещательного голоса.

6. По окончании работ, указанных в п. 5 постановления, комиссией доклады с приложением цифровых сведений представляются через губернских прокуроров в Народный Комиссариат Юстиции РСФСР.

Народный Комиссар Юстиции Курский.

Зам. Народного Комиссара Финансов

РСФСР Р. Левин.

20 октября 1925 года.

Циркуляр № 212

Всем губернским и областным (краевым) судам и прокурорам.

О направлении заявлений лиц и учреждений, находящихся за границей, органам юстиции РСФСР.

1. Всякого рода заявления и жалобы лиц и учреждений находящихся за границей, независимо от того, принадлежат ли эти лица к советским гражданам или к иностранцам, должны направляться в органы юстиции РСФСР исключительно через подлежащие представительства СССР за границей.

2. Непосредственная (помимо НКЮ) переписка лиц и учреждений, находящихся за границей СССР, с органами юстиции РСФСР безусловно не допускается. В случае поступления такой переписки не через органы НКЮ (напр., по почте) от частных лиц—последняя должна оставаться без движения, от учреждений—должна направляться на распоряжение НКЮ.

3. Изъятие из изложенного в п. 2 правила допускается лишь в особо исключительных случаях, когда имеющиеся в переписке сведения настоятельно требуют принятия каких-либо мер в интересах государства. Указанное обстоятельство должно быть отмечено в соответствующих актах подлежащих органов юстиции (постановление о возбуждении судебного преследования и т. п.).

4. Все заявления, жалобы и т. п., подаваемые или пересылаемые в полпредства (п. 1), должны в подлежащих случаях оплачиваться установленными сборами и пошлинами, кроме случаев, когда противное прямо оговорено в соответствующих договорах и соглашениях с иностранными государствами.

5. Поступающая из-за границы через полпредства СССР переписка направляется в подлежащие органы юстиции РСФСР через НКЮ и НКЮ РСФСР.

6. Сношения органов юстиции по возбужденным в вышеуказанном порядке делам с участвующими в деле лицами и учреждениями, находящимися за границей СССР, должны производиться также исключительно через НКЮ и НКЮ с точным соблюдением требований циркуляра НКЮ № 93—1923 г., № № 85, 188 и 189—1924 г. и № 64—1925 г.

Зам. Народного Комиссара Юстиции и Старш. Пом. Прокурора Республики Крыленко.

Член Коллегии НКЮ Бранденбургский.

20 октября 1925 года.

Циркуляр № 221.

Всем губ. и областным (краевым) судам.

О подготовке к VI Всероссийскому съезду работников юстиции материалов по применению действующих законов о браке, семье и опеке.

Резолюцией II сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XII Созыва постановлено принять за основу предложенный Народным Комиссариатом Юстиции проект Кодекса законов о браке, семье и опеке и окончательное его утверждение отложить до следующей очередной сессии ВЦИК'а.

Развернувшиеся на сессии прения выявили необходимость более широкого обсуждения на местах проекта, чем это имело место перед принятием его Совнаркомом.

Основанием к этому постановлению послужило исключительно большое значение законов о браке, семье и опеке,

глубоко затрагивающих основы быта всего рабоче-крестьянского населения Республики.

Судьи, которые изо дня в день решают бытовые дела, применяя закон о браке, семье и опеке, должны иметь возможность особенно подробно обсудить и обдумать проект нового кодекса.

В связи с изложенным, перед НКЮ и его органами на местах встает неотложная задача учесть тот богатый бытовой материал, который проходит перед судами по делам, относящимся к браку, семье и опеке.

С этой целью в повестку предстоящего Всероссийского съезда деятелей советской юстиции предполагается включить доклад о проекте Кодекса законов о браке, семье и опеке.

Народный Комиссариат Юстиции предлагает губсудам через народные суды:

1. Выявить недостатки действующего Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве в применении их в практике судебных учреждений.

2. Учесть опыт мест по делам об имущественных спорах супругов, состоящих в фактических брачных отношениях, незарегистрированных в органах ЗАГС, особенно по делам о семейно-имущественных разделах и выделах по искам женщин-крестьянок, состоящих в незарегистрированном браке, и по искам, в которых эти крестьянки являлись ответчицами, а также выявить по возможности полное количество проходящих через судебные органы споров об алиментах между супругами, состоящими в незарегистрированном браке, с указанием количества таких дел отдельно в городских и сельских участках, имея особенно в виду отношение рабочих и работниц, крестьян и крестьянок к наиболее существенным вопросам семейного, брачного и опекунского права, как-то: развод, раздел имущества супругов, алименты, регистрация брака, ответственность по алиментам крестьянского двора, родственников, разделы между супругами, состоящими в незарегистрированном браке, ответственность по алиментам нескольких лиц, бывших в сожительстве с матерью ребенка в момент зачатия, и проч.

3. Учесть опыт судебной практики по делам о признании недействительными браков лиц, состоящих в браке в момент регистрации другого брака.

4. Обратит особое внимание на данные судебной практики по делам о взыскании содержания детей (алиментов), выявляя затруднения суда в делах указанной категории, исполноту и ясность законов по этим делам, отметить наиболее часто применяемые судами формы присуждения алиментов в деревне (деньгами или натурой) и недостатки натурального присуждения алиментов с участников крестьянских хозяйств (дворов).

5. Собрать, по возможности, данные для учета дел, в которых нарсуды присуждали выделяемым женщинам-крестьянкам содержание для детей, независимо от причитающегося на долю детей имущества двора, а равно учесть данные о преобладающих в практике судов решениях по таким делам: присуждение на долю детей имущества общего пользования, или же алиментов, или того и другого вместе.

6. Выявить имевшиеся в практике судов случаи шапталы на почве применения законов об отцовстве и взыскании алиментов, по возможности учитывая вместе с количеством таких случаев в судебной практике и наиболее характерные конкретные дела.

7. Учесть опыт применения ст. 165-а Угол. Кодекса, в частности, случаев применения указанной статьи в связи с фиктивными разделами хозяйства для избежания ответ-

ственности двора по алиментам (циркуляр НКЮ 1923 г. № 159, «Е. С. Ю.» 1923 г. № 31).

НКЮ предлагает провести, по возможности, повсеместно совещания судебных работников, на которых обсудить проект Кодекса законов о браке, семье и опеке. К участию в совещаниях привлечь максимальное количество народных заседателей и заседательниц.

Материалы совещаний и резолюций в обработанном виде, а также все материалы учета судебной практики по указанным выше категориям дел за последнюю четверть 1925 года собрать и систематизировать с таким расчетом, чтобы последние могли послужить основой при обсуждении проекта Кодекса на Всероссийском съезде работников юстиции, который намечается на конец февраля или начало марта 1926 года.

Одновременно предлагается собрать важнейшие постановления пленумов губ. (обл.) судов, вынесенные в порядке п. «в» ст. 70 Положения о судостроительстве в связи с рассмотрением бытовых дел, касающихся брака, семьи и опеки.

Все указанные выше материалы должны быть представлены в НКЮ лично делегатами губернских и областных (краевых) судов на VI Всероссийский съезд работников юстиции.

Народный Комиссар Юстиции **Курский.**

Член Коллегии НКЮ **Бранденбургский.**

14 ноября 1925 года.

Циркуляр Верх. Суда СССР № 6/19.

«Утверждаю» Прокурор
Верхсуда СССР—Н. Кра-
ский.

«Утверждаю» Зампред-
Верхсуда СССР—Васи-
льев-Юнзип.

ВОЕННЫМ ПРОКУРОРАМ И ПРЕДС. ВТ. ОКРУГОВ, АРМИЙ И ФРОНТОВ.

О сроке введения в действие положения о воинских преступлениях.

В заседании от 16 октября 1925 года Президиум ЦИК СССР постановил:

1. Считать сроком введения в действие Положения о воинских преступлениях момент опубликования означенного Положения в установленном порядке.

2. Предложить Верховному Суду Союза ССР и верховным судам союзных республик издать соответствующие распоряжения о пересмотре приговоров, вынесенных с нарушением действующего Положения о воинских преступлениях.

В виду того, что Положение о воинских преступлениях было опубликовано в декрете 1924 года, в № 24 «Собрания законов и распоряжений»,—предлагается:

1. Немедленно по получении настоящего циркуляра приступить к применению Положения.

2. К исполнению п. 2 постановления Президиума ЦИК СССР приступить после получения соответствующих распоряжений.

3. В случае требований о высылке дел на основании п. 2 постановления Президиума ЦИК СССР со стороны верховных судов союзных республик, таковые исполнять.

Ст. Помощник Прокурора Верхсуда СССР по Отделу Военной Прокуратуры **Н. Кузьмин.**

Врид. Председателя Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР **Мелнгай.**

29 октября 1925 года.

Циркуляр Бюдж. Упр. НКФ РСФСР № 72. НАРКОФИНАМ АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК, УПОЛНАР- КОФИНАМ ЗАВЕДЫВАЮЩИМ КРАЙ-, ОБЛ.- И ГУБ. ФИНОТДЕЛАМИ РСФСР.

О порядке расходования кредитов, ассигнуемых на первый квартал 1925/26 б. г.

В виду поступающих с мест запросов относительно порядка расходования кредитов, ассигнуемых на первый квартал текущего 1925/26 б. г., НКФ РСФСР разъясняет, что кредиты эти могут быть расходуются учреждениями без разбивки по месяцам (октябрь—декабрь, авансы же за счет этих кредитов согласно радиограмме НКФ от 10/X—с. г. № 33021/00 могут быть выдаваемы в размерах, указанных в циркуляре НКФ от 6 мая 1924 г. за № 1050 «В. Ф.» 1924 г. № 42, стр. 15), считая за месячное ассигнование одну треть назначений, внесенных во временные расходные расписания на октябрь—декабрь.

Замнаркомфина РСФСР Левин.

20 октября 1925 года.

Раз'яснение НКРКИ и НКЮ РСФСР.

О порядке списания госорганами мелких долгов без судебного разбирательства.

В дополнение к постановлению от 17/I—1925 г. о порядке списания госорганами мелких долгов без судебного разбирательства, объявленному в циркуляре по Наркомюсту за № 25—1925 г. («Еженед. Сов. Юстиции» № 4—1925 г.), Народные Комиссариаты Рабоче-Крестьянской Инспекции и Юстиции РСФСР раз'ясняют, что вышеуказанное постановление не отменяет действия изданного Народным Комиссариатом Путей Сообщения временного положения о порядке ликвидации убытков казны по ведомству НКПС, объявленного в приказе ЦП НКПС за № 11240 от 7/VIII—1923 г., согласно § 11 какового положения разрешается списывать без предъявления исков убытки казны, не превышающие десяти рублей за годовой период на каждое одно ответственное за них должностное лицо ведомства НКПС.

Зам. Народного Комиссара РКИ РСФСР Лисицын.

Народный Комиссар Юстиции РСФСР Курский.

Раз'яснения пленума Верх. Суда РСФСР

от 26 октября 1925 года (прот. № 18).

О подсудности дел, касающихся органов автономной об- ласти Ингушетии, находящихся в г. Владикавказе.

1. Раз'яснить, что иски по гражданским делам, предъявляемые частными лицами и учреждениями и в частности самими учреждениями Ингушетии и Северной Осетии к учреждениям, организациям и предприятиям этих же автономных областей, находящимся на территории г. Владикавказа, должны быть подсудны судебным органам и учреждениям Ингушетии и Северной Осетии.

2. Все виды преступления, совершенные на территории автономных областей Ингушетии и Северной Осетии и подсудные по УПК губ. или обл. судам, а равно должностные и хозяйственные преступления, связанные с деятельностью учреждений, организаций и предприятий Ингушетии и Северной Осетии, должны быть расследованы следственными органами Ингушетии и Северной Осетии и подсудны их судебным учреждениям.

Заключение УНК Верховсуда по вопросу о замене штрафа другой мерой социальной защиты в случае неимения у осужденного средств на уплату штрафа.

В дополнение к постановлению пленума Верховсуда от 7 июля 1924 г. (протокол № 13, п. 9) раз'яснить, что в случаях явной несостоятельности лица, приговоренного к штрафу, если уплата штрафа не отсрочена судом в порядке 460 ст. УПК или по истечении срока отсрочки, суд либо немедленно заменяет штраф иной мерой социальной защиты с соблюдением циркуляра Верховсуда № 30—1924 года, либо, если он признает замену нецелесообразной, совершенно прекращает производство по взысканию штрафа, при чем эти вопросы решаются судом в порядке 461 ст. УПК.

О 171 статье Уголовного Кодекса.

Раз'яснить, что наличие хотя бы одного из признаков, перечисленных в 171 статье Уг. Код. (сводничество или содержание притона разврата или вербовка женщин для

проституции) достаточно для применения этой статьи, при чем понятие содержание притона разврата подразумевает и случаи предоставления, в целях наживы, помещения заведомо для занятия проституцией.

Протест председателя Верховсуда на определение ГИК Верховсуда от 27 января 1925 г. по делу Псковского губсуда по иску Лосевых к Соловьеву.

В мае месяце 1919 года гр-н Лосев, Иван, продал по домашней сделке гр-ну Соловьеву водяную мукомольную о 2-х поставках мельницу с круподеркой, сукновалкой, живой и мертвый инвентарь и разного рода строения с.-х. типа за 30.000 р. совзнаками. В июле 1924 года наследники умершего Ивана Лосева обратились в гражданско-судебное отделение Псковского губсуда с иском о признании сделки, совершенной в 1919 году между умершим их отцом и ответчиком, действительной как кабалной и как совершенной с нарушением декрета о запрещении сделок с недвижимостью и о возвращении им, как наследникам умершего Ивана Лосева, полученного ответчиком по этой незаконной сделке имущества. Губсуд в решении от 17 сентября 1924 года признал сделку неимеющей силы, как заключенную с нарушением указанного декрета, и сослался на 30 и 147 ст.ст. ГК, постановил о передаче имущества, приобретенного ответником по незаконной сделке в доход государства, т.-е. Торонецкому исполкому, а в иске наследникам Ивана Лосева отказать. По кассационной жалобе ответчика дело поступило в ГИК Верховсуда, которая определением от 27 января 1925 года решение губсуда в части отказа истцам в возвращении имущества утвердила, а в части изъятия этого имущества в пользу государства отменила и дело в этой части передала на новое рассмотрение, главным образом, в силу того, что поскольку ответчик владел мельницей в течение 5 лет, суд слишком формально подходил к вопросу о применении к данной сделке 30 и 147 ст.ст. ГК и не обсудил, целесообразно ли применение этих статей в данном деле, а кабалность сделки решением суда ничем не установлена.

При вторичном рассмотрении дела 1 апреля 1925 года уже по иску Торопецкого уисполкома к гр-цу Соловьеву об изъятии указанного имущества губсуд, установив, что мельница и прочее имущество, купленное Соловьевым у умершего Лосева, находится в трудовом пользовании ответчика, постановил в иске Торопецкому уисполкому отказать и взыскать с истца судебные издержки в пользу ответчика в размере 76 р.

В виду того, что ГКК Верховного Суда в своем определении от 27 января 1925 года неправильно разрешила общий вопрос о применении 30 и 147 ст.ст. ГК к сделкам, совершенным до декрета от 8 августа 1921 г., и вследствие этого неправильно отменила первое решение губсуда от 17 сентября 1924 года, ибо: 1) применение 30 ст. ГК не может рассматриваться с точки зрения целесообразности и 2) применение 30 ст. к сделке между Лосевым и Соловьевым вообще является излишним, поскольку эта сделка, как совершенная в 1919 году, не может иметь никакой силы и должна рассматриваться как несуществующая, — дело по протесту председателя Верховного Суда поступило в пленум Верховного Суда, который, соглашаясь с протестом, постановил:

В виду того 1) что для отмены решения Псковского губсуда от 17 сентября 1924 года по настоящему делу, вынесенного в соответствии с существующими законоположениями, не было достаточных оснований, 2) что определением ГКК Верхсуда от 27 января 1925 года неправильно разрешен основной вопрос о применении 30 и 147 ст.ст. ГК, так как Верховный Суд, применяя защиту трудового пользования строений по незаконным сделкам, совершенным до 8 августа 1921 года, ни в коем случае не может рассматривать этот вопрос с точки зрения хозяйственной целесообразности, т.е. расширять круг лиц, в интересах коих применяется распространительное толкование закона; 3) что второе решение губсуда от 1 апреля 1925 года, вынесенного на основании директивы указанного определения ГКК, основано лишь на этом определении и не изменяет установленных в первом решении обстоятельств дела; 4) что в настоящем случае самый характер сделки исключает возможность применения распространительного толкования закона, — определение гражданской кассационной коллегии от 27 января 1925 года и решение Псковского губсуда от 1 апреля 1925 года отменить и оставить в силе решение того же губсуда от 17 сентября 1924 года.

Предложение Президиума Верховного Суда по делу Оренбургского губсуда, по иску Кривопалова к Пономаревой, рассмотренному ГКК Верхсуда 6 июля 1925 года.

9 февраля 1925 года Оренбургский губсуд рассмотрел дело по иску гр. Кривопалова к Пономаревой о признании действительной запродажной записи на дом и отказал истцу в иске, присудив лишь в его пользу 150 р. в возврат уплаченной им части покупной стоимости дома.

В приложенной в ГКК Верхсуда кассационной жалобе истец указал, между прочим, на нарушение судом 68 ст. ГК, так как в врученном ему экземпляре повестки о вызове его в судебное заседание было указано, что дело будет слушаться 14 февраля, в то время, когда в действительности оно слушалось 9 февраля (дата слушания дела во 2 экземпляре повестки, возвращенной в суд с распиской Кривопалова, указана правильно).

Определением ГКК Верхсуда от 6 июля 1925 года кассационная жалоба Кривопалова была оставлена без последствий, при чем, в мотиве своем ГКК указала: что при рассмотрении дела суд руководствовался указаниями 1-го определения ГКК Верхсуда от 29/III—1924 г., которые по данному делу, в силу 248 ст. ГК, являются

обязательными, что ошибочное указание на 1 экземпляре повестки даты дня заседания не может рассматриваться как нарушение 68 ст. ГК, и что неявка ответчика не отразилась на правильности решения суда.

Это определение ГКК было опротестовано председателем Верховного Суда в пленум Верхсуда, который, согласившись с протестом, постановил:

Принимая во внимание, что по п. «в» ст. 6 наказа пленума Верхсуда гражданской кассационной коллегии обязательным кассационным поводом служит разрешение дела в отсутствие стороны, не извещенной установленным порядком и не знавшей о производстве дела; что по настоящему делу ответчик получил из губсуда извещение с неправильной датой, почему он не только не был извещен о предстоящем дне слушания дела, а, напротив, имел на руках прямое опровержение того, что дело будет слушаться 9 февраля 1925 г., почему соображения определения ГКК Верхсуда о том, что «ошибочное указание в одном экземпляре вызывной повестки даты дня заседания не может рассматриваться как нарушение ст. 68 ГК», так как неявка ответчика не отразилась на правильности решения суда», неправильно и противоречит наказу ГКК, но что по делу протеста по ст. 254 ГК нет, и из указаний дела видно, что подписанный ответчиком экземпляр имел верную дату, почему ответчик, «зная о производящемся деле», сам при сомнении о том, которая дата верна, мог принимать меры для выяснения ошибки, — определение ГКК от 6 июля с. г., с изменением неправильного мотива, оставить в силе.

9. Протест председателя Верхсуда на определение ГКК Верхсуда от 6 октября 1925 года, по делу Кубанской сессии Северо-Кавказского краевого суда по иску Севнасельбанка к Северскому райисполкому и совхозу № 2.

Принимая во внимание, что по положению о векселях ответственность должников установлена солидарная (ст. 9), что это правило относится и к каждому правопреемнику должника по векселю, безразлично, весь ли актив к нему перешел, или только часть, что исключение из этого правила допустимо лишь в силу особого закона, что, следовательно, в виду того, что в данном деле векселедатель — Краснодарское отделение зем. упр. — прекратило свое существование по закону о районировании и весь актив, или, по крайней мере, часть его, как это установил суд (л. д. 42), перешел к Северскому райисполкому, на который, следовательно, перешла ответственность и по векселям, как на совокупного должника, при чем Северский райисполком не лишается права регресса, если актив векселедателя перешел не к нему одному, что решение губсуда правильно, а определение ГКК, не соответствующее этому разъяснению, подлежит отмене, — пленум Верховного Суда постановляет:

Отменить определение ГКК от 6 октября 1925 года и утвердить решение Кубанской сессии Северо-Кавказского краевого суда от 14—17/III—1925 года.

10. Постановление пленума Алтгубсуда по вопросу о пределах ответственности в гражданском порядке работников кооперативов за убытки в связи с недочетом товаров, при отсутствии признаков уголовно-наказуемого деяния.

Разъяснить, что ответственность служащих кооперативов, являющихся по характеру работы ответственными за сохранность вверенных им товаров, в уголовном или дисциплинарном порядке, или только в порядке гражданского иска (ст. 403 и сл. ГК), определяется судом в каждом отдельном случае, смотря по фактическим обстоятельствам дела, при чем при гражданском иске, разумеется, должны приниматься во внимание условия

договора или уполномочия, конкретные условия работы, а равно и нормальная для данных условий утрата в имуществе или его ценности (провес, просчет и т. п.). Настоящее разъяснение в части, касающейся гражданского иска, не относится к случаям, подходящим под 83 ст. Код. зак. о труде.

Запрос Брянского губсуда о возможности взыскания присужденных алиментов в размере совокупности платежей за год вперед.

Принимая во внимание, что в законе нет прямого указания на то, в какие сроки должны ответчиком вноситься периодические платежи, присуждаемые на алименты, на содержание по разным основаниям и т. д., что в практике эти платежи обычно присуждаются ежемесячно вперед, что этот срок должен оставаться в силе по отношению к ответчикам, живущим на одну зарплату, из какой ежемесячные платежи и удерживаются, но что по отношению к остальным ответчикам такое присуждение обязательно ежемесячно вперед ни на чем не основано, а создает крайние затруднения при взысканиях, — пленум Верховного Суда постановляет:

1) разъяснить, что суды при присуждении периодиче-

ских платежей в тех случаях, когда они не связаны законом (зарплата, пенсия, по соц. страхованию или обеспечению и т. д.), или договором сторон, имеют право присуждать уплату их, смотря по имущественному положению и хозяйственным условиям сторон не только постоянно, но и по четвертям года;

2) что взыскание периодических платежей с зарплаты может удерживаться попрежнему лишь в сроки зарплаты;

3) что судисполнитель сам не может изменить срок, уже указанный в решении, но этот вопрос подлежит разрешению суда в порядке либо ст. 185, либо 251 ГПК при изменении обстоятельств (напр., перехода ответчика из категории лиц, существующих на одну зарплату, в другую категорию, или наоборот).

12. Об обязательности предоставления срока для кассационного обжалования заочного приговора, после вручения осужденному копии приговора.

Разъяснить, что при вынесении заочного приговора осужденному после его задержания или явки должна быть вручена копия приговора, после чего он в течение 72-часового срока имеет право на подачу кассационной жалобы.

Письмо в Редакцию

В рукописи нашей статьи «О приближении судов органов к населению» («Еж. Сов. Юст.» № 33—1925 г.) остались неисправленными некоторые неправильности в тексте, извращающие смысл изложенного. каковые и просим опубликовать:

Напечатано:

18 колонка, на стр. 1114, 27 строка сверху: «нарсуды успевали разбирать...».

Следует читать:

...«Нарсуды не успевали разбирать...»

Напечатано:

На той же странице 2-я колонка в конце 1-го абзаца: «не лишены значения».

Та же колонка, 23-я строка снизу: «Срок этот должен простирается».

На стр. 1115, 2-я колонка, 27-я строка снизу: «О размерах постоянного поселения».

Следует читать:

«Не лишены значения, должен быть урегулирован».

«Срок этот может простирается»

«О возможности постоянного поселения».

Панов, Елоховский.

ОТ РЕДАКЦИИ.

1. Редакция просит авторов присылать рукописи, по возможности, перепечатанные на машине или написанные четким почерком на одной стороне листа

2 Редакция оставляет за собой право сокращений и редакционных поправок, не влияющих на содержание рукописи.

3. Непринятые рукописи авторам обратно не возвращаются.

Для ответов на всякого рода запросы должна быть приложена почтовая марка.

4 Гонорар получается в редакции самими авторами. Иногородным высылается за вычетом почтовых расходов, если указан точно адрес.

Юридическое Издательство НКЮ. РСФСР.

Москва — Кузнецкий Мост, 7.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ“ на 1926 год.

Орган Народного Комиссариата Юстиции РСФСР. • Пятый год издания. •

Выходит под редакцией: т.т. Н. В. Крыленко, Я. Н. Бранденбургского и С. М. Прушицкого.

Ближайшее участие в журнале принимают т.т. С. Александровский, С. Аскарханов, Х. Бахчисарайцев, М. Брагинский, Я. Бранденбургский, М. Бухов, В. Войтинский, Ф. Вольфсон, А. Гейхбарг, Д. Гомберг, Е. Домбровский, И. Евтихий, С. Зайцев, И. Ильинский, А. Иодковский, А. Карасс, И. Кобленц, М. Коваленков, Н. Крыленко, Н. Лаговнер, П. Лебедев, Д. Курский, А. Лисицын, Н. Мехамкин, С. Орловский, И. Перетерский, А. Приградов-Кудрин, С. Прушицкий, С. Раевич, А. Разумовский, Г. Рогинский, Д. Розенблюм, И. Ростовский, Г. Рындзюнский, А. Семенова, В. Соколов, П. Стучка, З. Теттенборн, П. Трунев, А. Турубинер, С. Членов, М. Фрадкин, А. Эстрин, В. Яхонтов.

Обслуживая, главным образом, судебных работников, журнал благодаря доступности своего изложения, является также необходимым пособием для советских, хозяйственных, профессиональных работников, работников дознания и уголовного розыска и вообще для всех лиц, желающих ознакомиться с советским правом и следить за советским законодательством.

Всем имеющим значение для широких слоев населения декретам посвящаются отдельные статьи. Кроме того, в обзоре советского законодательства, который регулярно печатается в каждом номере «Еженедельника», лицо, не могущее следить за официальным материалом, для просмотра которого требуется много времени, найдет краткое изложение каждого нового декрета.

В журнале помещаются статьи по всем отраслям права (государственное, международное, административное, гражданское, уголовное, трудовое, земельное и др.). Особое внимание в журнале уделяется вопросам судебной практики. В журнале печатаются кассационные определения угол. и гражд. касс. коллегии Верх. Суда, обзоры деятельности Наркомюста, разъяснения Отдела Зак. Предп. и Колиф., обзоры законодательства, хроника отдельных ведомств (центра), отклики с мест и заметки о местной жизни судебных органов, обзоры юридической литературы, русской и заграничной, библиографические заметки о всех вновь выходящих юридических изданиях.

В журнале печатаются все циркуляры и распоряжения Наркомюста, Верх. Суда СССР и Верх. Суда РСФСР, разъяснения пленума последнего.

Подписная цена на год. 11 р. 50 к.

» » на полгода. 6 „ — „

Для судебных работников при условии

подписки на год. 8 „ 50 „

при подписки на полгода. 4 „ 80 „

Всем годовым подписчикам, внесшим подписную плату до 15 декабря 1925 г., дается в виде бесплатного приложения, Юридический Календарь в переплете на 1926 г.

В розничной продаже Юридический Календарь будет стоить 2 р.

На срок менее полугода подписка не принимается. — Сроки подписки только с 1 января и с 1 июля.

Контора обращается ко всем подписчикам с просьбой заблаговременно подписываться на журнал во избежание перерыва в получении, а также в виду того, что тираж журнала будет рассчитан только на подписчиков и розничная продажа будет ограничена.

Требования на подписку направлять по адресу:

Юридическое Издательство НКЮ — Москва, Кузнецкий Мост, 7.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1926 ГОД на
„Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего
и Крестьянского Правительства РСФСР“.

Подписная цена:

НА I ОТДЕЛ:

на год 8 руб. — коп.
на 6 месяцев 4 руб. 50 коп

НА II ОТДЕЛ:

на год 3 руб. 50 коп.
на 6 месяцев 2 руб. — коп.

Судебным работникам, работникам милиции, ОГПУ, уголовного розыска, а также районным и волостным исполкомам и сельсоветам с подписной платы делается скидка 50% на I отдел и 20% — на II отдел.

За особую плату в 1 рубль подписчикам высылается алфавитно-предметный указатель за год, за доплату в 50 коп. — указатель за полгода.

Во II отделе „Собр. Узаконений“ публикуются уставы трестов, акционерных о-в и т. п. Заказы направлять по адресу: МОСКВА, Кузнецкий Мост, 7, ЮРИДИЧЕСКОМУ ИЗДАТЕЛЬСТВУ НКЮ.

При заказах необходимо высылать подписную плату полностью.

До получения подписной платы подписка принимается не будет.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1926 год
на ежемесячный журнал
„ОБЗОР ВЕДОМСТВЕННЫХ РАСПОРЯЖЕНИЙ“

народных комиссариатов С.С.С.Р. и Р.С.Ф.С.Р.“.

Издаваемые „Обзоры“ имеют своей целью представить возможно полный перечень ведомственных распоряжений, издаваемых наркоматами СССР и РСФСР в разъяснение и развитие декретов, постановлений и др. законоположений центральных законодательных органов Союза ССР и РСФСР, и тем дать каждому желающему возможность быть в курсе издаваемых наркоматами циркуляров, приказов, инструкций, постановлений и т. п. и быстро найти по интересующему его вопросу соответствующее ведомственное распоряжение

Размер каждого номера 5—6 печатных листов.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год 10 руб., на 6 мес. 5 руб 50 коп. с пересылной.

Заказы направлять по адресу: Москва, Кузнецкий Мост, 7, ЮРИДИЧЕСКОМУ ИЗДАТЕЛЬСТВУ НКЮ.

При заказах необходимо высылать подписную плату полностью. До получения подписной платы подписка приниматься не будет.